

СОДЕРЖАНИЕ:

А.И. Субетто, 1994.

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ НЕКЛАССИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУК

Т.В. Зырянова, 1994.

МЕТОД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

На примере одного занятия (разбор эксперимента, фрагмент)

Н.Н. Александров, 1994.

1. МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИКАТОРОВ КАЧЕСТВА В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМОГЕНЕТИКЕ

2. СИСТЕМОГЕНЕТИКА И ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

3. ПРИНЦИПЫ И ЦЕЛИ СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

4. НЕВЫУЧЕННЫЙ УРОК ИСТОРИИ

4. ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ. КУЛЬТУРА И БИЗНЕС

5. ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИСТЕМОГЕНЕТИКОМ

6. РЕЧЬ РЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА Н.Н. АЛЕКСАНДРОВА

7. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ (ПЛЕНАРНЫЙ
ДОКЛАД, МАТЕРИАЛЫ)

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕКЛАССИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУК

А.И. Субетто.

1. «Маятник» экономического теоретического мышления России в 90-х годах резко качнулся в сторону монетаризма в его неоклассической интерпретации. На смену идеологической монополии марксизма в экономическом образовании приходят во многих экономических вузах России, да и в средних школах, идеологическая монополия монетаризма, объясняющего экономическую динамику через призму свободной рыночной конкуренции и финансов.

Следует в определенной мере согласиться с мнением С.Ю. Глазьева, что устойчивое доминирование неоклассической теории в современной экономическом образовании мира имеет своей причиной стремление иметь «целостную, пусть даже догматическую картин мира», которая «кажется привлекательнее, чем разрозненное, с трудом складывающиеся в систему, знания отдельных составляющих». «Платой за эту слабость, однако, становятся тяжелые последствия неверной экономической политики, основанной на абстрактных постулатах [1, с. 37]. Мы же добавим, что платой за доминирование монетарной теории («экономикса») в высшей школе России и при подготовке учителей, несущих с собой экономическую грамотность в среднюю школу, будет не только неверная экономическая политика в будущем, когда в нее придут нынешние обученные специалисты, но и поголовное экономическое новшество, которое в условиях нараста-

ющего экономического давления на экономические механизмы функционирования общества, приобретает «преступные черты».

2. Сама монетарная теория, даже в ее неоклассическом варианте, не является доминирующей в мировом экономическом мышлении, хотя и занимает достаточно «крепкие» позиции в мировоззрении многих экономических мыслителей. Остается недостаточно отрефлексированным факт, что в условиях преобладания прагматизма в экономической теории, например в США, смена экономических моделей, которые рассматриваются как базовые для построения экономической политики, носят циклический характер с длительностью циклов доминирования моделей приблизительно 12 – 16 лет.

Монетарная модель сменяется неокенсианской, и наоборот. «Маятник» сменяющихся моделей экономической политики в США, Англии и в других странах как бы индуцирует «маятник» национализации – приватизации отдельных секторов экономики и следует за «маятником» безработицы и инвестиционной активности. В периоды экономической стагнации и кризиса усиливается роль государственных регулирования экономики и программирования ее развития. Сам факт периодической сменяемости теоретических моделей, которые кладутся в основу экономической политики, свидетельствуют о неблагоприятном состоянии экономической теории, которое выражается в слабой прогностичности ее моделей.

3. В недрах экономической науки «накопление и изучение аномальных фактов способствовало становлению новой научной парадигмы, получившей название эволюционная экономика» [1, с. 7]. У ее истоков стоит наша российская школа экономической мысли, в первую очередь творчество отечественного экономиста, философа и социолога Н.Д. Кондратьева, зарубежных ученых И. Шумпетера, Менша, А. Алхиана, Р. Нельсона, С. Винтера и др. Развитием этого направления является монография С.Ю. Глазьева «Теория долгосрочного технико-экономического развития [1], в которой по нашему мнению, ценной теоретической системой, которая должна быть востребована российским эконо-

миическим образованием, является концепция циклической эволюции технологических укладов экономики, позволяющей осмыслить технологическую гетерогенность развития экономики в планетарном и страновом измерении и соответственно подойти к пониманию динамической неравновесности «экономического организма», в котором нет места понятию равновесной цены и вообще статическому экономическому равновесию.

4. И однако проблема оснований экономической науки при обсуждении содержания новой парадигмы экономической науки не может быть, по нашему мнению, правильно разрешена без обращения к более широкому контексту цивилизационного развития в мировом масштабе, в котором получает свою логику становление неклассических социальных и экономических наук, тесно взаимосвязанное со становлением эко-экономики, эко-цивилизации и эко-образования. Автором этому вопросу посвящен целый ряд капитальных работ и статей.

В рамках тезисов представляется целесообразным выделить следующие моменты.

5. Первое. По энергетическому базису обменных процессов между обществом и природой человечество пережило две «эпохи цивилизации» [2]: вещественную (от начала истории и до начала XX века) и энергетическую (XX век). Соединение стихийных регуляторов развития человечества с «большой энергетикой хозяйствования» в XX веке (а энергетический скачок составляет от 10 до 10 степени) привело к резкому потоку социогенных и техногенных катастроф. В конце XX века человечество фактически уже вступило в состояние глобальной экологической катастрофы.

Возник императив выживаемости, отражающий Кризис Стихийной, Классической Истории, Кризис Стихийного Человека, продолжающего исповедовать свое право социально эволюционировать «методом проб и ошибок». Концепция «свободного рынка» и «либерального общества» – в концептуальном ряду такой философии.

Реализация императива выживаемости означает переход в эпоху Неклассической Истории, в которой человечество своим совокупным интеллектом обеспечивает управляемую социоприродную эволюцию (многие основания концепции социоприродной эволюции сформированы в недрах «русского космизма», в первую очередь творчеством Н.Ф. Федорова и В.И. Вернадского). Автор состояние бытия человечество в этой эпохе назвал «Тотальной Неклассичностью будущего бытия человечества». Неклассичность в данной теоретической схеме несет смысловую нагрузку, отражающую управляемость со стороны человека социобиосферным развитием, формирование нового социально-экономического гомеостаза, в котором все большее количество связей замыкается через общественный интеллект. На протяжении всей Истории действовал закон роста идеальной детерминации в истории [2], однако его действие как-бы не элиминировало стихийность истории. С этих позиций человек, в своей «отдельности», как-бы продолжал быть «объектом истории», ее «сырьем». Смена парадигм Истории на рубеже XX и XXI веков, связанная с императивом выживаемости, означает одновременно выход на открытую историческую арену всемирно-исторического закона роста идеальной детерминации в истории, а это означает изменение роли общественного интеллекта в истории. Категория общественного интеллекта, которая не была разработана классическим обществоведением, теория общественного интеллекта, становятся важнейшим компонентом Неклассического обществоведения, а вместе с ним приходит становление теории социальной и экономической инженерии, теории планирования, теории социального и экономического эксперимента, без которых не может быть теоретически обеспечена управляемость будущим со стороны общества. Однако в Неклассическом обществоведении дилемма плановости и стихийности решается как-бы с новых философско-методологических позиций. Стихийность не исчезает, поскольку в социальной эволюции она отражает не только неопределенность социоприродного взаимодействия и социально-экономического бытия, но творчество человека,

непредсказуемость многих научных и технологических открытий и нововведений. Стихийность «укрощается» через планирование и управление. Но это уже новый образ и планирования, и управления. По Дж. Гэлбрейту экономика США на 55% плановая. Несмотря на «романтическое апологетирование свободного рынка со стороны монетаристов как «неразумного», автоматического механизма, ведущего человечество по пути экономическому прогрессу, экономики развитых стран предстают как планово-рыночные экономики. Синтез рынка и плана происходит де-факто в мире. Переход к эко-экономике усиливает эту тенденцию.

б. Второе. Реализация императива выживаемости, переход в эпоху Неклассической Истории одновременно означает собой переход от энергетической цивилизации XX века к интеллектно-информационной цивилизации XXI века. Предпосылки такого перехода оформились в конце XX века в форме синтетической революции в механизмах цивилизационного развития, концепция которой разработана автором [2, 3]. Синтетическая революция включает в себя: системную революцию (резкий скачок в системности экономики и социума), генераторами которой являются революции – технологическая (рост технологической связности экономики и социума), информационная (рост информационной связности общества, появление информационного общества как важнейшего исхода его системности), человеческую революцию (перевод внешней разумной системности мира во внутреннюю системность, становление императива всесторонне, гармонично развитого, универсально-творческого человека как экономического и экологического императива, появление новой парадигмы профессионализма как проблемно-ориентированного, проективного профессионализма), интеллектно-инновационную (интеллектуализация производительных сил, креатизация управления), генераторами которой являются интеллектуальная, инновационная, образовательная революции, качественную (революцию качества), определяющую собой качественную модернизацию всей экономики и социальной сферы, качественную модернизацию рыночного механизма, появление конкуренции между развитыми

странами по качеству интеллектуальных ресурсов общества и качеству образования, выход на передний план в воспроизводственных механизмах социального кругооборота качества, затрагивающего качество человека, качество работы, качество технологий, качество информации, качество культуры, качество образования, качество общественного интеллекта и качество жизни, рефлексивную революцию, выражающую собой коренные изменения в основаниях общественных наук и человековедения, формирование Неклассической науки. Важным итогом синтетической революции является дифференциация экономик стран мира на «горячие» и «холодные» экономики. «Горячая» экономика – это наукоемкая, интеллектоемкая, образовательноемкая и информоемкая экономика с очень высокой востребованностью образования и высокой научно-технической восприимчивостью, обеспечивающая высокие темпы своего развития. Ее особенность состоит в том, что она одновременно есть качественная экономика или КВАЛИ-ЭКОНОМИКА. «Холодная экономика» – это экономика с низкими темпами развития на базе традиционных, медленно обновляющихся технологий, с низкой востребованностью образования. Если воспользоваться типологией технологических укладов экономика Ю.С. Глазьева [1], то холодная экономика – это многотехнологическая экономика, как правило, не преодолевшая 3-й и 4-й технологические уклады. «Горячая экономика» – экономика с доминированием 5-го технологического уклада.

7. Третье. Синтетическая революция в механизмах цивилизационного развития требует по-новому взглянуть на методологию философии истории. Автором выдвинуто положение, что в Истории действует как-бы две Логик развития: Внутренняя Логика Социального Развития и Большая Логика Социально-природной Эволюции. Все концепции социологии и экономики, формационная теория К. Маркса, теория истории как история Вопросов Божественного Логоса и Ответов человечества Дж. Тойнби, культурологическая теория социологии П. Сорокина и др. не выходили за пределы Внутренней Логик

Социального Развития. Кризис Стихийной Истории неожиданно выявил Большую Логику Социоприродной Эволюции.

XX век предстал как «бифуркационная точка» на «поле истории».

Два «выхода» просматриваются для человечества из этой «точки».

Один «выход» из Исторического Инобытия, каковым является Стихийная История в Историческое Небытие, что означает гибель мировой цивилизации в результате экологической катастрофы. Другой «выход» из Исторического Инобытия в Историческое Бытие, что означает состояние управляемой социоприродной эволюции как достояние Тотальной Неклассичности. Три «эпохи-цивилизации» – вещественная, энергетическая, Интеллектно-информационная – отражение Большой Логики Социоприродной Эволюции. Важнейшим элементом действия Большой Логики Социоприродной Эволюции является трансформация экономики стран мира в ЭКО-ЭКОНОМИКУ.

ЭКО-ЭКОНОМИКА – это всегда КВАЛИ-ЭКОНОМИКА, это всегда наукоемкая, интеллектоемкая, образовательноемкая и информоемкая экономика. Она требует концентрации общественного или «экологического» капитала и управления ресурсами на средних и длинных экономических циклах, с целью реагирования на крупномасштабные чрезвычайные ситуации и экологические катастрофы.

Экологизация экономики означает повышение ее мобильности, формирования, наряду с рыночными механизмами, механизмов быстрого реагирования, инвестиционной мобильности, аналогично тем преобразованиям, которые происходят с экономикой в периоды войн.

Эти преобразования «аналогичны», но не тождественны. ЭКО-ЭКОНОМИКА – это всегда планово-рыночная экономика с усиливающимися процессами экологического и технологического обобществления собственности и управления. На Конференции ООН 1992-го года в Рио-де-Жанейро по охране окружающей среды и устойчивому развитию прозвучал предостерегающий человечество

манифест: если «развивающиеся страны» будут развиваться по модели «развитых стран», человечество ждет крах в ближайшем будущем. Это был манифест кризиса либеральной идеологии и отношения к частной собственности как к абсолютной ценности, и, следовательно, это был манифест «Тупиковости» монетарной идеологии с позиций ЭКО-ЭКОНОМИКИ. Большая Логика Социально-природной Эволюции, по-видимому, сужает исторический горизонт «властвования» рынка как «стержня» и основания экономического гомеостаза. Императив выживаемости все более становится императивом внедрения плановых механизмов в экономику, ускорения процессов становления государственно-общественного капитала, контролируемого общественным интеллектом.

8. Четвертое. Квалитативизация и экологизация экономики сопровождается капитализацией знания, информации, человеческого интеллекта. Меняется природа стоимости и потребительской стоимости вследствие интеллектуализации труда и капитала и экологизации экономики.

Неклассическая экономическая наука раскрывает эти преобразования. Появляется витально-экологическая стоимость товара и технологий [2, 3]. Теория экономической ценности становится триадной, раскрывающей механизм взаимодействия стоимости и витально-экологической стоимости. При этом витально-экологическая стоимость отражает человекоемкость (адсорбирование на товаре «сокращения» жизни рабочего) и природоемкость (адсорбирование на товаре «разрушений» природы). Постановка цен на квоты выбросов углекислого газа в атмосферу, прозвучавшая на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро – отражение появления на «экономической сцене» витально-экологической стоимости, которая все больше и больше будет заявлять о себе как механизм функционирования ЭКО-ЭКОНОМИКИ.

9. Пятое. Указанные процессы, обусловленные Большой Логикой Социально-природной Эволюции и происходящей синтетической революцией в механизмах цивилизационного развития определяют экономику, выдвижение в рядоположенное

место с экономикой общественного производства «экономики человека» и «экономики образования», причем образование становится «образовательно-педагогическим производством человека», отвечающим за восходящее воспроизводство, опережающее развитие качества человека и качества общественного интеллекта. Эпоха Тотальной Неклассичности будущего бытия человека будет эпохой социальной экономики, приходящей на смену эпохе политической экономии. Категории «социальной экономики», которая была введена в теоретико-экономический контекст Н.Д.Кондратьевым, по автору, еще предстоит сыграть свою роль как ключевой категории новой парадигмы неклассической экономической науки.

10. Шестое. Появление «эволюционной экономики», являясь частью процесса становления Неклассической экономической науки, следует рассматривать в контексте становления социальной и экономической генетики, важнейших компонентов Неклассичности социологии и экономической теории. Термин «социальной генетики» очевидно впервые введен П. Сорокиным в 1918 г., хотя он не был трансформирован П. Сорокиным в развитую концепцию. Более фундаментально вопрос о социальной и экономической генетике был поставлен Н.Д. Кондратьевым. В его представлениях социальная и экономическая генетика опиралась на разработанное им учение о «длинных» экономических циклах – «волнах» (длиной в 50 лет). К сожалению, история не дала ему превратить свой грандиозный замысел в развитую науку.

В определенной степени «эволюционная экономика» воссоздает этот замысел, но не полностью. В ее теоретических конструкциях превалирует аналогия с дарвиновской эволюционикой. В России на базе оригинальных генетических концепций в 70-80-х годах сформировалась системогенетика, как часть развивающейся системологии, в которой раскрывается система законов, определяющих механизмы наследования и эволюции: закон системного наследования, закон инвариантности и цикличности развития, закон дуальности

управления и организации, закон спиральности развития, закон неравномерности развития систем как определенных целостностей, закон разнообразия, законы конкуренции и кооперации (дополнения, сотрудничества, «любви») и др.

На основе системогенетики разрабатывается концепция социальной и экономической генетики [3,4], которая в версиях автора и Ю.В. Яковца стала предметом острой дискуссии на 5 Междисциплинарной дискуссии в рамках Первых Кондратьевских чтений в Институте экономики РАН в марте 1993 года. 17 марта 1994 года на вторых Кондратьевских чтениях была проведена дискуссия по докладу В.И. Маевского, посвященного экономической генетике.

Социальная и экономическая генетика рассматривает высокие и низкие частоты, (короткие, средние и длинные циклы) функционирования и развития социума, культуры и экономики как неотъемлемый элемент механизмов наследования и эволюции, поддержания динамического равновесия.

Социальная и экономическая генетика резко расширяет концептуальное пространство «эволюционной экономики». Хотя в ней и говорится об «экономической генетике», «генотипе» хозяйствующих субъектов, проявляющемся в процедурах поиска новых технических и организационных решений хозяйствующих субъектов, однако данный теоретический компонент не получил адекватного теоретического развертывания.

Социальная и экономическая генетика раскрывается в единстве генетических концепций развития общества, культуры, технологий, образования, этногенетики, системогенетики науки, гносеосистемогенетики, «стержнем» единства которых выступает системогенетика и их взаимодействие.

Социализация экономики сопровождается смещением в доминантах в системогенетических механизмах к общественному интеллекту и образованию. Общество все больше становится «образовательным» обществом, а экономика – экономикой «образовательного общества». Происходит сдвиг от функции

экономического отбора к функции экономического выбора, на что указал Л.И. Абалкин.

Историческое отрицание частной собственности, ускорившееся под воздействием Большой Логике Социоприродной Эволюции, происходит не в форме отрицания по типу «или-или», а в форме роста организмичности общественной собственности, где частная собственность становится частью общественной, одним из ее проявлений.

11. Указанные шесть положений – тезисов определяют необходимость осмысления программы экономического образования в школе и в вузах в контексте становления неклассической экономической теории и неклассической социологии, в моделях которых учение о цикличности экономического развития и социогенетика (социальная и экономическая генетика) должны занять достойное место. Одним из важнейших критериев адекватности экономической теории является отражение теории эко-экономики с перспективой ее трансформации в XXI веке в «биосферную экономику». Сложившаяся структура политической экономики не является адекватной происходящим изменениям. Экологизация и социализация экономики затрагивает фундаментальные механизмы ее функционирования.

Многое находится в развитии. Но уже сейчас происходит понимание ключевой роли «экономики образования и человека», становящейся «локомотивом» всего социально-экономического развития (вместе с экономикой науки) на ее низких частотах.

Изложенное требует активизации отечественной экологической мысли. «Золотой фонд» отечественного научного потенциала в этом направлении связан с именами Вернадского, Кондратьева, Чаянова, а также с успехами развития учения о цикличности социально-экономического развития и социогенетики, системоевистики в последнее десятилетие.

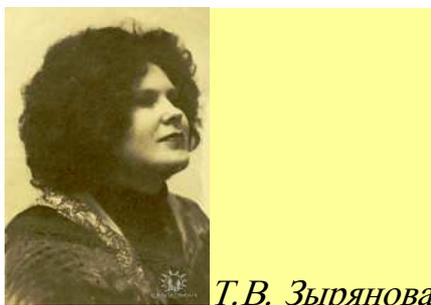
ЛИТЕРАТУРА:

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: «Владар», 1993. – 310 с.
2. Субетто А.И. Гуманизация российского общества (Авторская концепция) – СПб.- М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1992. – 155 с.
3. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный Интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез) – СПб.- М.: Изд.фирма «Логос», 1994. – 257 с.
4. Яковец Ю.В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы // Научный доклад к 5 междисциплинарной дискуссии (18-19 марта 1993 г.) – М.: Международный фонд Н.Д. Кондратьева, Ассоциация «Прогнозы и циклы», АНХ при Правительстве РФ, 1992. – 58 с.

Тольятти, 1994.

МЕТОД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

На примере одного занятия (разбор эксперимента, фрагмент)

ВВЕДЕНИЕ

Пред вами “стенограмма урока” – урок, действительно, был зафиксирован сразу же после его проведения. Но урок это необычный: в нем впервые был применен метод художественной герменевтики. И получился прорыв, достойный упоминания и обсуждения даже сегодня, несколько лет спустя.

«Стенограмма», конечно, условная, хотя бы потому, что записать стенограмму собственных мыслей, идущих параллельно уроку, просто невозможно, это – позднейшая реконструкция (и она написана курсивом). Более темным шрифтом обозначены характерные обобщения по ходу. В конце изложенного фрагмента – педагогический разбор поставленных и достигнутых целей, использованных приемов, и характеристика аудитории.

Здесь приведены и **стенограмма** (выдержки), и **внутреннее интервьюирование**. К этому можно было бы приложить и документы – сочинения и эссе, которые напишут студенты через полгода, через год и через два года, на выпускном экзамене: весь аппарат, заданный на первых занятиях, в творческих работах уже *присвоен* ими и работает у каждого в меру его таланта.

Это удивительные работы, которые написали... будущие банкиры.

(Интересно, а помнят ли они этот урок?)

ЧАСТЬ 1.

Всякий раз задача ввести обучающихся в тот или иной художественный мир начинается с вопроса: “Как? Каким способом это сделать? Где найти те путеводные нити, которые подвели бы к самому характерному и неповторимому, определяющему самобытность творца, и вместе с тем помогли бы найти приметы времени – такие черты, какие послужили бы обобщенным эстетическим опознавателем эпохи, стиля, модуса выразительности?”.

Остановимся на начальном этапе, когда только выявлялась способность обучаемых к постижению художественного текста. Оказалось: потенциал неплохой, сама же способность была оценена скромно, чуть ли не уровнем нулевым: не было у обучаемых в начале учебного года, даже в новом учебном заведении, ни желания прочесть произведение (в нашем случае это – стихи Н. Гумилева “Сады души”), ни конкретных ориентиров для его анализа – в случае, если желание появилось бы. И уж тем более: не было побуждения выучить стихотворение наизусть. Были: откровенная лень, недоумение, а то и раздражение (“Зачем это в БАНК-колледже?”), вялость и скука.

Без всякого преувеличения следует отметить, что в группе были обучаемые, которые даже не прочли к уроку заданного произведения, а наиболее старательные и активные, выучив наизусть, затруднялись ответить на вопрос: “О чем стихи?”. Самый распространенный, не без претензий на остроумие, ответ: “О садах души!”. А что еще? Мы же выучили? Ставьте пятерку. (За выученное стихотворение в школе всегда ставили пятерку).

В процессе диалога выяснилось, что обучаемые не анализировали стихов, сочинение писали, по указанию учителя прочтя в учебнике необходимую статью о писателе или поэте и его творчестве. По их словам, сочинение выражалось либо в пересказе учебника, если не в прямом списывании, либо в переложении высказываний учителя.

Значит, начинать надо было... с начала.

Стенограмма урока

Снятие стереотипа

Для начала нужно полностью убрать из учебного процесса стандартные ожидания. Урок не строится как “опрос” по поводу прочитанного и заученного – это самое главное. Урок строится как саморазвивающаяся импровизация с целями, которые ясны только мне.

- Все ли слова в этом тексте вам понятны?

- Понравилось ли стихотворение?

- Что непонятно?

Увы, нашлись и такие, кому непонятно самое главное: “Сады души” – что это такое? Хорошо, что честно.

- Чтобы понять, давайте отправимся “в сады”. А потом попытаемся ответить и на такой вопрос, почему не *сад*, а *сады*, во множестве.

Безусловно, речь пойдет о природе. Найдем ее приметы.

- Ветры – “так свежи и тиховейны”...

- Растения – “необычайные”...

- Птицы – “розовеющие”.

- Розы!

Да, розы – знакомые цветы, но особые – нежные, хрупкие, уязвимые, внушающие настроение необыкновенного торжества.

- У них есть свойство очищать энергию пространства.

Уместное замечание. Но обратим внимание на “необычайные растения”. На что указывает этот эпитет?

- На то, что природа описываемого мира не похожа на ту, какую мы привыкли видеть.

Есть ли еще подтверждение этому в стихах?

- Да. Это – “глубокие прозрачные” бассейны, значит, в них – необыкновенно чистая вода.

(Для нас это почти волшебно, хотя здесь, скорее, печальная примета нашего времени – экологической катастрофы, поэт же подразумевал под этим иное!).

Так, в потоке вроде бы спонтанных зацепок за определенные признаки, мы определили целый перечень того, что понадобится нам впоследствии: объект по типу отнесен к природе, однако это – странная природа, ее характеризуют варианты одного и того же – необычайности.

Но вот находят главное:

- Девушка в венке!
- “У ног ее – две черные пантеры”.
- “Ее фламинго плавает в лазури”.

Появление человека, к тому же женщины, моментально перестраивает этот необычайный мир. Ее атрибуты таковы, что бытовой план сразу исключается всеми. Возникает веер возможных объяснений и, многократно пройдя по стихотворению, мы убеждаемся, что речь идет о символе и о своеобразной геральдике. Венок, две симметричные пантеры у ног, фламинго с загадочной ролью.

Безусловно, перед нами – мир, ни в чем не похожий на обыденный. Почти сказочное великолепие! Мир – фантазия, но населена экзотическими существами. Русский поэт, проживающий в Петербурге (север России!), грезит нездешними видениями. И только ли его бесчисленные экспедиции в Африку тому причиной? К этому вопросу мы еще вернемся. (Это будет в Литературной гостинной).

А пока зафиксируем пульсацию необыкновенного в стихах.

Что можно еще добавить – как эффект, усиливающий несходство с реальностью мира, описанного творцом?

- Девушка “в венке великой жрицы”...
- Таинственная пещера.
- Восточные лилии.

Все это – приметы “нездешнего” мира.

Наши дальнейшие шаги наращивают “густоту” этого мира, он становится не только миром символов, он начинает жить по своим законам, в нем появляется движение.

Но есть ли у этого мира адрес?

Вначале отвечают:

- Есть, есть. Вот африканская природа (фламинго, пантеры). Да и пустыня, в которой бесится сирокко, вполне может быть африканской.

- Восточные лилии упоминаются! И вполне вписываются в этот пейзаж.

Возникает спор.

- Как же восток и Африка уживаются в этих садах?

- Да, тут что-то не так. Наверное, восточные лилии здесь упоминаются лишь для сравнения, – пытаются некоторые “помириться” со мной, ища компромиссное решение.

- А если я все-таки скажу, что могут в этом мире быть рядом и восточные лилии, и пантеры, и фламинго... и снег невдалеке?

- Тогда это сказка.

- Давайте еще раз посмотрим, как называются стихи?

- Сады души!!!

Осенило некоторых.

- Я понял: это не сказка, это – мир души, где все возможно, чего не скажешь о мире, окружающем нас в повседневности.

Топическая локализация, одно из самых главных качеств ориентации в нормальном мире, здесь отсутствует напрочь. Это требует от обучаемых смелого шага: отказаться от пространственной определенности и не искать в этом стихотворении черт узнаваемого места. Такой шаг – качественный.

Того, что преподносит нам поэт, нет в реальности. Что-то заставило его создать этот мир.

Здесь снова выдвигается ряд гипотез:

- Это – просто вольная игра воображения.
- Это – бегство от нашего скучного мира – по контрасту с ним.

Однако явностораживает продуманность деталей вокруг таинственной жрицы. Значит, не игра, а если так, то за этим есть тайный умысел. Скрытый смысл. И действие превращается в детектив: поэт от нас что-то очень важное прячет, но оставляет нам намеки, следы, опорные точки смысла. Все это – в словах, в “волшебном порядке слов”.

Но было бы впечатление столь мощным лишь от этой смелой фантазии, допускающей соседство разных реалий, маловероятное в действительности?

Давайте обратимся к тексту. Есть ли еще приметы волшебства?

- Есть. Мрамор – черный. В жизни он только белый.

- Венок великой жрицы. Это ведь деталь, уводящая нас, что называется, в глубь веков! Стало быть, Гумилев погружает нас в древние слои времени. И сам обращен к прошлому. К тому же пещера, “таинственная”, тоже способна вызвать в нашем представлении образы древности...

Следующий шаг должен очертить временную ориентацию стихотворения. Куда направлен интерес творца? Ответа два: в прошлое (“венок жрицы”, а жрецы были именно в прошлом) и неизвестно куда, в пространство вне времени. Ко второму варианту склоняет похожесть всего этого на библейский Рай: в нем нет времени.

Итак, мы сейчас коснулись самого существенного в природе творчества. Погружение в художественный мир разбудило наши ассоциации. Что такое ассоциация? Этим понятием мы будем оперировать и в дальнейшем на уроках литературы, потому что ассоциация – важный инструмент при постижении авторского текста. Давайте сейчас вспомним записанную на прошлом уроке формулировку.

Вспоминаем:

- Ассоциация (лат. “*associatio*” – “соединение”): в психологии – **связь**, которая образуется при определенных условиях, между ощущениями, восприятиями, представлениями, идеями и т.д.

Другое понятие, не менее важное для нас с первых же занятий, – понятие суггестии. Оно имеет прямое отношение к производству искусства, в первую очередь – литературы. И мы сегодня к нему обратимся. Суггестия (лат. “*suggestio*” – “внушение”) – особый вид переживаний, сообщаемый опосредованно созданным в произведении поэтическим настроением. Это поэтическое настроение слышится читателю, как отзвук, как эхо, как гул отзвучавшего колокола.

Чтобы убедиться в силе суггестии и ассоциаций, обратимся к эпитетам. Вспомним, что это такое.

Вспоминаем, формулируем:

- Эпитет (греч. “*epitheton*” – “приложение”) – слово, определяющее предмет или явление и подчеркивающее какие-либо его свойства, качества или признаки, при этом обогащающее его в смысловом и эмоциональном отношении.

И обращаемся к тексту.

Мы делаем резкий поворот в занятии. едва набрав скорость, останавливаемся и сами себя осмысляем. Эта быстрая рефлексия завершается отточенной формулировкой, которая фиксируется под запись. Одновременно начинаем формировать наш аналитико-синтетический понятийный аппарат. К суггестии сегодня мы не вернемся, но по мере накопления впечатлений во время “сеансов искусства” осознание ее роли возникнет: здесь мера, как в “Сталкере”, – выбрасывание камня вперед в процессе следования маршруту.

В чем особенность изображенного мира?

Попытки угадать:

- Много эпитетов?
- Много ассоциаций?

Осталось еще сказать: много суггестии (!) – в ответ раздается самокритичный смех. Явная заминка.

Вопрос поставлен абстрактно. Они не знают, в какую сторону следует идти, и опасаются высказывать гипотезы. Им нужно понять логику преподавателя, и до реконструкции этой логики они не хотят рисковать. Помогаю им.

Мир предстает перед вами черно-белым или цветным?

- Конечно же, цветным!!!

Посмотрим, какие цвета и оттенки упоминаются при его описании и как в этом участвуют эпитеты.

- Песок – “золотой”.

- Щеки – “розоватый жемчуг юга”.

Цвета, оттенки создаются и глаголами, и существительными: у Гумилева “розовеют” воды и птицы, фламинго плавают “в лазури”.

Что такое лазурь?

- Это – синева, например небесная лазурь всегда представляется нам светло-синим цветом (праздничное, внушающее радость небо при хорошей погоде, – в противовес хмурому, серому, дождливому небу, способному внушить мрачное настроение).

В этих стихах цвета и оттенки ассоциативно заданы на уровне восприятия и представления. Более того: мы легко обнаруживаем, что, несмотря на то, что прямо не указаны поэтом цвета садов, растений, венка, они видятся нам зелеными. Зеленый цвет создает фон всему изображению.

“Глубокие прозрачные бассейны” внушают нам картину чистой воды, представление о которой связано с голубым цветом, особенно если речь идет о глубине. Само слово “розы” связывается с оттенком розового. Фламинго – розовые. Эффект многоцветья дополняет упоминание пустыни (желтой), но песок у поэта – “золотой”, а это уже не только цвет, но и блеск. Таким образом, заключаем: цветовая гамма стихотворения наделяет яркостью и блеском все, о чем

идет речь в “Садах души”. Золото (сияние) песка, жемчуг (перламутра – радужный перелив) щек, пантеры, “с отливом металлическим на шкуре” (блеск), “прозрачные бассейны” (чистота воды – это тоже блеск), глаза девушки, уподобленные отблеску “чистой, серой стали” (блестящая фактура) – все это скрытые или явные эффекты, позволяющие увидеть нам мир души поэта сверкающим!

Но только ли цветность и блеск использованы при создании художественного мира?

- Нет. Мы встречаем в садах черный мрамор (редкость в материальном мире), черные пантеры (экзотические животные), в стихах говорится о серых глазах (уподобленных серой стали), металлический отлив на шкурах пантер также связывается с серым цветом. Серой в принципе может быть и “таинственная пещера”.

- “Изящный лоб белей восточных линий” – такое использование белого тона указывает на идеальный портрет девушки.

Таким образом, весь тональный спектр участвует в создании мира души поэта. Что достигается этим?

Тональный контраст “черное-белое” и гасящий его серый тон необходимы художнику для создания таинственной, экзотической атмосферы, рисующей космос его души, где царят строгость, гармония и порядок. Для усиления тайны, заключенной в душе и определяющей настроение стихов. Для создания необычной красоты.

Нам рано открывать им, что хроматический строй (цветность самой быстротекущей жизни) и ахроматическая гамма (логическая конструкция мира) есть две пересекающиеся онтологии, хотя что-то в этом роде они смутно почувствовали. Ведь представлен весь цветовой спектр, а поэту зачем-то понадобились еще и страшные бесцветности черного, белого, серого. Но через

некоторое время по рекомендации желающие самостоятельно прочтут хайдеггеровское “Бытие и время” и сделают нужный вывод – как озарение.

Что создает, что делает красоту необычной?

- Это – предметный мир: песок, мрамор, бассейны, растения, воды, птицы, венок великой жрицы, пещера, розы, пустыня, сады...

- Это – образы: девушка, птицы, пантеры, фламинго.

Есть ли приемы создания необычной, экзотической красоты?

- Это – эпитеты.

Еще!

- Это – сравнения.

Да, действительно, сравнения Гумилева стягивают далекие, с точки зрения привычного материального мира, образы: растения // сны; воды // птицы; глаза // сталь; лоб // лилии; щеки // жемчуг.

Можно ли говорить об особой роли цвета в этих стихах?

- Можно, потому что главные цвета – розовый и голубой, а это очень яркие цвета, внушающие радость.

Да. Можно сравнить вот с чем: во что предпочитают одевать детей любящие родители?

- В розовое и голубое!!!

Никакое иное сочетание цветов не несет в себе такого заряда мажорных эмоций!

- Но в стихах розовый и голубой сочетаются с блеском упоминаемых образов, а это еще более усиливает праздничность впечатления.

От подобного вывода – один шаг к поискам в культуре аналогичного. Они будут листать альбомы репродукций и наткнутся на этот колорит у солнечного Веронезе, у яркого Тьеполо. Но однажды они увидят эту гамму, превращенную в розово-голубой мирок мещанских будуаров: мещанам всегда хочется быть похожими на культурных людей, и они перенимают самое легкое – форму.

Этот найденный цветовой ключ светоносен, и от исходной светоносности весь пейзаж Гумилева окрашивается неземным, нереальным, но очень ярким светом. Его душа излучает свет, которым освещены сады.

Теперь соединим роль тонального спектра (создающего строгий порядок и гармонию) и роль цветовой гаммы в стихотворении. Что получаем?

- “Сады моей души всегда узорны”!

Совершенно верно. Ведь узор – это “рисунок, являющийся сочетанием линий, красок, теней”, а это подразумевает строгость и фантазию, порядок и лирический хаос, где любой образ – неожиданность, гармонию и дисгармонию, извне угрожающую миру души подобно сирокко, который бесится в пустыне. Соединение тонального спектра и цветовой гаммы – это причудливое, предельно своеобразное сочетание глубокой тайны души с ее живописностью.

С чем вообще ассоциируется у нас слово “сады”?

- С природой.

- С зеленью.

- С цветением.

Остановимся на последнем варианте или обобщим: когда говорим о садах в лирическом контексте, всегда представляем буйно разросшиеся деревья, природу в расцвете, цветущую природу!

Цвет – это универсальный эмоциональный язык всех. Но с линией и пятном – сложнее. Узорность – особое свойство линейной композиции. Узорность не стихия. Это – сложный и общий язык всех.

Теперь обобщим роль сравнений.

- Они особенные.

Почему?

- Потому что их роль – в заострении необыкновенных качеств образов и предметов, на которые поэт обращает наше внимание.

Всех реалий, населяющих мир его души, не так ли?

Давайте назовем эти качества, имеющие, судя по всему, ценность для художника.

- Идеальность портрета девушки создает сравнение “изящного лба” с восточными лилиями.

- Сравнение “глаза – чистая сталь” не только помогают представить серые глаза (символ кротости в мировой литературе), но и гордость, неприступность, загадочность девушки “в венце великой жрицы” (намек на непостижимость ее тайны и величие).

- Розовеющие воды и птицы подчеркивают чудесность мира.

- Уподобление растений снам – по необычности – готовят нас к любой неожиданности.

Можно ли сказать, что сравнения переводят нас в пространство измерений, далеких от повседневных, будничных, – в пространство фантастических представлений?

- Да, именно в этом их особая роль.

Что, по-вашему, преобладает в произведении: зрелищность, звук, вкусовые ощущения, запаховые или пространственные?

После недолгих споров определяемся: стихотворение зрелищное. Все образы – зрительные. Сама картина в целом безмолвна: доминирует образ молчаливой девушки (“Уста... ни с кем не говорили”). Даже ветры “тиховеины” (бесшумны). Запаховые ощущения идут от роз, их благоухание разлито в пространстве садов. Пространственные ощущения – в масштабе безмерной душевной бесконечности: не сад – “Сады моей души!”.

- Да! – сказали все. – Мы поняли!

Что же они так мгновенно после этого поняли? Оказывается, стало ясно, почему стихи называются “Сады моей души”: в этом названии обнаруживается непостижимая глубина и беспредельность внутреннего мира поэта – он как бы весь мир заключил в пределы своего “Я”.

- Ведь не случайно у него фигурируют юг, Африка, и восток, а сам он живет на севере (в Петербурге)?

Нет, не случайно, прозрение выражено в наивной форме, но верно.

На созданный пространственный масштаб ориентированы и параметры глубины (бассейны), высоты (фламинго в лазури). Мир – в четырех измерениях, где четвертое – Вечность: “Мои мечты лишь вечному покорны”.

Глубина (прозрачность), высота (лазурь) – очень чистое пространство.

Сюда нет доступа никому – и никто не может осквернить эту чистоту. Она жива. Она – вне времени. Но это не мир земли, это – мир ангелов.

Теперь обратимся к композиции данного стихотворения.

Само слово произошло от глагола «компоновать». Скажем так: компоновка образов – основа творчества. Компонуя образы, сочетая их друг с другом, поэт создает композицию: “компоновать значит красноречиво сочетать”. Сочетая одно с другим, творец создает нечто третье (композицию, раскрывающую, воплощающую замысел).

Огромное значение для композиции имеет ритм.

Какие слова могут участвовать в создании ритма, влиять на его изменение?

- Глаголы?

Назовите мне такие глаголы.

- “Розовеют”... Плавает (фламинго в лазури). Замедляют скорость...
Употреблены в настоящем времени. Словно на наших глазах это происходит.

Есть ли в этом эффект?

- Есть. Это вносит что-то торжественное, мы видим размеренность в движениях, неспешность. Здесь никто и никуда не торопится. Время само как бы застывает.

Но все ли сказуемые выражены глаголами? Посмотрите.

- “Сады моей души всегда узорны”. “Узорны” – это краткая форма прилагательного. “В них ветры так свежи и тиховейны”. То же самое – “свежи”, “тиховейны”. В других строках сказуемого нет вообще. Оно подразумевается.

Зачитайте!

- “В них золотой песок и мрамор черный...” Есть: бассейны, растения, девушка...

Что происходит с нашим восприятием от этого?

- Мы замечаем отсутствие действия. Вся картина статична. Посмотрите, нет ли глаголов, указывающих на стремительность действия?

- Есть! “Пускай сирокко бесится в пустыне”! И есть причастие “бегущих”. Это в последних строках.

С точки зрения композиции случайно это или нет?

- Не случайно. И единственный глагол, указывающий на активное действие, и слово “бегущих” чужеродны по отношению к описанной картине.

- Поэт прямо признается: “Я не смотрю на мир бегущих линий”.

А что стоит за образом “мира бегущих линий”?

- Суета.

- Погрязание в мелочах буден.

- Это когда быт “заедает”!

- Жизнь повседневными заботами.

А все ли повседневные заботы унижают человека?

- Нет, только обывательские!

Например?

- Такие, которые человека заставляют забыть, ради чего он живет, делают его жестоким или безразличным по отношению к близким... Это заботы эгоистические либо животные.

Правильно ли я вас поняла: вы имеете в виду мелочный интерес человека к устройству своего быта “в рамках обезьяньего пространства и времени”, в пределах своей жизни, и всякое отсутствие интереса к жизни духовной?

- Да.

- Поэт противопоставляет себя такому способу жить. Об этом говорят слова: “Мои мечты лишь вечному покорны”.

О чем это?

- О ценностях, прошедших испытание времени: о душе, о духовности...

- О достоинстве, мужестве, чести...

- О верности самому себе.

- О силе духа, позволяющей выстоять в беде.

- О гордости!

- И слова, заключающие в себе действие, скорость, даны поэтом для усиления контраста: мир “бегущих линий” чуть ли не враждебен замечательной картине...

Добавим: КАРТИНЕ В РАМЕ.

- ???

Герметический мир души противостоит (“Пускай!”) всему, что бурно движется. И есть только одна жизнь в этих мирах – жизнь света (“розовеет”) и парящего в лазури экзотического существа.

Ритм стихотворения, как мы заметили, монументальный, фресковый и создает интонацию умиротворения. Композиция это подчеркивает построением произведения: она носит характер замкнутой, кольцевой: *первая строка равна последней*. Благодаря такой композиции можно представить, что написанное – портрет души поэта, и портрет этот представлен нам в раме (словесное окаймление: одни и те же слова первой и последней строчек). Более того: рама эта по смыслу декоративна, ведь речь идет о садах души, которые “всегда узорны”.

(Я не могу ничем доказать, но рама этого стихотворения – овальная. Прием рондо замыкает раму в круг, но вытянутость парящего в лазури требует овального обрамления, чтобы в этом мире возобладала вертикаль. Сама эта рама – такая странная узорная рама – из прозрачного цветного стекла, которое как бы тихо плавится, подобно насыщенным краскам витража, обрамляет световую картину Рая. Рая для одного. Одного, которого за компанию расстреляют коллективисты).

В чем загадка этого величественного покоя?

- ???

Иду навстречу: давайте сравним это стихотворение с былинной. Вы помните, там обязательным является внешнее действие. Герой скачет, сражается, побеждает, пирует, мечется в темнице – все действия активны и направлены во внешний мир. Лирический герой Гумилева, подобно Будде, находится в состоянии медитации, и именно в этом состоянии ему открываются фантастические миры и загадочные символы. Героя былины всегда сопровождают не только враги и спутники, но и народ в целом, за который он сражается. Герой Гумилева – одиночка, и его одиночество абсолютно.

...Был такой московский художник Василий Кандинский. Однажды вечером он вошел в свою мастерскую и в полусвете увидел холсты, которые поразили его своей необычностью. Оказалось, что они были перевернуты, и от этого воздействие изменилось. Он увидел пятна, которые каким-то образом сообщали ему не то, что было на картинах. И у Кандинского впервые возникла мысль, что сами по себе сочетания линий и пятен и цветов способны передавать смысл. Всю свою жизнь он посвятил поискам выражения духовного в этом открывшемся ему языке. Он заговорил о духовном в искусстве языком абстрактных форм.

Только что мы прочли стихотворение, в котором тоже ничего не изображено – нет действия, остановлено время, а для литературного произведения это то же самое, что для живописи – абстракционизм Кандинского. И тем не менее мы обнаружили поразительные по глубине смыслы, которые поэт сумел до нас

донести: о вечности, о космосе, о человеке, об искусстве. Как это произошло? Как это вообще возможно? Что за тайна?

- Это похоже на музыку. Только здесь музыка передается цветом и светом – возникает цветомузыка.

Совершенно верно! Тот же Кандинский ставил себе целью уравнивать живопись и музыку, а Чюрленис, создавая свои картины, одновременно писал и музыку к ним. Но что самое главное в музыке?

- Настроение.

- Состояние души.

- Возможность представить картины жизни, природы.

- Или возможность рассказать о себе через создание картины природы.

Рассказ о себе через картины природы – очень важное свойство литературы, владеющей словом, в музыке же все передается интонацией. Попробуйте привести примеры сами, если вы это понимаете.

- “Лунная соната” Бетховена: интонация медленно льющегося света и затаенности, отчего критики ее и назвали “Лунной”.

- Бетховенская “Ода радости” передает это чувство как нарастающую экспрессию.

- А Моцарт написал “Реквием”: в нем – интонации ужаса и величия смерти.

Замечательно. И все это – интонация. А можем ли мы определить интонацию стихотворения Гумилева?

- Можем. (Далее последовал набор попыток).

- Интонация божественной просветленности и таинственности.

- Интонация Таинственного Безмолвия.

- Но ведь это в музыке выразить невозможно, она воздействует звуком, а не безмолвием.

Здесь они открыли возможности Слова. Музыка может все, но не может передать Безмолвия. Слово и это может.

У Гумилева безмолвие разрывает душу как невидимый Белый колокол, который терзает не звуком, а беззвучием.

Чем объяснить такой феномен? Литература, располагая возможностями всех видов искусства, владеет “волшебным порядком слов”. А вот что именно скрывается за этим волшебным порядком, мы поговорим позже.

Вопрос к классу:

- Как вы считаете, эта цветовая гамма случайна в стихотворении поэта серебряного века?

Ответа не последовало.

Стихотворение было написано в 1908 году.

Обратимся к живописи того же периода.

(Демонстрация слайдов).

Перед нами – картины популярного в то время французского художника Мориса Дени. Можно ли обобщить одним словом содержание его картин?

- Сны!

- Фантазии.

- Грезы.

Не находите ли вы содержание его картин близким содержанию гумилевских стихов (статичный портрет души, который не потревожит, не опрокинет никакой ветер, – настолько он прочен и монументален!)?

- Да, сходство есть. Мы же говорили, что даже сравнения “работают” на уход читателя в мир фантастических измерений, чуждых повседневности!

А что они напоминают вам своим предметным миром? Отсылают ли к какому-нибудь периоду истории?

- Это же античные образы.

Вы уверены, что в этих картинах нет изображения современных художнику образов?

- Уверены. Это – глубокое прошлое, не настоящее.

Есть ли в этом сходство со стихами Гумилева?

- Да. Его волнуют пещеры, венки великой жрицы – все из далекого прошлого.

Какие цвета предпочитает Морис Дени?

С огромным удивлением:

- Розовый и голубой!..

Что преобладает – предпочтение оттенкам или выбор чистых, локальных, цветов?

- Сплошные оттенки, даже голубой выбелен, чрезвычайно светлый.

Не находите ли вы в этом сходство с колоритом гумилевских стихов?

- Точно.

- Здорово!

Но если вы обратитесь к русской живописи серебряного века, вы увидите то же самое.

Демонстрируются репродукции и слайды Сомова, Сапунова, Судейкина, Головина и других художников объединения “Мир искусства”. Все узнаваемо – и сводимо к античным образцам, колориту с преобладанием голубого и розового, с превалированием оттенков над цветом и тоном. Большинство мотивов картин – грезы, сны, фантазии, таинственные пейзажи, полные загадок. Статичность, ритм, передающий “застывшее время”, реалии кукольного мира (например, “Спящая молодая женщина” К. Сомова, где мы встречаемся все с тем же сном), камерное пространство, отсутствие напряжения. Подчеркнутая субъективность отношения к миру, голос лирического “Я” в картинах и стихах серебряного века.

Отмеченные в ходе обсуждения искусства особенности фиксируются как примета данного времени, носящая характер закономерности, а не случайности.

Но этот цветовой анализ не завершен. Мы и здесь должны что-то увидеть помимо цвета. Вот вы сказали – выбеленные цвета. А в каком случае цвета такими становятся?

- Когда ярко светит солнце.

- Когда вас ослепляет яркий свет.

- Так что за свет ослепляет вас в стихах Гумилева, заставляет сверкать этот мир, заливая его цветность блеском?

- Это его заслон от проникновения посторонних.

- Это свет Истины.

- Это свет Бога.

- Это свет Души, а душа – часть Бога.

И все это – в одном стихотворении. В “волшебном порядке слов”.

Эффект проведенного урока сформулировали сами обучаемые: они эти стихи... прожили! Они там побывали, под другими солнцами, и вернулись преобразенными.

Задание для Литературной гостиной: экзотические образы и мотивы в поэзии Н. Гумилева (стихи – по выбору учащихся – наизусть). Вопрос для размышления: “Что значит Африка для Гумилева-поэта?”

ЧАСТЬ 2.

Теперь поговорим, как это достигалось педагогически, по шагам и уровням.

Обучающимся был дан в процессе проживания и анализа стихов *конкретный маршрут*. Они могли отклоняться в деталях, но все равно прошли бы его весь. Маршрут занятия – это известная преподавателю штурманская карта, а импровизация преподавателя – свобода видоизменения маршрута: конечный пункт все равно будет достигнут!

В педагогическом плане мы решали задачи привития навыков художественного анализа, формирования элементов рефлексии, запуска механизмов понимания и организацию коммуникации.

Изначально ставились две задачи, которые всегда стоят перед художественной герменевтикой: эстетическая (художественная) и герменевтическая.

1. Как решалась художественная задача.

1.1. По ходу занятия был дан *инструментарий* (цветовой анализ, тональный, фактурный, элементы композиционного анализа, элементы синтеза: соединение ассоциаций друг с другом, соединение свойств друг с другом – цветовых с фактурными, определение координат в пространстве и во времени). А также – необходимость самоопределения в двух главных осях “онтология и жизнь”.

1.2. В ходе диалога заложены первые представления о хронотопе (времяпространство). Появилась шкала, появился масштаб.

1.3. Мы не декларировали, что искусство универсально, но попытались перевести с языка поэзии на язык живописи, музыки, на язык обыденных ощущений (тактильные, мышечные, фактурные, запаховые, вкусовые, температурные и т.д). Этот *игровой перевод* с языка на язык выполнил важную коммуникативную функцию – позволил создаться *общему терминологическому аппарату* и в то же время восстановил синкретизм: ведь мы видим, слышим, чувствуем не в отдельности и по частям, а делаем все это вместе – и одновременно.

1.4. В ходе этой беседы состоялось *погружение в эстетический контекст* через живопись и *сопоставление* основных эстетических закономерностей живописи и поэзии одного времени. В результате обнаружилась аналогия: все эстетические процессы одного временного отрезка находят адекватное выражение в любом виде искусства, что объясняется *единством ментальной основы*, диктующей обществу ту или иную доминанту.

1.5. В диалоге возникли первоначальные представления о менталитете. Но к выявлению и обобщению этих представлений ведет длинная дорога.

Анализируя стихотворение, обучающиеся обнаружили, что поэт *один*. И все это безмолвие, безбрежность и Вечность находятся *внутри него*. Для контраста в процессе обсуждения мы обратились к известным им произведениям, где фигурировало бурное внешнее действие, огромное количество действующих лиц, но ничья душа не открывалась взору. Это позволило определить стихотворение как принадлежащее *менталитету в фазе индивидуализма*. Этот контраст позволяет удерживать *представление о цикле менталитета*. Таким образом, мы сразу задаем *шкалу цикла*: “МЫ” – “Я и Мы” – “Я”.

1.6. У поэта Гумилева действует *закон иносказания*, проявившийся в разных ипостасях – интонационной, смысловой, ритмической, световой. Все это увидели, каждый – свое, и *обменялись* увиденным.

2. Как решалась герменевтическая задача.

2.1. В свободном диалоге с подхватыванием и развитием чужого мы ввели и закрепили у обучающихся первые *навыки рефлексии* и выделили социальную (групповую) *ценность рефлексии* в нашем методе преподавания литературы. Возникла положительная групповая мотивация на осуществление рефлексии: на следующем уроке обучающиеся могут ожидать, что за проявление рефлексии их обязательно похвалит преподаватель, а соученики не будут смеяться над неуклюжими пробами и высказываниями – они все равно отшлифовываются в процессе, а поначалу важно и интересно прежде всего участвовать в диалоге.

Ходом общения уже задано пространство коммуникаций, обозначены приметы рефлексии: понял / не понял; почему я не понял, когда поняли другие; когда я понял; что именно я понял; модификации: увидел / не увидел; первым увидел то, что после сразу увидели все. Иными словами говоря, рефлексия приравнивается по ценности к акту творчества.

2.2. Мы ставили такую задачу в своей “штурманской карте”, и в итоге был достигнут важнейший герменевтический результат – осуществлено *понимание как действие*, как процесс освоения текстовой содержательности.

2.3. Мы шагнули в *механизмы синкретизма*, мы их пока только примерили на себя. Как это произошло, определить очень сложно. Стихотворение стало поводом, и выбор не был случайным. Это требует отдельного комментария.

Синкретичность есть одновременная работа двух полушарий – таков простейший способ ее осознания. Одновременность, сведенная до неразделимости.

Очевидно, Гумилеву было важно остановить и запечатлеть эту **световую** картину, чтобы в ней возникли и зарезонировали **онтологические смыслы**: таинственная власть над всем сущим есть только у Поэта. Миры, которые он сотворил, уподобляют его Креатору. Отсюда – ценность творчества, которая возвеличивает человека до Божественного, потому что лишь в творчестве человек осознает, что он сам есть образ и подобие Божье. В гумилевском мире нет ничего плотского, и он как бы специально отделен *стеной света* – этим объясняются и особая цветность, насыщенная светом, и **сияние**. Цель поэта – через созданную картину помочь родиться многоаспектному символу, в котором все эти смыслы сплавлены – постижимы и непостижимы одновременно. Это напоминает византийскую мозаику с золотым фоном, символизировавшим фаворский свет, и с тайными символами в золоте.

Все отзвуки и ассоциации, скрытые аллюзии и отсылки есть тайнопись, криптограмма, по отношению к которой каждый как бы вскрывает свой мир и объемлет его *внутренней рефлексией*. Богатая душа найдет богатство в своих ассоциациях со всей мировой культурой. Неразвитая душа будет просто поражена и получит возможность задуматься над Тайной. Поэзия существует не для того, чтобы давать ответы на вопросы. И в этом *таинственном собеседнике* Гумилева отображен не только он сам по отношению к себе, а любой из людей, живших на

Земле. Но только в потенциале. И так же, как для создания узоров, особенно – узоров изысканных, нужен тонкий и напряженный труд, постижение садов души, которые узорны, есть труд особого рода – труд Души. **Душа**, в отличие от **духа** и **тела**, есть средоточие синкретизма, ведь она постигает истину *одномоментно*, подобно **молнии** Велимира Хлебникова – разум же постигает в процессе...

1991 год.

САДЫ ДУШИ

Н. Гумилев

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие прозрачные бассейны.
Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды, утром розовеют птицы.
И кто поймет намек старинной тайны?
В них девушка в венке великой жрицы.
Глаза, как отблеск чистой, серой стали,
Изящный лоб белей восточных лилий,
Уста, что никого не целовали
И никогда ни с кем не говорили.
И щеки – розоватый жемчуг юга,
Сокровище немислимых фантазий,
И руки, что ласкали лишь друг друга,
Переплетясь в молитвенном экстазе.
У ног ее – две черные пантеры,
С отливом металлическим на шкуре.

Взлетев от роз таинственной пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури.
Я не смотрю не мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны.
Пуская сирокко бесится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

1908 год.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И в завершение охарактеризуем аудиторию и ситуацию.

Характер аудитории и ее подготовленность

Город Тольятти. 1991 год.

*Международная Академия бизнеса и банковского дела (МАБДД),
проектировщик и первый ректор – Н.Н. Александров.*

*Группа Банк-колледжа, 10 класс. Профессиональная ориентация: банковские
работники.*

Оценка в свидетельствах по литературе не ниже “4”.

Фактическая подготовка основана на пересказе статей учебника, заучивании стихов и отрывков наизусть, написании сочинений в основном по трафарету “Как писать сочинение” (инициатива высказать свое *отношение*, со слов обучаемых, не поощрялась).

Количество обучаемых – 12 человек.

Этап – начальный (урок N 4) (107, 5). Тема: “Художественный мир Николая Гумилева”.

Анализ поэтического произведения является вроде бы привычным для обучаемых.

На самом деле за этой видимой целью у нас выстраивается многослойная пакетная целевая структура. Мы были намерены дать в течение одного занятия

основы эстетического (в аспектах – интонационном, смысловом, световом, фактурном) и композиционного анализа.

В процессе занятия презентуются три из четырех ролевых функций (читатель; исследователь; критик).

Выбор этого урока в качестве примера для иллюстрации метода объясняется тем, что именно он явился переломным во взаимоотношениях преподавателя с группой и в ее отношении к урокам литературы.

Но это уже совсем другая история.

Г. Тольятти, 1994.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИКАТОРОВ КАЧЕСТВА В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОГЕНЕТИКЕ

Александров Н.Н.

Введение

Исторически сложилось так, что знание об измерениях качества, динамике и возможностях прогнозирования складывались на основе естественного комплекса наук и только потом распространялись на знание о социуме и знание о человеке. Перед исследователем эстетического поля встает достаточно сложная задача: отсутствие общепринятой в науке модели эстетического как предмета и отсутствие адекватного аппарата для выявления индикаторов качества эстетических объектов, хотя бы немного приближенного к специфике эстетического. Выручить может только наиболее общий взгляд на проблематику, снимающий частные противоречия и обобщающий с позиций универсальности закономерности существования самого предмета. Таким взглядом, рамкой для избранной темы может выступить системогенетическая концепция [49].

Единство исторического и логического неоднократно декларировалось чуть ли не в каждом серьезном исследовании последних десятилетий, но по сути оставалось не более чем вежливым реверансом. Исследователи либо оставались в рамках структурно-типологических построений, привлекая историю в качестве иллюстраций, либо шли путем выявления динамики, нимало не смущаясь отсутствием первоначальной структурной модели с достаточными основаниями.

Системогенетический подход в этом ряду выгодно отличается от монистических по сути подходов предшествующих времен: детальное классиологическое (структурно-типологическое) обоснование модели объекта и дальнейшее рассмотрение его динамики исходя из этой модели – таким нам видится его суть [44]. Ниже мы будем рассматривать этот вопрос более детально.

Системогенетика только становится как межпредметный научный комплекс. Но она имеет и свою предысторию. В ряде частных наук классификационно-генетические работы появлялись всегда и именно они составляют классику науки. Между тем современный системогенетический подход выделяет не частные, а всеобщие, инвариантные модели, распространяющиеся и на неживые, и на живые объекты, а в последнее время и на проблемы социума и человека [47]. Уже поэтому он сложен для широкого использования в частных отраслях знания, поскольку требует владения весьма интегративным, *полинаучным* знанием и терминологией [48]. Внутри системогенетического подхода вырастает собственный ряд интерпретационных понятий и терминов, иногда весьма необычных. Терминологические трудности преодолимы, но пока что отдельные группы или исследователи разговаривают на языках, значительно различающихся друг от друга [51].

В силу специфики эстетического объекта интеграция и представление информации осуществлены автором самостоятельно и до знакомства с существующим в стране системогенетическим движением [1-6]. Методология исследования эстетических объектов разрабатывалась с использованием специально сконструированных графем, что значительно облегчает восприятие и интерпретацию принципов системогенетического подхода. Вместе с тем, все существующие в системогенетическом движении понятия и термины сохраняются и, по возможности, уточняются в данном тексте, с учетом специфики эстетического объекта.

Мы рассмотрим ниже три уровня, исходя из которых выдвигаются и иллюстрируются на ряде примеров критерии оценки качества как эстетических объектов, так и процесса эстетического развития личности. Эта тема вплотную примыкает к проблематике квалиметрии человека и в некотором роде является ядром этой проблематики [52]. Целостность эстетических явлений, их иррациональная преобладающая тенденция как бы противостоят аналитическому, расчленяющему рациональному знанию [26]. Жизнь эстетических объектов "здесь и сейчас" сродни жизни самого человека в его целостности [43]. Отсюда необходимость учитывать как законсообразность, так и флуктуации, как энтропийность, так и неэнтропийность и т.п. Эстетический объект должен сначала парадоксальным образом исчезнуть, чтобы потом возникнуть в перекрестии нескольких лучей, он межуровневый.

Разумеется, можно было бы рассмотреть генезис различных способов исследования данного феномена сам по себе, как справочный материал и отсылку к авторитетам. Но по сути это теряет смысл, если не привязываться к какой бы то ни было априорной концепции. Каждый слой нашего исследования достаточно самостоятелен, но выбор актуального содержания в каждом слое зависит от общего взгляда на проблему. Поэтому мы совместим изложение нашей концепции с отсылками к тем или иным авторам, внесшим вклад в становление аппарата.

1. Методология исследования и генезис методов исследования эстетических объектов

В самом простом виде методологию можно представить как совокупность принципов исследования. Эти принципы должны быть с одной стороны достаточно всеобщими, а с другой – относиться к избранному предмету исследования как ограничительному условию применимости принципов.

1. 1. Принцип трех уровней исследования

Этот принцип широко известен как иерархия системного типа:

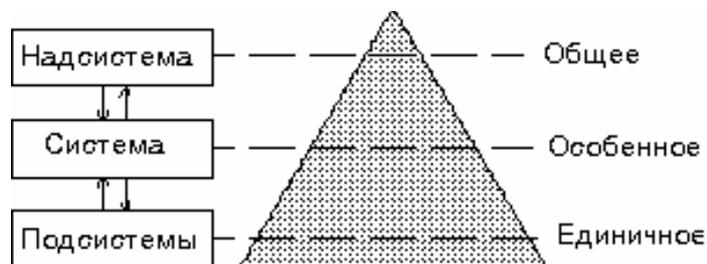

Схема 1.

Принцип выделения именно трех уровней не представляется нам вполне достаточным, но тем не менее он оптимален для иллюстрации. В расширенных вариантах исследования этой проблематики мы выделяем, как минимум, пять уровней, что описывается системогенетическим понятием "альтитуды", то есть взятого набора уровней. Вместе с тем психолог Л.С. Выготский считал именно три уровня методологически продуктивным набором, к аналогичному выводу приходит и Э. Сороко [41, 42].

Применительно к эстетическому объекту системой является эстетическое произведение как продукт (позитивный результат) эстетической деятельности [16, 17]. В отличие от, скажем, этической сферы, где субстратность отсутствует, эстетический объект опредмечен и эстетическая сфера имеет специфически субстратную основу в виде художественной деятельности и ее продуктов. Однако анализ непосредственно эстетического произведения парадоксальным образом отсутствует в литературе. Вместо него авторы анализируют массу разноуровневых тематических линий: это эстетический объект как продукт некоторой специфической ментальности [11], эстетический объект в структуре культуры и в социуме [29, 32], эстетический объект как результат деятельности эстетического субъекта [18], эстетический объект как объект восприятия [21], эстетический объект как структура символов [8], эстетический объект как композиция [13, 38] и так далее.

Между тем вся совокупность этого множества подходов хорошо группируется по предложенным выше трем уровням:

– надсистемные подходы: совокупность философско-эстетических концепций и примыкающих к ним, уровень специфики менталитета. Анализ направлен на выявление преимущественно содержания, а не формы эстетического произведения.

– системные подходы: совокупность искусствоведения и искусствознания, включая истории искусств и истории утилитарно-художественных видов деятельности. В качестве объекта фигурирует эстетическое произведение, например, в виде художественного произведения. Эстетическое произведение выступает в исследовании как единство содержания и формы.

– подсистемные подходы: совокупность всех подходов, где расчленяется эстетическое произведение и анализируется больше его форма, чем содержание. Этот уровень широко представлен психо- и физиологическими работами, примыкающими к исследованию формальных аспектов композиции.

Здесь необходимы два замечания общего порядка. Системно взятый объект как единство содержания и формы дан в идеальном виде. С точки зрения анализа научной литературы это значит, что нет ни одного исследования, где равновесие выдержано последовательно, ибо происходит постоянное скатывание либо в сторону надсистемного, либо в сторону подсистемного подходов. Крайне редко авторам удастся удерживать при помощи одновременного применения надсистемного и подсистемного подхода нечто, напоминающее эстетический объект. В этом нет парадокса, если от принципа выделения уровней или площадок в троичном виде переходить к большему и, наконец, к n-мерному подходу, то есть довести дифференцирование до непрерывности. Смешанные подходы встречаются наиболее часто.

Но наша задача – выдержать принятый принцип в самом простом, то есть, трехуровневом виде. Начнем с верхнего уровня. Надсистемный, то есть

задающий структуру содержания уровень имеет в пределе некоторую центральную категорию, близкую к понятию ментальности. Скажем, можно говорить и о ментальности человечества всех времен и народов, но для этого ее надо как минимум отличить от чего-то качественно иного [7]. Допустим, от вероятных ментальностей инопланетных цивилизаций. Какое-то место в структуре этой всечеловеческой ментальности будет занимать и эстетический ингредиент. За редким исключением эстетики пытаются ухватить именно этот инвариантный блок. В этом случае структурно-типологических схем достаточно для решения их задачи, но недостаточно для наших целей. Всеобщность эстетических категорий неоперациональна, а способность эстетики к выведению достаточно обширного количества модификаций ограничена. Недаром Б. Кроче, один из противников систематизации эстетики, отмечал: "... кто знает, назовет мне еще". Его теоретический сарказм указывает только на отсутствие правильной постановки задачи. Мы ставим своей задачей получить одновременно максимально разнообразную и даже где-то конечную систему модификаций эстетического содержания в увязке с динамикой их проявлений в истории.

1.1.1. Эстетические категории и модусы, их динамика

Потенциал системогенетического подхода прекрасно можно проиллюстрировать именно в данной области знания. Литература здесь не просто обширна, но даже где-то избыточна. В то же время для поставленной нами цели не удастся выбрать достаточно развернутого исследования, содержащего необходимые нам принципы единства динамического и статического, исторического и логического. При всей обширности публикаций по эстетическим проблемам нашим отечественным эстетикам негде было столкнуться на содержательном уровне. Единственное исключение составляли дискуссии 20-х годов и знаменитая дискуссия 60-х, так называемый спор "природников и общественников"[23]. Как это обычно бывает,

победила самая эклектичная и примиренческая концепция М.С. Кагана, но нам интересны именно крайние позиции, ибо в них метод предъявлен открыто.

Мы выбрали две не столь широко известные, но наиболее интересные нам концепции. От них нам придется идти по пути конструирования из двух принципиально противоположных концепций некой одной. Первая из рассматриваемых концепций наиболее развита в смысле динамического аппарата, вторая – структурного и типологического потенциала. Существует очень большое количество схожих и по построениям и по выводам концепций и того, и другого типа, но они не столь фундаментальны. В принципе в работах Н.И. Крюковского [21, 22, 23, 24] и Л.А. Зеленова [14, 15, 16, 17, 18] приводится огромная библиография по всем примыкающим и существенным проблемам в каждой области, а также критика недостатков иных концепций, что облегчает нам задачу по разбору большого количества аналогичных подходов. Мы ограничимся критикой самих этих авторов с позиций системогенетического синтеза их концепций.

Наиболее стройную динамико-статическую концепцию системы эстетических категорий разработал минский эстетик Н.И. Крюковский, использовавший структурно-типологический подход наряду с динамическим. В книге "Кибернетика и законы красоты" он раскрыл, что эстетические категории фиксируют определенные устойчивые фазы эстетического отношения и связаны не только структурно, но и генетически. У него мы находим и некоторые первоначальные надсистемные индикаторы, которые впоследствии расширим и разовьем. Не вдаваясь в детали, изложим результирующую схему этого эстетика в виде системогенетической схемы:

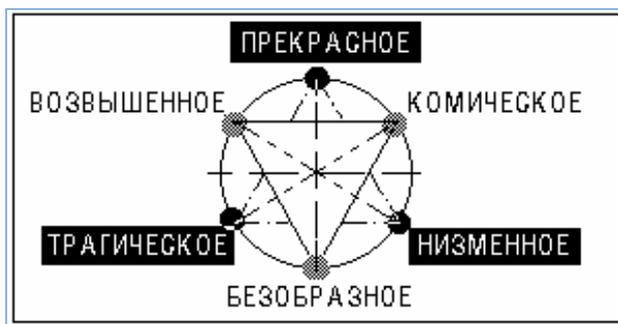
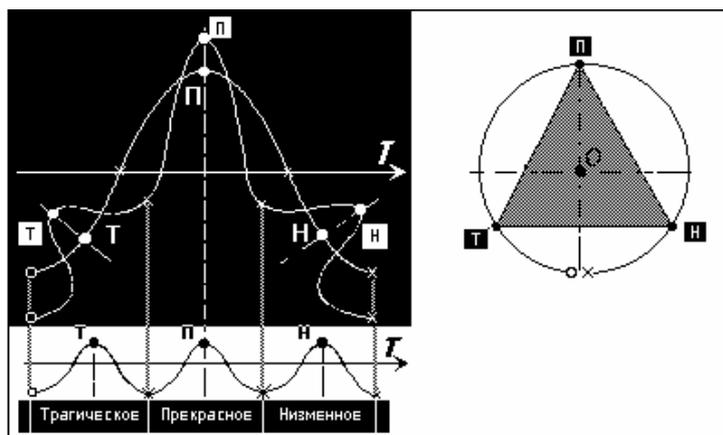

Схема 2.

Собственно, полная графема должна содержать, как минимум, три плоских проекции пространственной спирали (схема 3), но для иллюстрации положений этого эстетика достаточно двух приведенных.

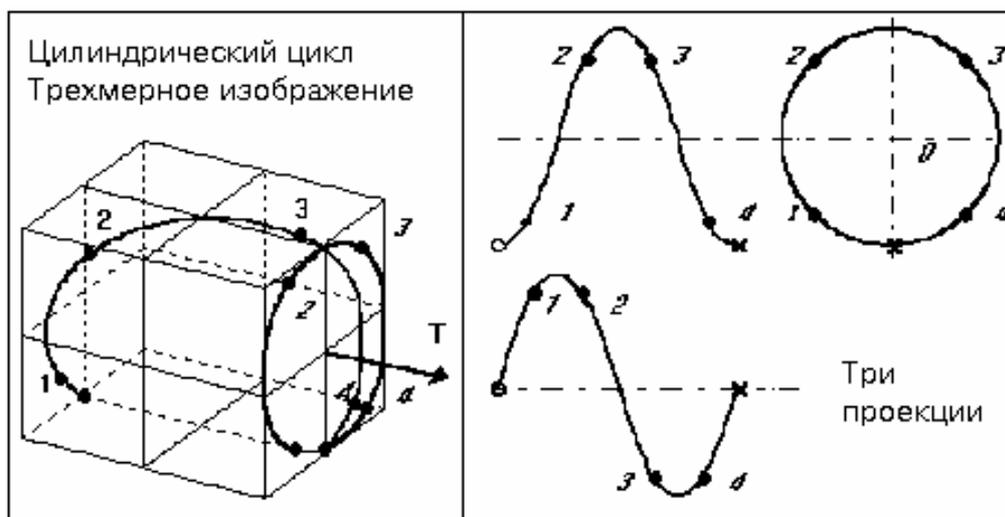

Схема 3.

Итак, цикл имеет некоторые устойчивые фазы, площадки во времени, где качество можно принять относительно неизменным. Относительно неизменных качеств, выраженных как эстетические категории, автор насчитывает их шесть [23]. Это его основные и предельные категории, представленные на круговой проекции в соотношении дополнительности: прекрасное – безобразное, трагическое – комическое, возвышенное – изменное. Это построение позволяет накрыть множество иных типологических эстетик. Обратим внимание на выявление основной тройки категорий: трагическое – прекрасное – низменное. Подобно основным цветам в спектре, эта тройка является тройкой устойчивых состояний, в то время как вторая тройка – это смешанные категории, подобные смешанным цветам в спектре. Проведем сравнение шестиричного построения Крюковского с известной в литературе шестицветовой схемой:

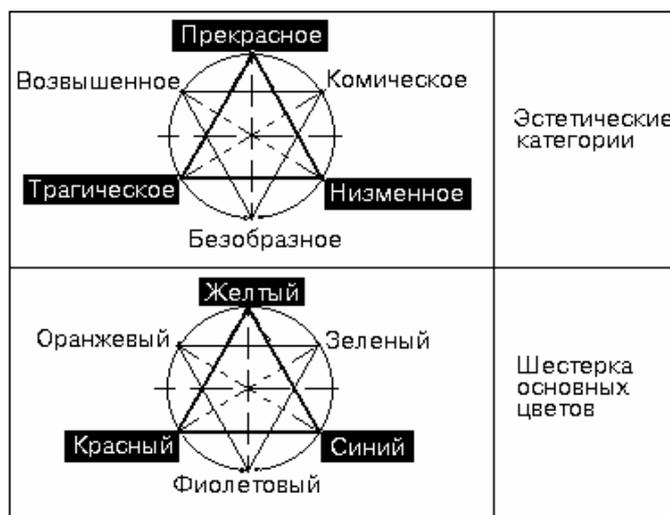

Схема 4.

При всей соблазнительной простоте это построение несколько ограничено и требует уточнения и дальнейшего системного развития.

Первое уточнение вносит обращение к эстетике Л.А. Зеленова. Опуская принципиальное расхождение исходных постулатов, можно отметить, что в деятельностной эстетике Зеленова первичной является пара "прекрасное – отвратительное" [16]. У Крюковского ту же функцию выполняет указанная

устойчивая тройка пар [21]. Предельные эстетические категории Крюковского не подвержены дальнейшей модификации и, что самое интересное, уже сами они являются модификациями его первичного понятия "эстетическое отношение". Л.А. Зеленов, всегда верный принципу раздвоения, от своей пары *прекрасное – отвратительное* переходит к их модификациям, не применяя генетический подход по форме, но соблюдая его по сути. Так возникают у него все те же три основные модификации прекрасного, противостоящие трем модификациям отвратительного. В итоге мы можем привести его схему к той же схеме из шести типов или, по его определению, "модусов". Модифицирует он свою пару по двум основаниям, одно из которых все та же тройка: трагическое – утвержденное – комическое (термин "утвержденное" появляется у него как необходимость, поскольку "прекрасное" уже применено, а комическое по трактовке совершенно эквивалентно "низменному" у Крюковского). Если привести к одному виду его схему, она будет выглядеть так:

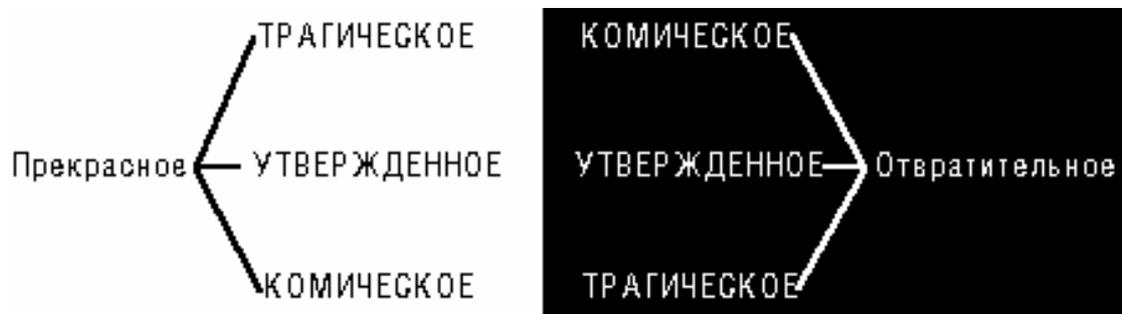

Схема 5.

Перед нами два применяемых теоретиками эстетики противоположных хода, приводящих на определенной плоскости к одному и тому же результату: раздвоение на первом уровне и выделение трех фаз на втором (у Зеленова), выделение трех фаз на первом уровне и удвоение на втором (у Крюковского). Анализируя сам метод, можно сказать, что здесь явственно различается троичность как принцип трех фаз или как минимизированная динамическая

модификация и двоичность как предельно простая статическая модификация. Совокупная шестиричная модель есть статико-динамическое образование:

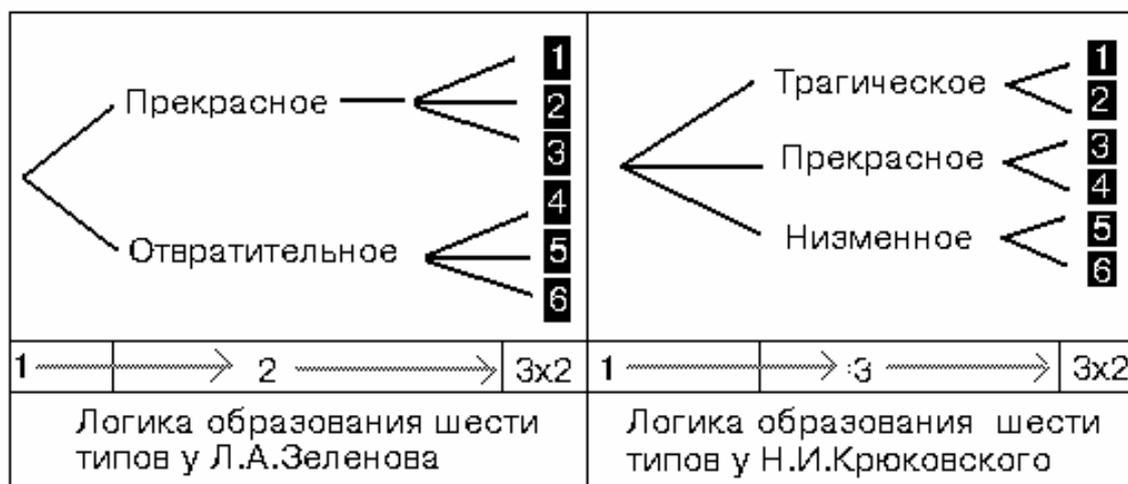

Схема 6.

Сделаем небольшой шаг в сторону, чтобы вернуться к вопросу о достаточности и оптимальности шести эстетических категорий. Излюбленный принцип раздвоения не просто минимальный, но и присущ неразвитым ранним этапам культуры [7]. Дуальна родовая организация, дуальность лежит в основе полового диморфизма, дуальны ранние тотальные системы ценностей ("и людей будем долго делить на своих и врагов"). Дуальность есть построение типологии по одной оси, то есть простейшая линейная классификация. В работах А.И. Субетто этот принцип доведен до понятия "биполярного универсума", что отражается и в нашем сознании в бинарном классиологическом принципе [46]. Удвоение удвоенного, то есть, введение еще одной классиологической оси, первоначально всегда приводит к выделению четырех типов. Например, четыре типа темпераментов или четыре стороны света (решение проблемы оптимальной ориентации на плоскости), четыре стихии в космогонической модели античности и средневековья, четыре устойчивых вкуса еды и так далее. Четверка проста и оптимальна как статическая модель. Следует заметить, что и далее статические модели строятся на четных числах. Соответственно, динамические модели

строятся на нечетных (в нашем понимании это фазовость, которая в статических моделях сворачивается не в типы, а в уровни иерархии).

Так, тройка тоже оптимальна как динамическая модель, даже великий методолог философии Гегель принципиально выделяет три фазы. Отсюда комплексон из 12: четыре времени года + три фазы в них = 12 месяцев, четыре мировые стихии + три фазы в них = 12 зодиакальных знаков, дюжина как некоторая оптимально-органическая единица счета и т.д. Отсюда вроде бы логично, что оптимальным следует считать и 12 неких эстетических модификаций. Между тем, 12 хорошо работает, если мы разворачиваем целостное явление, некий микроуниверсум. Но эстетическое входит как составляющий тип в четверку ценностей, принятую еще древними:

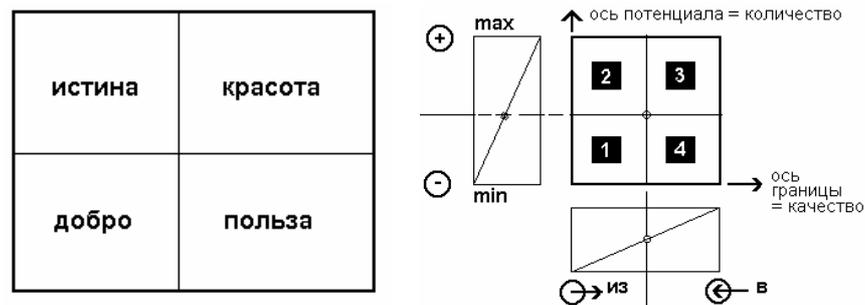

Схема 7. Четыре типа ценностей Универсальная типологическая четверка.

Отсюда эстетическое как часть целого является по сути уже модусом ценностного отношения. В частичном границы сужены и применение универсальной схемы не обязательно, хотя и возможно. История эстетической мысли показывает как взаимодействовали две школы: одна выделяла пару (например, гармония и дисгармония и все дальнейшее как ее модификации, например, в московской эстетической школе М.Ф. Овсянникова), другая тройку (трагическое – прекрасное – комическое, например, в театре это трагедия – драма – комедия как жанры). Отсюда шестиричная схема Крюковского есть динамико-статическая схема (в ранних работах он выделял три категории, и тройка у него идет первой, см. [21]), а упрощенная нами до шестерки схема Зеленова есть статико-

динамическое образование (первым идет статическое раздвоение). Остановимся на том, что шесть эстетических категорий являются достаточным типологическим рядом для раскрытия верхнего уровня эстетического. При этом три категории (трагическое – прекрасное – низменное) будут выступать как сильные или доминирующие, а вторая тройка (возвышенное – комическое – безобразное) как дополнительная (см. схему 4). Это имеет простой системный смысл, если самобытие категорий опрокинуть на реальную историю искусств: один большой ментальный цикл проходит три самостоятельные ментальные фазы, описываемые системой противоречий, переводимых в индикаторы. Нами предложена следующая удобная графема, где цикл, фазы и индикаторы цикла совмещаются:

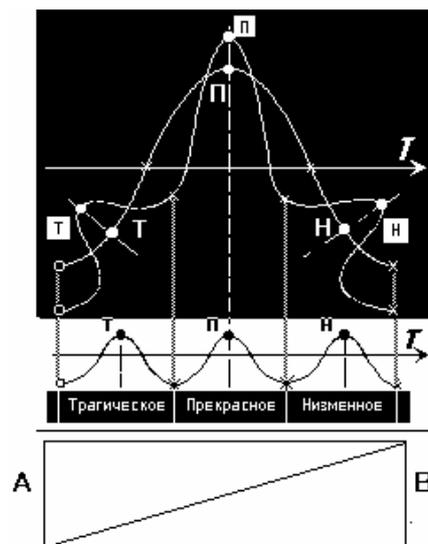

Схема 8.

Противоречие $A = B$ порождает целый набор индикаций. Индикаторы могут быть взяты в виде процентов, шкал, отрезков и т. д. За этим противоречием скрывается целая иерархия индикаторов, которую можно выстроить в виде иерархизированной таблицы.

Противоречие Фаза цикла Индикатор	А	А – В	В
	становление	равновесие	деградация
Категории	Трагическое	Прекрасное	Низменное
СО – СЛ	Свобода общества	СО – СЛ	Свобода личности
Пространство	Большое	Нормальное	Мизерное
Время	Будущее	Настоящее	Прошное
Асимметрия полушарий мозга	Левополушарность	ЛП – ПП	Правополушарность
Напряженность	Контраст	Контраст-Нюанс	Нюанс
Р–Ч	Рациональное	Р–Ч	Чувственное
Р–И	Рациональное	Р–И	Иррациональное
Типы знаков	Знак-Символ	Знак-Образ	Знак-Вещь
Репрезентация - интонирование	Репрезента – тивность	Р–И	Интонирование
Уровни понимания	Семантизирующий	Когнитивный	Распредмечивающий
Контрастность	1-12 тона	3-8 тона	5-6 тона
Типы линий	Геометрические	Геомет.+ Природ.	Природные
Экстра-Интро	Экстравертность	Э–И	Интровертность
Симметрия	Симметрия	Диссимметрия	Асимметрия
Конструктивность- декоративность	Конструктивность	К–Д	Декоративность

Схема 9.

Например, противоречие $A = B$ на верхнем уровне раскрывается как соотношение "свободы общества" (сторона А) и "свободы индивидуальности (личности)" (сторона В). Следующий уровень раскрытия противоречия есть две стороны хронотопа: время и пространство. Время раскрывается как "бесконечно удаленное будущее" (сторона А) и "бесконечно удаленное прошлое" (сторона В). Их соединение порождает в пропорции разное "настоящее" [20]. Пространство можно раскрыть и так, как это делает Зеленов, но можно и при помощи пары: "бесконечно большое пространство" (сторона А) и "бесконечно малое пространство" (сторона В). И, если соотнести эту пару с произведениями искусства, то это противоречие содержания и формы. В духе модного ныне противопоставления иррационализма рационализму можно рассмотреть и эту пару "рационалистическое – иррационалистическое" в менталитете. Наконец, в качестве индикаторов более простого уровня можно взять преобладание мужского и женского начал в культуре – половой диморфизм (схема 9).

Сразу стоит отметить один парадокс социального (ментального) времени в крупных циклах: время течет из будущего в прошлое и таким образом дискретно, на переходах ментальностей возникают фантастические скачки, бифуркационно смыывающие прошлое и утверждающие будущее.

Остановимся на этих трех индикаторах (схема 9). Каковы характеристики фазы трагического в ментальном цикле? Первый показатель: преобладание общественного над индивидуальным, что и порождает трагическое по определению (герой, жертвующий собой ради общества). Эта фаза мощного давления общественной машины на личность вплоть до нивелировки последней, она тоталитарна и тиранична. Преобладающая временная характеристика этого времени: жизнь идеей будущего, отрицание прошлого. Преобладающая пространственная характеристика: огромное, космичное по масштабу пространство. В истории человечества такими культурами были египетская (в рабовладельческом цикле менталитета), византийско-романская (в феодальном цикле менталитета), ранняя капиталистическая культура, 20-е годы в СССР. Эта фаза порождает громадные и устойчивые империи, мощные эпические произведения и "архитектуру как послание в будущее" (например, египетские пирамиды или футуропроекты супрематизма). В искусстве примат содержания над формой, отсюда содержание предельно уплотнено в предельно бедной форме (отсюда загадочность тех же пирамид или Сфинкса, проблема Атлантиды и т. п.). Ментальность этого времени предельно рационалистична [28]. Герои трагического – мужчины, культура настолько мужественна, что даже женщин она наделяет мужественностью ("Оптимистическая трагедия" Вс. Вишневского).

Характеристики фазы прекрасного точно описываются как совокупность гомеостатических характеристик. Равновесие интересов личности и общества, их равновеликость. Нормальное человекосомасштабное пространство (как середина между большим и малым), жизнь в настоящем времени (как равновеликость, уравновешенность прошлого и будущего). Такими показателями обладали:

греческая демократическая культура (в цикле рабовладения), романо-готическая классическая культура (в цикле средневековья), классическая культура капитализма после Просвещения, хрущевская оттепель в СССР. Например, равновесный характер средневековья выражается в том, что все уютные сказки, ностальгические утопии и авантюрные романы отнесены в нашей культуре ко временам королей, рыцарей, мушкетеров и пиратов, к средневековью. Тарковский в фантастическом фильме "Солярис" в качестве суперметафоры Земли выбирает именно картину Брейгеля. Вообще это фаза создания всех классических произведений в той или иной формации, в мировой культуре в целом. Содержание и форма в идеально гармоничном соотношении: формы искусства достаточны и оптимальны для этого содержания, отсюда и классичность [2]. Ментальность этого времени характеризуется равновесием рационального и иррационального начал, вот почему классические произведения одинаково подходят для последующих их трактовок и в духе рации и в духе мистики. Наконец, это культура, где мужчина и женщина равны (периодически возникают даже названия этого типа – книга "Мужчина и женщина" 19 века и великий фильм К. Лелюша в 20-м веке с тем же названием в том же состоянии культуры).

Характеристики фазы низменного обратны характеристикам фазы трагического. Надо признать, что сам термин "низменное" страдает неточностью, но он традиционно работает в эстетике как определенный знак, имеющий за собой совокупность значений. Как ни парадоксально, за низменным стоит человекоцентризм в культуре, а ругательно-уничижительный оттенок "низменности" возник в связи с тем, что предельным состоянием человекоцентризма является извращенный животный гедонизм. Характеристики этой фазы: преобладание интересов личности над интересами общества (что и ведет к распаду самого общества, ослабляются общественные связи). Ментальное пространство уменьшается от масштаба "нормального городка" типа средневекового или античного до зоны досягаемости рук человека, то есть становится малым и

мизерным (в эти периоды расцветает мелкая пластика и ювелирное искусство). Наконец, ментальное время становится прошлым: жизнь культуры прошлыми ценностями, масса "сказок о золотом веке" и регрессивных утопий, общество как бы лишается проективности и будущего. Это – времена наивысшего формального расцвета искусств, декоративного по основе и предельно разнообразного по форме [2, 4]. Но из искусства уходит социальное содержание, форма полностью подавила "содержание для всех". Ментальность этого времени иррационалистична. Герои этого времени – женщины, мужчины феминизируются, а в пределе приобретают те самые "низменные" животнo-женственные признаки, которые и задают неприятный оттенок этой категории. Например, входит в обычай выщипывать волосы на теле, доводить мужское до изнеженного женского.

1.1.2. Уровень особенного и его модификации

Уже у Л.А. Зеленова просматривается вариант дальнейших операций модификации, хотя принципы применения этой процедуры недостаточно обоснованы. Основанием, или "оператором", следующего уровня модификации у него выступает показатель масштаба: великое – обыкновенное – мизерное. Ясно видно, что за этим скрывается то же самое противоречие $A \equiv B$, описывающее у нас пространство, причем только три его фазы. Это неплохо срабатывает при трактовке классических литературных произведений, особенно сказок (мальчик-с-пальчик – и злобный великан). Но с таким же успехом можно ввести три модуса времени и найти основания в литературе для не менее остроумных трактовок и построить еще одну эстетику. По сути же в качестве оператора модификации взята одна сторона хронотопа (пространство) и ее троичностью модифицированы эстетические типы. Зеленов даже переставил этапы модификации местами (удвоение, затем модификация по пространственной тройке, затем модификация по трем фазам). Таким образом, если описывать процесс эстетического отражения, эстетический объект как бы фильтруется в нашем сознании, классифицируется

относительно меры предмета и затем меры человека. Именно развернутые в троичную шкалу эти две меры (мера предмета и мера человека) выступают у Зеленова операторами модификации. На этом примере нам важно показать, что при переходе от эстетических категорий к модификационному разнообразию могут возникать не вполне обоснованные и ясные типологические новообразования. Их смысл не надсистемный, а системный. Частичность такого хода Зеленова накрывается более универсальным принципом "в малом большое", за этим скрывается структурно-динамический изоморфизм надсистемы и системы [41, 45].

Ту же модификационную процедуру подсказывает и Крюковский, но и его набросок разворачивания в модусы не развит. Он отметил, что категории и стили хорошо коррелируются между собой [23]. Например, архаический стиль несет печать трагического, классика – прекрасного, декаданс – низменного. Но и только. На самом деле перед нами структурное сходство между надсистемным и системным уровнями, структурно-типологический изоморфизм [49]. Действительно же следует каждую из трех категорий модифицировать тройкой стилей (надсистемная модификация – категории, системная модификация – стили). Тогда появляются такие модусы второго уровня, как архаика трагического или маньеризм прекрасного, которые иногда исторически обозначаются как одно слово, один исторически преходящий стиль (натурализм как архаика низменного). При этом следует уточнить, что "модификация по Крюковскому" проведена нами только в динамической плоскости, отсюда девять модусов как особый тип временных модификаций, свойственный определенной культуре (например, поздней римской или индийской поэтике "дхавани-раса", см. [40]). Девятка циклов не только методологически продуктивна, но и объективна, такой циклист как А.Л. Чижевский прямо указывает на девятку одиннадцатилетних циклов в столетнем солнечном цикле и влияние этой девятки на земные события [55]. С точки зрения прогностики это – девять модифицированных состояний объекта, которые мы

можем фиксировать как развернутое качество надсистемного целого. Назовем это девяткой динамических модификаций:

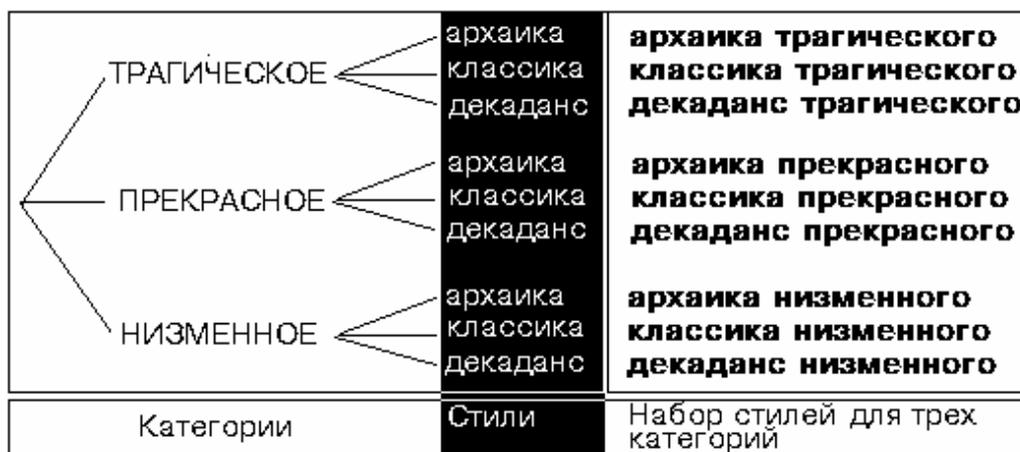

Схема 11.

Произведя это построение в плоскости динамики, мы можем провести осмысленную операцию модификации и в статике. Например, путем удвоения, как это делает Л.А. Зеленев (схема 12). Интересно, что при этом мы имеем две взаимообратные спирали по типу ДНК. Принцип нашей методики в разделении и взаимопроверке статического (классификационного, типологически-структурного, иерархизированного) и динамического (генетического, фазового, фазово-уровневого) типов исследования.

Схема 12.

А вот как то же построение выглядит на двух спиралях (по типу ДНК):

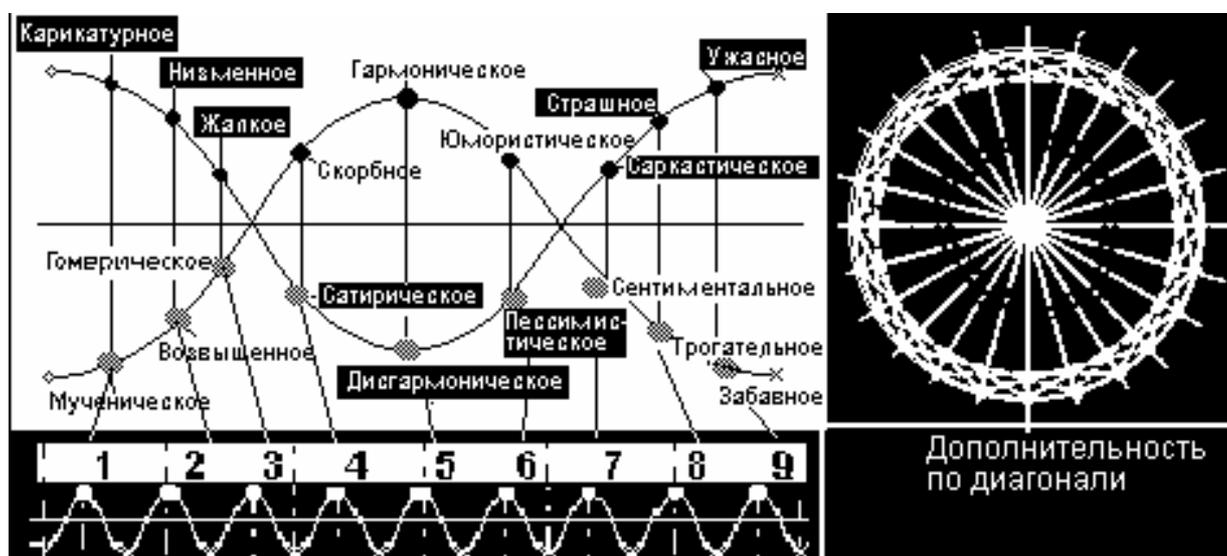

Схема 13.

Поскольку мы имеем дело с пространственной спиралью, мы только выводим на плоскостные проекции то, что на спирали неразрывно. В науке аппарат статического исследования развит значительно больше, чем динамического, особенно в областях человековедения и обществоведения. Разведение предмета исследования на "остановленный", умервщенный, анатомируемый предмет и предмет во времени, живущий или живший предмет есть только дань традиции. Системогенетический подход мыслит предмет по крайней мере в трех плоскостях исследования. Мы изображаем это в виде куба, где есть плоскость статической проекции (свернутый генезис) и две плоскости динамики: количественная динамика и качественная динамика. Индикаторы описываются системой трех противоречий, которые могут быть заменены векторами или переведены в шкалы. Вопрос с типами измерений количества-качества в системогенетической парадигме был фундаментально проработан в ряде публикаций А.И. Субетто. Мы же ограничимся указанием на то новое, что

применено нами, а именно графически-иллюстративный способ представления этих мерностей. Сделаем это на примере выделения четырех основных типов:

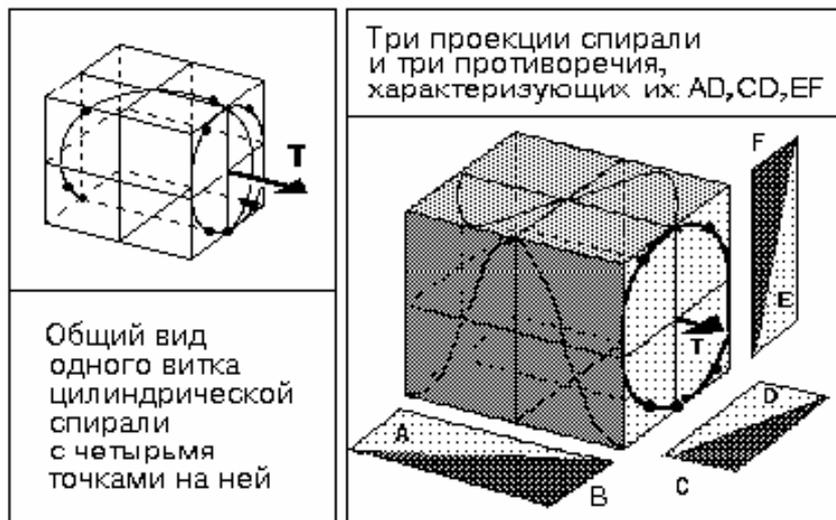

Схема 14.

Если мы разворачиваем дифференцированное количество-качество одновременно в плоскостях статики и динамики, то индикаторы выражаются уже на трех осях одновременно. Каждая полученная модификация способна породить свой веер модификаций уровнем ниже, но только до определенного предела. В нашем случае с эстетическими модификациями мы придем к некоторому набору конечных эстетических квантов, во многом совпадающих со структурой языка. Но это все-таки не есть в чистом виде структура языка, поскольку более бедный словами английский язык дополняется достаточно богатой интонационной модификацией, что особенно хорошо заметно при сопоставлении английской популярной песни и аналогичной русской. В английской акцент интонаций перенесен на музыку, в русской – на слово (например, ранние песни "Битлз" и Высоцкого). Интонация имеет еще большее значение в таких языках, как вьетнамский. По-видимому, все языки мира образуют некую матричную структуру целого, где слова и интонации есть только две оси этой матрицы, а еще есть и ее генезис.

Разумеется, за этим простым рассуждением скрывается целое поле исследований, близкое к языкознанию и лингвистике. Однако в интересующем нас ракурсе работ не так уж много [9, 26, 30]. Можно сказать, что только при попытке выделения квалиметрико-эстетических характеристик эта проблема встает перед исследователями и они решают ее как бы заново. Наиболее разработана структура интонации в музыке [30,39], периодически эта тема возникает в архитектуре [10], особенно при попытке оценить эстетические качества памятников архитектуры и культуры [9]. В шестидесятые годы квалиметрические работы в эстетике имели широкую базу в архитектурно-дизайнерском образовании [10,33], однако развития не получили. Эстетические квалиметрические характеристики выявляются как средства и поэтому периодически осмысляются в двух областях : при построении систем оценки качества продукции и в сфере образования.

Например, совокупность интонаций, которую вычленяет Ражников [39] для музыкального образования содержит словарь, включающий практически всю классическую музыку. Существуют более узкие словари, например, интонационные словари того или иного писателя. Как только начинает анализироваться артистическая составляющая того или иного искусства или художественно-утилитарной деятельности, возникает такой словарь. Даже в области дизайна в рамках Сенежской студии М. Конином был наработан интонационный словарь художественного проектирования, а первые опыты такого рода делались еще во ВХУТЕМАСе и БАУХАУЗе. Вообще именно дизайн в каждой своей новой школе наработывает интонационный словарь для всех видов эстетической деятельности [12, 38].

Каков же основной принцип модификаций? Мы уже дважды упомянули о нем. Это принцип инвариантности уровней эстетического и изоморфизма этих уровней. Пока мы распространили модификацию на уровень надсистемы и самой системы. Например, стиль живет по тем же законам и проходит те же фазы, что и

категория, которую он модифицирует. Но цикл его короче надсистемного, он вложен в надсистемный цикл, как вложены друг в друга подсистемы в систему, система в надсистему. А.И. Субетто эту вложенность циклов образно назвал принципом "матрешки" [43]. Структурно-типологический и фазово-типологический изоморфизм надсистемы и системы различается только величиной, длительностью цикла. Например, в нашем случае надсистемный цикл в три раза больше системного, ибо включает в себя три отдельных фазы самой системы.

Теперь, если говорить о характеристиках самой системной фазы, то они абсолютно аналогичны выделенным выше надсистемным характеристикам. Это то же противоречие $A=B$, но только количество показателей здесь может быть увеличено. Почему? Потому что в надсистеме мы выбирали сущностные, законосообразные, сильно детерминирующие характеристики менталитета. Общее беднее особенного, уровень особенного, как отмечал еще Гегель, наиболее богатый уровень в смысле разнообразия. Система и есть особенное в нашем подходе.

Но что делать с этими характеристиками? И для чего нам нужны вычлененные ранее надсистемные (категориальные) характеристики? Здесь мы должны выделить некий новый принцип, о котором нет упоминаний в доступной нам литературе, хотя не исключено, что это давно известный принцип где-то в другой отрасли знания. Суть этого принципа в "сложении" надсистемного и системного набора показателей в любой "точке" пространственной спирали, по поводу которой мы производим индикацию. Например, фоном для площадки "декаданс трагического" будет являться большое пространство как надсистемный показатель трагического, но на него будет накладываться мизерное пространство декаданса. Отсюда парадоксальное "сложение" двух пространств, порождающее в произведении искусства этого периода почти нормальное пространство и масштабность (или же детальную, дробную, мизерную

разработку масштабно громадного: сталинская поздняя архитектура или поздний Египет). Но парадоксальнее всего временной показатель в этом же примере: на фоне общей устремленности в будущее обращение в прошлое. Иногда эти две характеристики складываются, тогда возникает тип мировосприятия "здесь и сейчас", иногда они работают независимо и параллельно (в конце 40-х годов в СССР, идеология твердит о будущем и коммунизме, а вводится почти царская система мундиров по ведомствам, печатается масса исторической литературы, ставятся фильмы о прошлом, в ракурсе "героев русской истории", например, фильм Эйзенштейна "Иван Грозный"). Вообще, выработать чувство парадоксального "сложения" характеристик удастся только с опытом работы на основе этой модели. Но можно представить это и в простейшей графеме, которая может являться только опорой для работы с характеристиками-индикаторами. Например, с пространством:

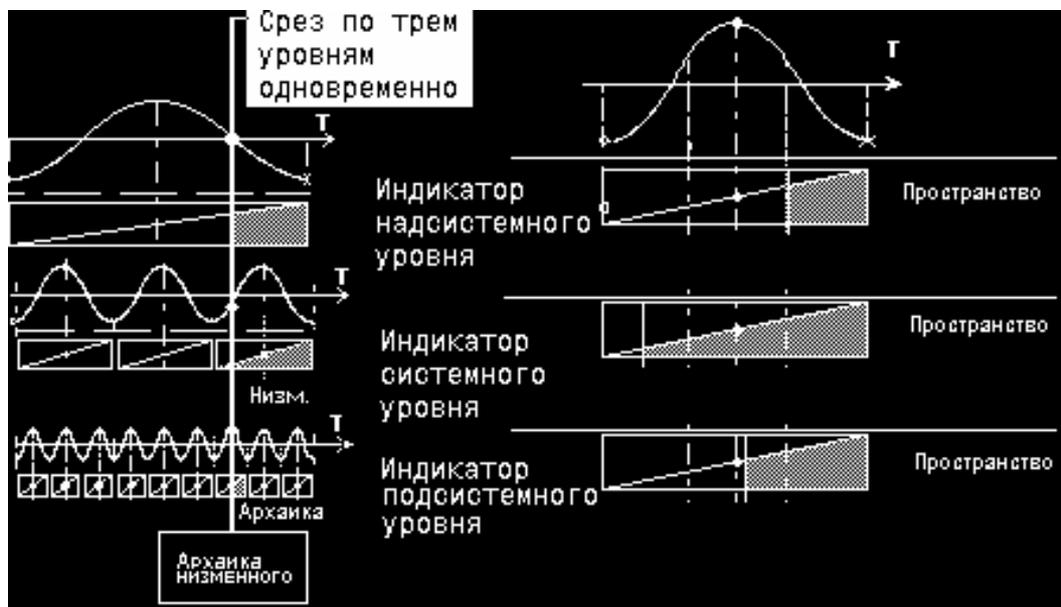

Схема 15.

Слой исследования, в котором мы находимся, есть искусство и другие виды эстетической деятельности (художественно-утилитарный и теоретико-художест-

венный виды эстетической деятельности). Здесь важное значение имеет морфология эстетического поля и ее работа в истории, то есть генетико-морфологический аспект. Это наиболее бедное в смысле публикаций направление. За исключением книги М.С. Кагана, серьезных источников нет [15]. Между тем значение этой темы трудно переоценить, поскольку морфология видов и жанров эстетического есть всегда свертка истории их становления и бытия. Кроме того, центральное понятие системного уровня "эстетическое произведение" предстает перед нами не вообще, а в одном из проявлений: музыкальная симфония, речь оратора, живописное полотно или медаль и т.д. Отнесение к виду или жанру специализирует набор характеристик общего плана, а проявленность в композиции этих общих закономерностей несет на себе отпечаток материала того или иного вида, например, определенного искусства. Между тем трактовать какой-нибудь рисунок 17-го века мы должны не вообще, а именно как рисунок. В нем, в его ограниченности, мы должны выделить и проявленность времени-пространства и взаимодействие общественного-личного, и так далее. Двухуровневое сложение показателей еще больше затрудняет дело. Наконец, остается центральный вопрос искусствознания: как механизм эстетической композиции воплощает все эти сложности.

Морфология эстетического поля построена нами на основе нескольких морфологий и проанализирована генетически. Вот ее простейшее представление для моноискусств в видово-жанровом варианте:

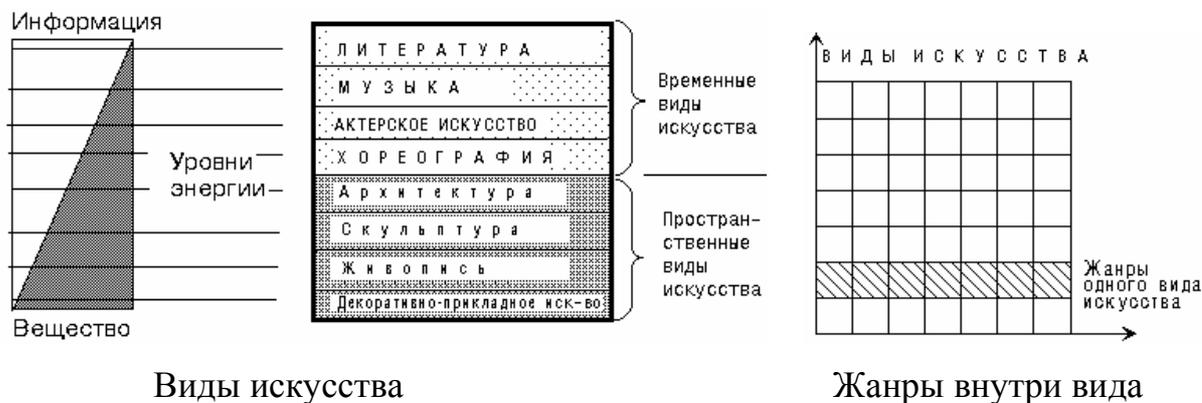

Схема 16. Морфологический ящик искусства.

Можно сослаться на работу Б.М. Кедрова по поводу Периодического закона Менделеева, где прекрасно были выделены основания морфологических таблиц вообще [19]. В нашем случае качественные уровни задаются разделением искусства (и эстетического вообще) на виды, а по количественному разнообразию – на жанры. Элементарной ячейкой морфологической матрицы будет являться некоторый жанр некоторого вида искусства (или шире – эстетического).

Здесь обнаружен ряд интереснейших законов. Во-первых, морфология эстетического поля остается постоянной в цикле, меняется только доминирование ее элементов (автор предполагает, что это касается любой системогенетической конструкции). Во-вторых, морфология художественного находится внутри морфологии эстетического изоморфно-повернутым образом, что ясно из схемы:

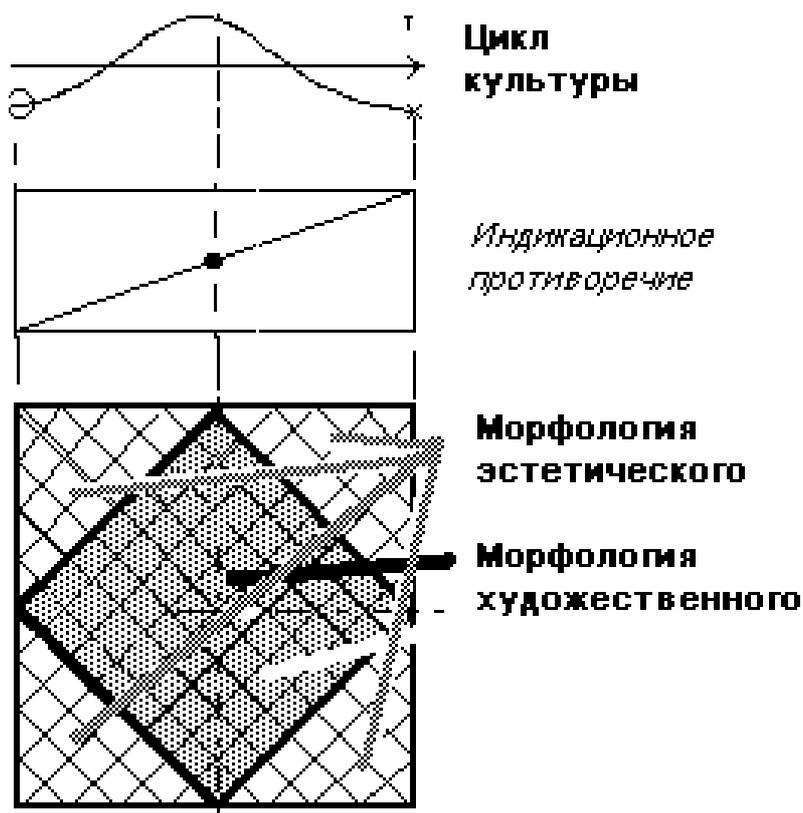

Схема 17.

В третьих, цикл является своеобразным "шаговым переключателем", который идет по ячейкам морфологии, что выражается в законе соответствия морфологии циклу:

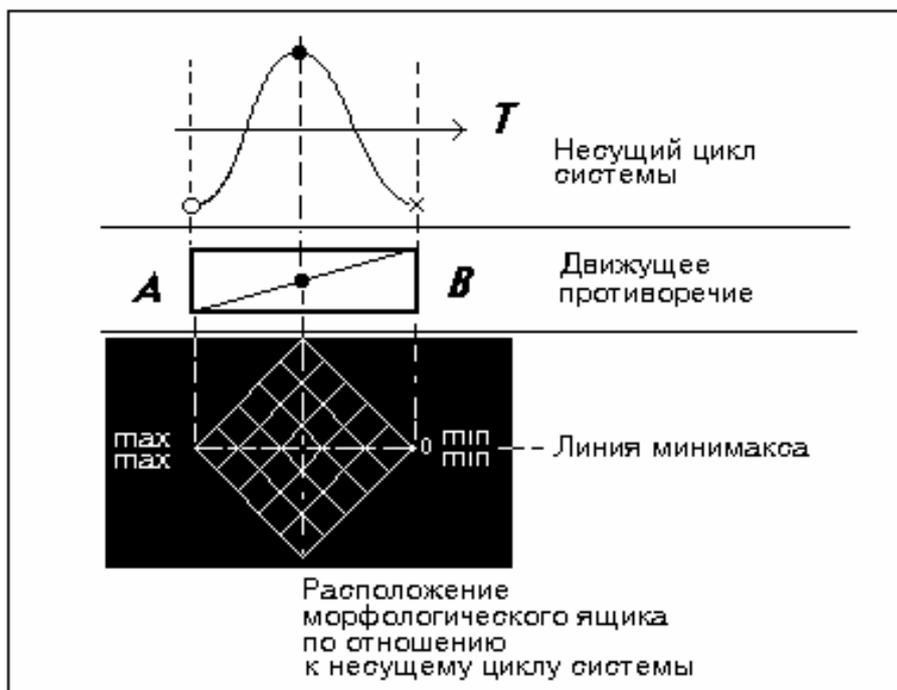

Схема 18.

Это же можно представить и в объеме:

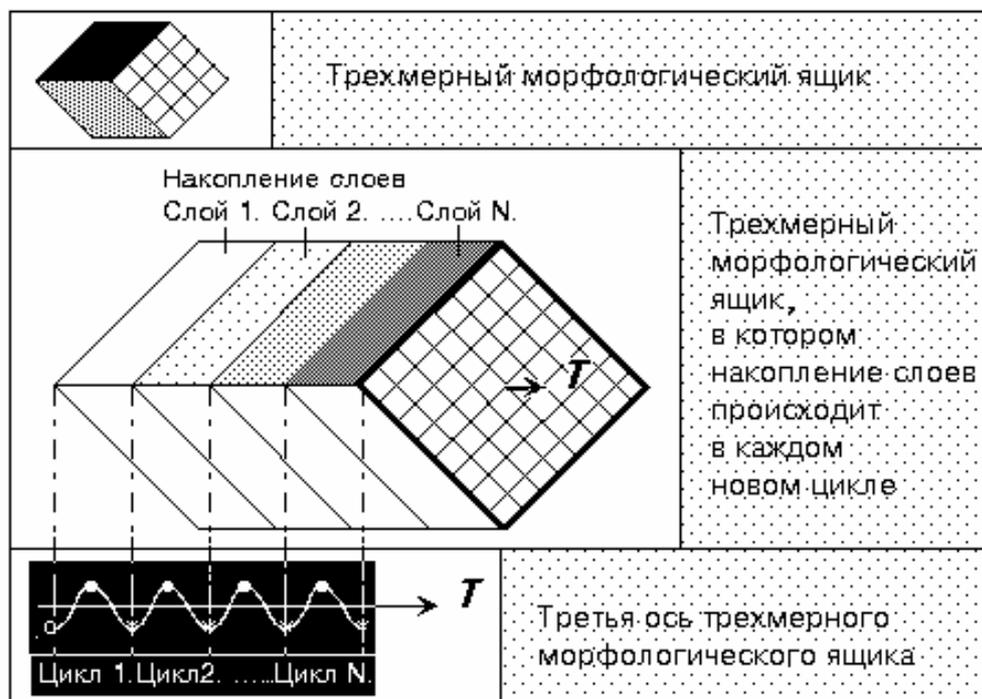

Схема 19.

Последний закон наиболее интересен. Дело в том, что волна, идущая по траектории цикла, захватывает, актуализирует работу морфологических ячеек художественного неравномерно. Историкам искусства это явление известно как доминирование того или иного искусства в некотором отрезке истории. В начале это немного жанровых ячеек, в середине предельно много, в конце снова немного. Даже безо всякого знания математики можно предположить, что это нормальное распределение свойств, по Гауссу. Если построить гауссиану под этой схемой, то суть становится предельно ясна. По сути дела за гауссианой и скрывается свертка цикла в морфологию и дисперсия свойств, но интересно, что это распространяется и на эстетические явления. Вся система выделена нами по одному признаку: именно в системном уровне происходит полное разворачивание и исчерпание морфологии в генезисе. Мы называем такой цикл несущим циклом в альтитуде, несущим или морфологическим циклом.

Заметим и еще один момент: интонационная структура, выразительные модусы распределяются по тому же закону и существует некоторая корреляция между выразительным модусом и тем или иным жанром в эстетическом поле. Недаром трагедия как жанр театрального искусства специально отработана под выразительное поле трагического. В других искусствах это не так очевидно, но тем не менее закономерность сохраняется. Несущая способность жанра ограничена с точки зрения возможностей выражения. В то же время все жанры движутся в сторону универсальной выразительности, то есть стремятся стать изоморфными искусству вообще.

Итак, жанр в момент своего доминирования, актуализации в истории эстетического порождает ряд произведений. Композиция этих произведений содержит в себе слепок:

– надсистемной разновидности эстетического менталитета, грубо говоря, принадлежит к одной из эстетических категорий (назовем это крупной сеткой различения, большой цикл длительности),

– системной или стилевой разновидности эстетического менталитета (средняя сетка различения, средний цикл длительности), например, классика трагического,

– определенного вида искусства с ограниченностью его материала, это относится и к эстетической деятельности в целом,

– определенного жанра внутри вида, который ограничивает возможности выбора композиционных средств еще больше.

Сами эти произведения не обязательно удовлетворяют все названные условия, но если они "резонируют" с общественной ментальностью этого момента истории, то такая вероятность однозначна. Более того, нет ничего более жесткого, чем соответствие параметров резонирующих произведений модификации менталитета. Это делает эстетическое прогнозирование одним из самых сильных прогностических методов. Кроме того, у него есть невероятное преимущество: эстетическая информация, закодированная в произведениях искусства, является надсистемной и приходит с опережением. Искусство предуготовливает человечество к идущим изменениям, оно дает закодированное предупреждение, но считать эту информацию из будущего способны единицы. Задача построения индикаторов для "улавливания" этой опережающей информации и стоит перед нами.

1.1.2. Подсистемный уровень

Эстетическая композиция как основной носитель системного уровня в подсистемном обнаруживает свое устройство. Поскольку это вплотную связано с генезисом (порождением) и восприятием произведений искусства, здесь тоже лежит огромное поле исследований, примыкающее к психологии, психофизиологии и физиологии. Но эти области знания выступают здесь не непосредственно, а в связи с проблемой участия человека в указанных процессах. Если говорить точнее, надсистемный уровень с его детерминистической

составляющей описывал большой цикл, связанный с обществом, системный цикл описывал оптимальный процесс коммуникации, где вместо общества в целом выступает некая референтная группа или сообщество групп. Подсистемный уровень имеет дело с человеком в его психо и физиологических (шире – биологических) проявлениях.

Постараемся кратко изложить суть этого уровня и порождаемые им индикаторы. Во-первых, от выразительной композиции системного уровня мы переводим наше внимание на композицию формально-выразительную и формальную. Во-вторых, мы имеем дело с короткопериодными циклами, близкими к циклу моды, но все же несколько большими. Размер цикла таков, что он ощущается человеком. Длиннопериодные и среднепериодные циклы крайне редко и только на уровне мысли охватываются выдающимися личностями. Подсистемный уровень через физиологию связан с циклами природы, например, с солнечными 11-летними циклами. Большие природные циклы влияют на другой объект – человечество, средние на некоторое сообщество, например, на этнос или поколение. Чижевский и Кондратьев задавали определенные корреляции для этих циклов, основой которых выступает циклозадающий, "раскачивающий" столетний цикл. И если влияние на отдельную личность в короткопериодном цикле достаточно жесткое, то корреляция на верхних уровнях проблематичнее: необходимо иметь некоторую связанную, взаимоналоженную совокупность всех космических факторов, чтобы выявить корреляцию [31]. Такие работы делались для гео- и биосферы; очень близко к этому подходит теория этногенеза Л. Гумилева, но общество как отдельный объект-организм целостно не рассматривалось. Единственная работа А.Л. Чижевского "Физические факторы исторического процесса" [54] затрагивает только политическую историю и является скорее беглым эскизом. Коррелирующим у него выступает не только один цикл [53,54,55]. Существует ряд работ, связывающих локальные проявления с ритмикой Солнца, например творческие достижения [37,56].

Формальные аспекты композиции у нас уже специализированы на уровне системного цикла. Видово-жанровые ограничения задают материал, а вместе с ним и структуру восприятия. Тогда и вступает в силу аппарат психологии: визуальное восприятие как способ исследования живописи, графики и декоративно-прикладного искусства, восприятие пространства как специальная проблема архитектуры, скульптуры и дизайна, проблема времени в пространственных искусствах и т. д. Можно назвать ряд работ, в которых проблематика восприятия и творчества произведений искусства выводила авторов на другие уровни, что неизбежно для искусства. Например, начиная разбирать формальную композицию и ее составляющие Р. Арнхейм [8] вводит главу о выразительности, которая восходит к гештальту в его первичном смысле. Наоборот, разрабатывая свою знаменитую систему, К.С. Станиславский от проблем выразительности переходит к психике актера и вырабатывает целую школу с ее приемами, которая порождает В.Э. Мейерхольда. Последний свел приемы своего бывшего учителя в комплекс биомеханических упражнений, сделав еще один шаг к форме. И, хотя Мейерхольда били за формализм, он на этом выстроил просто иную эстетику, накоротко замкнув био-формальную выразительность с новыми ментальными постулатами. В принципе, все искусство 20-х годов проделало эту операцию, и кое-где успело это осмыслить. Недолго просуществовавшая психотехническая лаборатория ВХУТЕМАСа подвела базис под поиски конструктивистов и рационалистов, ее работы еще ждут своего открытия. Но исходные постулаты бихевиоризма, положенные в основу ее методов, тоже ограничены.

Итак, формальную композицию можно осмыслять только в рамках одного из жанров. Но есть и некая универсалия, объединяющая все композиционные построения и относимая нами к системному уровню. Это понятие напряженности композиции, ее энергонесущая характеристика. Здесь есть весьма интересный момент, связанный с проблемой социального времени. Энергетический показатель фиксирует не скорость течения времени, а ускорение. Давно было

замечено, что в первой фазе цикла время течет с огромной скоростью, происходит предельное насыщение событиями. Напротив, последняя фаза цикла событиями бедна, и время замедляется. Средине дает оптимум, нормальное человеческое течение времени. Вспомним, что термины "ускорение" и "застой" появляются в русской истории с пугающей периодичностью в каждом веке [1,2]. Искусство схватывает этот показатель ускорения в художественной форме, произведения искусства выступают как точечные индикаторы энергии общества.

Мы начинаем говорить об этом индикаторе только на третьем уровне потому, что ее выразить можно только через конкретное или по аналогии с конкретным. Наиболее просто применить пару "контраст – нюанс" из графики и дизайна. Если мы возьмем черную и белую краски и будем смешивать их, то получим тональные ступени серого, скажем 12 ступеней. Этот так называемый тональный градиент имеет количественную мерность, что и определяет его преимущество. В художественной композиции можно столкнуть белое с черным, и тогда мы имеем максимальную степень напряжения глаза, контраст в предельном виде. Но можно и наоборот, соединить очень близко лежащие оттенки 6-5 ступеней, тогда мы имеем нюанс, минимальное напряжение глаза. Соединение 3-8 тонов градиента дает нам оптимальное напряжение глаза, то есть некоторую идеальную пропорцию контраста-нюанса. Напряжение, таким образом, объясняется нами формально, на самом деле оно жестко связано с выразительностью и волной. Тональный контраст обладает преимуществом очевидности, но и в других искусствах пара контраст-нюанс, отражающая напряженность, применяется повсеместно. Это касается и всех видов эстетической деятельности вообще.

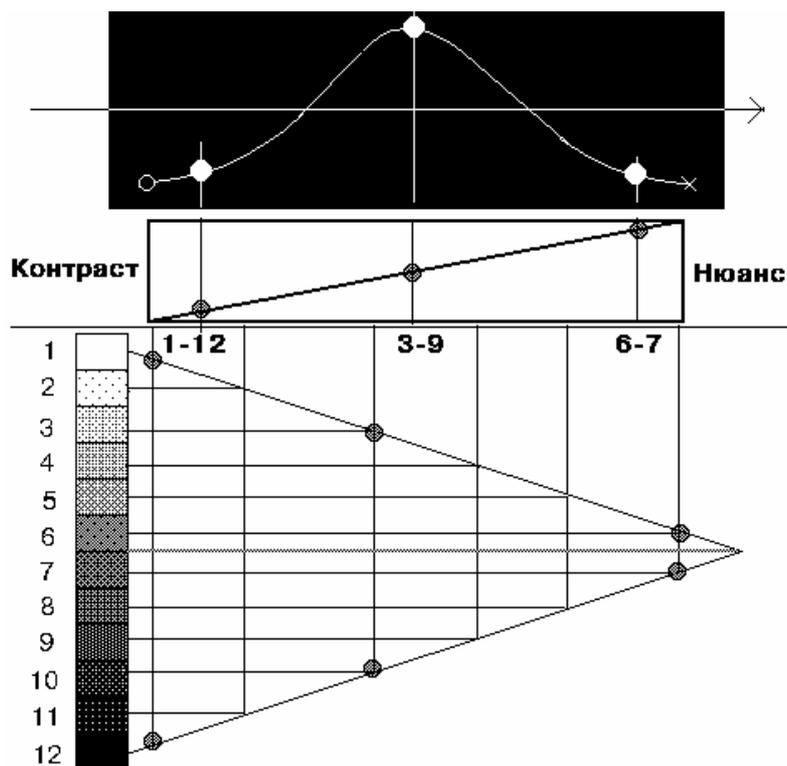

Схема 20. Изменение тональных ключей за цикл.

Приведу пример из своего опыта восприятия. Будучи студентом первого курса художественно-промышленного института, я снова посетил знакомые залы Третьяковки и вдруг заметил, что ранние парсуны имеют очень жесткий и «непрофессиональный» тональный контраст, а поздние работы мирискусников и вовсе лишены контрастов тона. Классические работы XIX века имеют оптимальное соотношение контраста-нюанса. Я решил проверить это наблюдение и тут же зашел в ГМИИ им. Пушкина, где увидел то же самое в зарубежной живописи и графике. Это было настолько очевидно, что я стал искать описание этой закономерности в искусствоведческой литературе. Но литература молчала. Мои познания в формальных аспектах композиции тогда ограничивались книгой А. Беды о живописи. Значительно позже я узнал, что это был ученик ВХУТЕМАСа, сохранивший метод 20-х годов. Он выделял тон, цвет, линию и перспективу, причем преимущественно живописную. Уже этот небольшой набор формальных составляющих композиции связался у меня в закономерность

относительно волны. Я заметил, что сильный контраст тона в начале как бы «душит» мощь цвета и делает линию жесткой и геометричной (тональный этап). Затем наступает время доминирования линии, при некотором ослаблении тона, а цвет все еще неразвит (линейно-тональный этап). В классике все компоненты сгармонизированы и уравновешены. Но постепенно в качестве доминанты начинает выступать линия с цветом (линейно-цветовой этап). Этот процесс завершается царством цвета, в котором нет тонального контраста и исчезает линия, она становится как бы точечной, очень сложной по траектории, органической (цветовой этап). Треугольник формальных средств как бы поворачивался на протяжении одного витка:

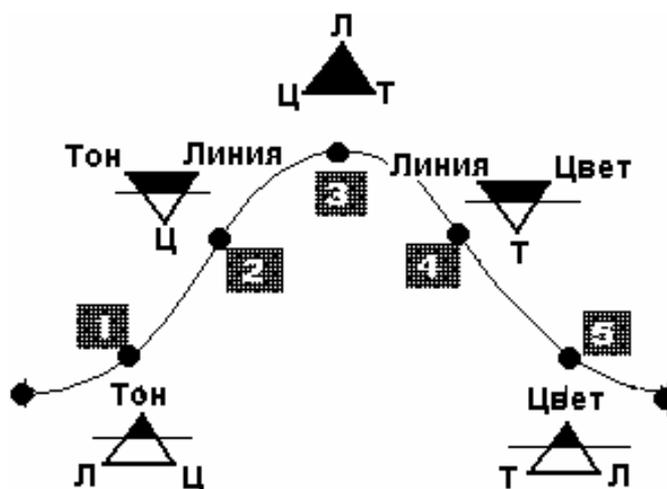

Схема 21.

Впоследствии это построение стало выглядеть слишком простым, поскольку были установлены гораздо более сложные связи, порождающие эту простую схему, но она и сейчас обладает привлекательной простотой. Всякий раз, рассматривая категории композиции какой-либо школы в дизайне или в театре, я дополнял это построение новыми компонентами. Скоро количество их превысило сотню и возник вопрос об иерархии и степени общности-подчиненности того или иного показателя. За простым понятием "линейности" обнаружилась пугающая терминологическая неопиcуемость, цветность не

схватывалась без тональности и т. д. Появились порождающие и производные уровни, и эта система перестраивается всякий раз, когда удается обнаружить новое. Это и хорошо и плохо. Для машинной обработки индикаторов скорее плохо, но для педагогического процесса скорее хорошо (способствует постановке динамического интеллектуального гомеостаза, по А. И. Субетто [45]).

Удалось обнаружить ряд работ, как бы лежащих посередине между психологией и формальной композицией и исповедующих генетический, волновой подход. Давно и интересно работающий в этой области В. Петров [34, 35, 36] придерживается идеи 50-летних циклов в культуре, то есть по нашим понятиям работает со второй проекцией спирали (аналогично инновационным циклам Н.Д. Кондратьева), являющейся количественной. Интересный подход содержится в статье Ю. Лотмана и Н. Николаенко [27], где исходной парой является работа левого-правого полушария мозга. Фундаментально эту тему проработал Ю. Маслов. Через функциональную асимметрию мозга, действительно, можно прояснить многие парные характеристики. Даже в сугубо психологических работах по этому направлению есть ряд сильных прогностических обобщений. В рамках же системогенетики само появление функциональной асимметрии мозга человека объясняется при помощи более общих законов [46].

Отметим одну особенность, касающуюся изоморфизма уровней. Мы можем вывести все составляющие подсистемного уровня из совокупности все тех же надсистемных индикаторов, поскольку они содержат наиболее общие пары. От хронотопа (время-пространство) и социально-личностного взаимодействия выстраивается характеристика напряженности в системном уровне и из нее веер формальных признаков. Связь достаточно очевидна: например, огромное пространство и жизнь ради будущего, социальное давление на личность явно порождают максимальную напряженность выразительной структуры. А ее можно выразить только предельным контрастом или самым мощным физиологическим

ударным средством. Так в архаиках появляется известное сочетание черного – белого – красного. Если в это момент применяется перспектива, то она должна выразить громадное, космичное пространствосприятие, это либо сферическая перспектива, либо ракурс, взятый из космоса на объект. Парящие города Велимира Хлебникова и ПРОУНЫ Эль Лисицкого, мистический черный квадрат К. Малевича и иконописная сферичность у Петрова-Водкина – проявление одной и той же закономерности. Но мы можем обнаружить ее и в не столь развитом виде в раннем Египте, в раннем христианстве, в ранних этапах множества иных культур, удаленных друг от друга во времени и пространстве. Аналогичная фаза в цикле выражается единственно возможным набором формальных средств. Но история всегда добавляет к этому набору нечто новое, поэтому сходное всегда различно. Степень сложности художественного образа и количество формальных средств нарастают, а инварианты сохраняются. В консервативных проявлениях, типа фольклора, формальный набор средств становится традиционно-ритуальным. Поэтому с удивлением обнаруживаешь, что черно-бело-красная гамма не только русская, но и мордовская, микенская, инкская и т. д.

Это приводит нас к простейшей прогностико-индикационной модели, где можно обойтись минимальным набором показателей. В таблице это выглядит уже привычным для нас образом:

ВИДЫ ИНДИКАТОРОВ		ИНДИКАЦИОННАЯ ШКАЛА		
Парные		А - В		
Св. Об-Св.Л.	Свобода общества - Свобода личности			
Экстра-Интра	Экстравертность - Интровертность			
Тройные		А А - В В		
Эстетические категории	Трагическое	Прекрасное	Низменное	
ПРОСТРАНСТВО	Большое	Нормальное	Мизерное	
ВРЕМЯ	Будущее	Настоящее	Прошлое	
ПОЛУШАРИЯ	Левое	Л-П равновесие	Правое	
Радио-Чувств.	Рациональное	Р-Ч	Чувственное	
Радио-Иррадио	Рациональное	Р-И	Иррациональное	
НАПРЯЖЕНИЕ	Максимум	Оптимум	Минимум	
Контрастность	Контраст	Контраст-Нюанс	Нюанс	
Репр.- Инт.	Репрезентация	Р-И	Интонация	
СИММЕТРИЯ	Симметрия	Диссимметрия	Асимметрия	
Констр.-Декор.	Конструктивность	К-Д	Декоративность	
Тип линий	Геометрические	Г-П	Природные	
Типы знаков	Знак-символ	Знак-образ	Знак-вещь	
Типы понимания	Семанти- тизирующее	Когнитив- ное	Распредме- чивающее	

Схема 22.

Мы теперь должны производить операцию сложения всех этих показателей уже на трех уровнях. Например, возникает трехуровневое время.

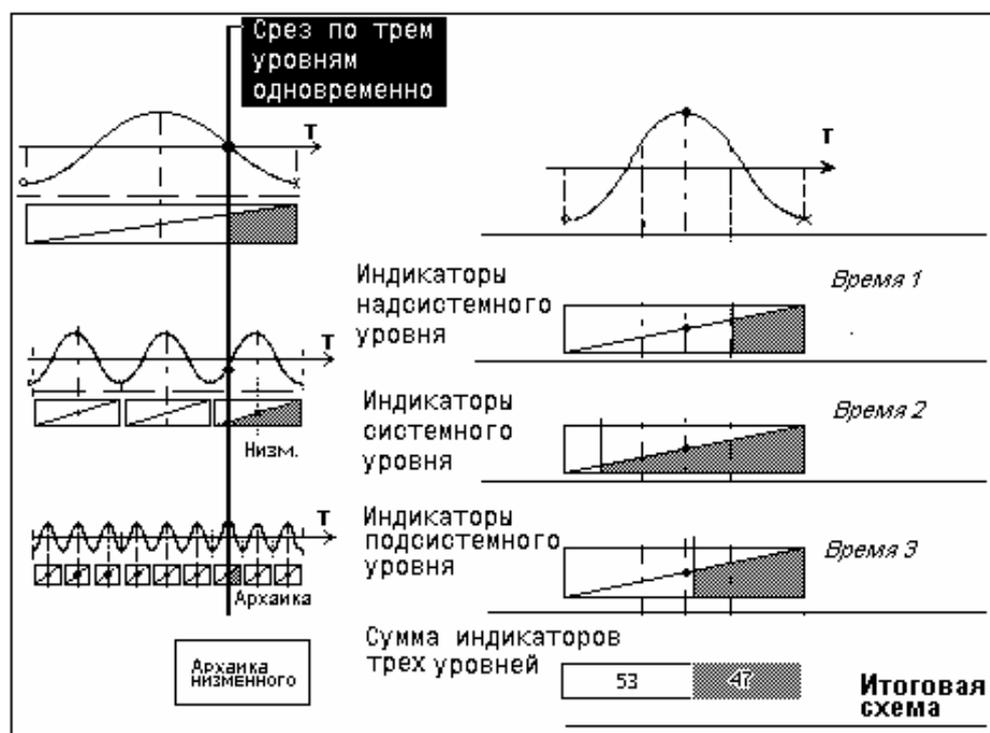

Схема 23.

Его легко почувствовать, но достаточно трудно формализовать, поскольку возникает множество парадоксов. Во-первых, время течет в этих уровнях взаимнообратно. Во-вторых, ускорение в каждом уровне свое, а это дополнительная и важнейшая характеристика времени в социуме. В третьих, у каждого времени есть свой носитель, свой объект: в надсистеме это общество, в системе это группа (например, в столетнем цикле это поколение с 33-х летним периодом), в подсистемном – это личность. Есть произведения, отражающие некоторый один цикл, а есть два и даже три. Скажем, мировосприятие Николая Рериха построено на громадных циклах, передвижники работают в пределах поколения, а К. Коровин в короткопериодном человеческом измерении. В один и тот же момент времени все они могут создавать разные (по уровням) произведения с несомненными художественными достоинствами. Если использовать эти произведения как прогностические индикаторы, то в этой точке времени нужно задаваться вопросом – что именно мы прогнозируем, каков сам объект. Скажем,

трагическое предчувствие революционной бури у Блока и у Маяковского – опережающее, но в первом случае это ужас одинокого человека, а во втором это радость обновления у социума.

2. О границах применимости эстетических индикаторов

Мы выяснили две важные вещи:

1. Эстетические произведения несут опережающую и в этом смысле прогностически ценную информацию. Она не может быть выведена никаким иным образом и обладает монолитной целостностью.

2. Эстетические индикаторы поддаются формализации и измерению, но аппарат измерений пока носит скорее качественный, чем количественный характер. Тем не менее, это качество можно измерять, для чего и строится наш аппарат исследования. Мы работаем над машинными способами индикации, но пока гораздо удобнее в процессе образования передавать этот метод непосредственно.

Поскольку тематика данной конференции обозначена как квалиметрия образования, следует коснуться и этого ракурса проблемы. Фактически мы выходим на комплекс знаний, лежащий в пространстве между обществом и человеком, куда входят поля эстетики, этики, социологических дисциплин, философии и т. д. Но если мы в ходе построения методики привлекали методы исследования из этих полей с целью синтеза, то полученную модель многоуровневых эстетических индикаторов мы вправе распространить уже на эти поля. Не считая возможностей, связанных с эстетическим развитием.

2.1. Применение методики в эстетическом развитии личности

Здесь два аспекта: возможность упаковки всей совокупности знаний и возможность обучения на основе этой методики.

Описанная нами модель строилась для прогнозирования, но полученный аппарат может работать и обратным образом: задавая историческую реконструкцию. Мы выстраиваем все эстетические произведения по возрастанию степени сложности формы и по датам. Получается картина, аналогичная выстраиванию атомных весов элементов в ряд у Менделеева на первом этапе. Далее образуются периоды по уровням. В полном виде это не три, а пять уровней: уровень всеобщей истории, уровень формации, уровень фазы-категории, уровень стиля-фазы внутри категории, уровень манеры-фазы внутри стиля, уровень моды или генезиса художника. Мировая культура предстает в системогенетическом виде хорошо упакованной, доступной для перевода на машинный язык. Здесь есть интересный аспект: по совокупности показателей мы можем вычислить характеристики утраченных произведений, иногда целых культур. Структурированное эстетическое знание хорошо соотносится со всей совокупностью социогенетических знаний, при единстве менталитета можно проводить аналогии между, скажем, математикой и произведениями искусства. Итак, первая разновидность применения нашей модели есть банк информации и специальные операции по его использованию: каталогизация (упаковка исторического материала), идентификация (отнесение произведений к дате его появления по показателям или выявление совокупности показателей через дату появления, установление авторства или школы и т.п.), операции с контекстом культуры (по каждому уровню) и множество близких операций, которые можно развернуть на готовом историческом материале. Вторая разновидность знаниевого типа – это прогностика. Продолжая тенденции, мы можем получать характеристики для новых объектов или прогнозировать тенденции по видам и жанрам искусств, по разделам культуры и по культуре в целом. Поскольку детерминизмом обладает высший ярус модели, мы можем прогнозировать форму только с вероятностью.

Применение в обучении очевидно. Если мы можем получить прогноз или историческую реконструкцию, то мы тем самым получаем набор ограничений по поводу произведения, его параметры. Мы можем достигнуть как минимум двух целей: научимся работать в любом модусе эстетического (из прошлого) и можем проектировать произведение для будущего. Поскольку это касается любого вида эстетической деятельности, то возможности практического применения безграничны. Вот уже в течение десяти лет эта модель апробируется в обучении. Например, самые простые упражнения для дизайнеров были построены на различении трех категорий, что отражается в трех видах композиций: конструктивная композиция (трагическое), изобразительная композиция (прекрасное), декоративная композиция (низменное). Именно этот набор использует и автор новой экспериментальной школьной программы Г. Неменский. Но у него это предел, а в нашем случае только начало. Далее каждую категорию мы разворачиваем в стили, то есть делаем различение более тонким, а композиций становится девять. На следующем уровне их количество утраивается, и так продолжается до того момента, пока учащийся не достигает своего предела. Предел различения интонации у каждого свой, но именно с третьего уровня можно отличить природную одаренность от работоспособности. Как афористично выразился великий русский художник В. Серов "искусство – это чуть-чуть". Есть природные способности к различению оттенков цвета, они делают живописца (например, А. Куинджи обладал такой врожденной способностью, поражая современников умением одним мазком попасть в точку), но только способность различать и воплощать интонацию делает художника. Музыканты особенно тщательно отработывают эту способность, поскольку музыка – это интонация в чистом виде. Но это процесс интимный, передача умения происходит на уровне мастер-ученик и не формализуется. В нашем случае можно вербализировать, предъявить и описать задачу по созданию тончайшей интонации. Мы можем не воспитать таким образом художника (это все же больше целостность, не

поддающаяся анализу), но утонченного, рафинированного зрителя и слушателя мы получим гарантировано. При достаточном количестве времени и при овладении системой эстетических модификаций с показателями обучение может быть проведено предельно эффективно.

Основные задачи классического эстетического развития личности: эстетическое образование (знания), эстетический вкус и эстетические установки, эстетическое обучение. Все три целокупно выполняются при использовании этой модели, поскольку взаимосвязаны процессом: знания нужны не сами по себе, а как знание о материале, наборе композиций из исторического багажа, как исследуемое эстетическое поле. Оно исследуется учеником для приобретения собственных умений. Утонченное различение вырабатывает и вкус, умение отличить искусство от грубой рыночной работы и мастерство от ремесленничества.

Интересно следующее: модель не апеллирует к чувствам, но обращение с ней развивает тонкость чувств. Видимый рационализм модели с графиками и противоречиями очень быстро уходит на второй план, поскольку становится языком общения учащихся и педагога, учащихся между собой. Умение переживать и искренне восхищаться произведением мастера приобретает даже некий оттенок рафинированности. Простое вчувствование, практикуемое по большей части во всем многообразии эстетического воспитания, уступает место некому интуитивному акту, сочетающему разум и чувство.

2.2. Применение методика для иных видов развития личности

Поле применимости данного метода зависит от того, какой объект перед нами. Если это любые формы взаимодействия личности с социумом, методика применима. Чаще всего он требует незначительной корректировки, а если освоена эстетическая сторона, то экстраполяция происходит вообще безболезненно.

Если перечислять в той же уровневой последовательности, то мы можем вывести из эстетической ментальности историю становления и смены философских учений, этических доктрин, социологические конструкции и устройства обществ. На этой основе можно выстроить курс становления цивилизации (естествознание, технознание, социознание, человековедение). Попеременное доминирование в менталитете одного из типов ценностей, одна из которых эстетическая.

Наиболее простым примером применения данной методики может быть политическое проектирование и прогнозирование. На практике нам еще в 1983 году удалось сделать трехуровневый прогноз развития политической ситуации в СССР. Степень его оправданности достаточно высока:

- после смерти Брежнева должен наступить период «дворцовых переворотов» с длительностью до трех лет,

- кризис приходится на минимум солнечной активности в районе 1985-86 годов, после чего открывается новый 33-х летний цикл менталитета одного поколения с преобладанием индивидуализма и опорой на личный интерес. Интересно следующее: этот цикл не изменяет предыдущую советскую систему, а только перераспределит власть и богатство между той же номенклатурой и нуворишами-мафиози. Период узаконенного рабства остается, но меняется одежда – частная собственность тех, кто и был у власти. Вместо изжившей себя идеологема марксизма сталинского типа новая идеологема "гуманного социализма" или же рынка,

- наибольшей активностью обладает первый 11-летний цикл, это период смены форм власти и экономической доктрины, начало цикла 1985-6, окончание в 1996 году, когда политическая власть будет стабилизирована,

- пиковый год в смене форм власти наступит через год-полтора после максимума солнечной активности (классическая фаза архаики низменного), это в

районе 1991-1992 года. Августовский путч достаточно точно спрогнозировал Глоба, использовавший точные астрономические данные,

– последующее движение будет идти в сторону диктатуры, с некоторым сдерживанием и борьбой множества линий. Очередной, но уже не слишком сильный кризис власти приходится на 1993-94 годы, (он аналогичен 19-й партконференции по значению).

Теперь о показателях и индикаторах. Времяощущение – прошлое в столетнем цикле. Здесь все, начиная от взрыва историзма, охраны памятников, восстановления церквей, до возвращенной литературы и возрождения русского идеализма. В качестве золотого века вдруг выступил царизм, а в качестве героя-мученика Николай II. Пространствоощущение – резкое уменьшение пространства. Отсюда мгновенный распад соцлагеря и Союза, всплеск национализма, резня на окраинах империи, аналогичная резне столетней давности. При этом в 33-х летнем цикле противоположная тенденция удержания большого пространства и будущетворения. Именно это не дает развалиться той же России на ряд удельных княжеств и активизирует политику.

Интересна эстетическая ментальная окраска этого периода. Наложение категории низменного на архаику дает натурализм, в частности, эстетику документа. Сложение будущего и прошлого порождает парадоксальное настоящее: отсюда восприятие происходящего как эстетически ценного. Если вспомнить, что документальное кино резко вытеснило художественное, а вся страна неделями без сна смотрела заседания съездов, то становится понятно, что за этим скрывается. Излюбленное чтение – мемуары, причем максимально неприкрашенные. Натурализм проявляется в резком биологизаторстве искусств: эротика и порнография, боевики, фильмы ужасов, некрофильные тенденции. Запад давно и постепенно прошел эти стадии, бывший Союз все это впитывает запойно. В философии – неизбежный идеализм, в обыденном сознании – все виды мистики (целители, экстрасенсы, тоталитарные секты). Начинает осваиваться мистический

потенциал Востока. Все эти тенденции, хотя и не в такой бурной форме, были свойственны циклу низменного сто лет назад.

Приведенный пример доказывает, что по эстетическим показателям можно реконструировать и прогнозировать политическую ситуацию в принципе. Но политика – вещь быстротекущая, наподобие моды. Поэтому для полноценной работы в этой области необходим еще и эстетический мониторинг. Очень многие повороты прямо-таки очевидно находили свое воплощение в эстетических произведениях нашего времени за год-два до самого события. Иногда нужные признаки были косвенными, иногда очень и очень явными. Сочетание политического прогнозирования и мониторинга можно класть в основу учебного курса по подготовке политических проектировщиков. Это учебная задача не ахти какой сложности. Скажем откровенно, сегодня необходимо подготовить политиков для 1996 года, умеющих грамотно проектировать и удерживать политическую ситуацию.

Мы не коснулись еще многих возможных направлений, где потенциал эстетической системогенетики может оказаться полезным, но мы достаточно очертили само это поле. Это поле взаимодействия человека и социума, через которое происходит взаимообмен ценностями, установками. Скажем, этическими – тогда можно детально описать, почему этические нормы сталинизма есть "жертвуй собой на благо", а хрущевский Моральный Кодекс Строителя Коммунизма начинался словами "человек человеку друг, товарищ и брат", на что наше время отвечает римской пословицей "человек человеку – волк". И вообще, почему и этические, и эстетические, и политические, и еще Бог знает какие аналогии нашего времени с Римской Империей так буквальны (вплоть до слова "аренда" и муниципальной милиции)?

Можно было заметить, что основной способ применения эстетической системогенетики в других областях состоит в проведении неких тонких аналогий, сопоставления отдаленного. Мы работаем не через эстетические индикаторы, а

при помощи них. То есть, фактически мы придаем окраску более широким принципам общей системогенетики. Например, тяготение ментальности трагического и архаик к будущему в общей системогенетике объясняется способом наследования из надсистемы, открытием там ниши, которая и заполняется историей, отсюда прилив будущетворения; тяготение декадансов и ментальности низменного к прошлому – подсистемной программой наследования, которая делает доминирующей прошлое в сознании общества. Но когда от суждений столь глобальных мы переходим к конкретике и говорим, что египетские пирамиды есть послание в будущее и отражение ментальности трагического, становится как-то яснее. Возможно, что упаковка в классиологическую конструкцию множества эстетических модусов сложна по первому впечатлению, но только по первому.

В рамках Университета АвтоВАЗбанка мы опробовали применимость наших принципов на ряде учебных предметов. Нам удалось за два года перестроить концепции литературы, истории, комплекса естествознания. И, разумеется, курса мировой художественной культуры. Возникает некая межпредметная парадигма, использующая и развивающая описанный выше метод. Возникает ряд специальных новых предметов, например, художественная герменевтика. Все это свидетельствует, что границы применимости эстетической системогенетики обширны.

Эстетические индикаторы преимущественно качественные. Они хорошо транслируются в педагогических процессах и плохо формализуются. Тем не менее весь описанный выше аппарат исследования перекладывается сейчас на машинный носитель, причем с педагогическими целями. Мы ставим своей задачей освободить личность от рутинной работы и длительного освоения художественных техник. Ведь художник творит не красками, а при помощи красок. Он творит новые модификации выразительных состояний. Так почему бы этим и не заняться сразу, минуя длинный путь ремесленных штудий. Это меняет

педагогический процесс, в котором главным становится проектирование, прогнозирование и прожектирование, то есть все виды будущетворения. А именно для этого и разрабатывалась нами методика эстетического системогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н. Н. Между прошлым и будущим. // Молодежный акцент. 1989. N 3.
2. Александров Н. Н. Импульс будущего. // Молодежный акцент. 1989. N 6.
3. Александров Н. Н. Лезвие сексуальной бритвы. // Молодежный акцент. 1989. N 10.
4. Александров Н. Н. Чернуха или эстетика безобразного // Молодежный акцент. 1990. N 2.
5. Александров Н. Н. Битва с хроносом. Пророчество и прогноз // Интер-Волга, N 4, 1990.
6. Александров Н. Н. Дуальность свободы общества и свободы личности в мере человека. // В сб. Человек – мера всех вещей. Горький, 1990.
7. Алексеев В. Становление человека. У истоков разума. // Знание-сила, 1983, N 10.
8. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М., "Искусство", 1974.
9. Артемьева Е. Ю. Семантические аспекты изучения памятников культуры. В сб. Памятниковедение. Теория, методология, практика. НИИ культуры. М., 1986.
10. Божко Ю. Г. Эстетические свойства архитектуры. Моделирование и проектирование. Киев, Изд-во "Будивэльнык", 1990.
11. Гачев Г. Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. Ч. 1. М., Изд-во "Искусство", 1972.

12. Глазычев В. Л. О дизайне. М., Изд-во "Искусство", 1970.
13. Зарипов Р. Х. Кибернетика и музыка. М., 1971.
14. Зеленов Л. А. Генезис и функции эстетической деятельности. В сб. Проблема нормативности в эстетике и этике. Горький, 1979.
15. Зеленов Л. А. Методология человековедения. Нижний Новгород, 1991.
16. Зеленов Л. А. Методологические проблемы эстетики. Горький, 1971.
17. Зеленов Л. А. Основы эстетики. Курс лекций. – Горький, ГИСИ, 1974.
18. Зеленов Л. А. Процесс эстетического отражения. – М., Изд-во "Искусство", 1969.
19. Кедров Б. М. О творчестве в науке и технике. – М., Изд-во "Молодая гвардия", 1987.
20. Кроник А., Головаха Е. Психологическое время: путешествие в "давно" и "не скоро". // Знание-сила, 1984, N 2.
21. Крюковский Н. И. Логика красоты.- Минск, 1965.
22. Крюковский Н. И. Основные эстетические категории. Опыт систематизации.- Минск, Изд-во БГУ, 1974.
23. Крюковский Н. И. Кибернетика и законы красоты.- Минск, Изд-во БГУ, 1977.
24. Крюковский Н. И. Человек прекрасный. Очерк теоретической эстетики человека. – Минск, Изд-во БГУ, 1983.
25. Каган М. С. Морфология искусства. – Л. 1973.
26. Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения. //Новый мир. 1969. N 9.
27. Лотман Ю. Николаенко Н. "Золотое сечение" и проблемы внутримозгового диалога. //ДИ СССР. 1983. N 9.
28. Мазаев А.И. Концепция "производственного искусства" 20-х годов.- М., Изд-во "Наука", 1975.
29. Марков М.Е. Искусство как процесс. – М., Изд-во "Искусство", 1970.

30. Мелик-Пашаев А.А. Педагогика искусства и творческие способности. – М., Изд-во "Знание", 1981.
31. Мизун Ю. Г, Мизун П. Г. Космос и здоровье. – М. , Изд-во "Знание", 1984.
32. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1974.
33. Переверзев Л. Б. Искусство и кибернетика. – М., Изд-во "Искусство", 1966.
34. Петров В. М. Прогнозирование художественной культуры. – М.: Изд-во "Наука", 1991.
35. Петров В. М. Эта таинственная цикличность. // В сб. "Число и мысль". – М. , 1986. Вып. 9.
36. Петров В. М. Художественная культура как объект прогнозирования. // Вопросы социального функционирования художественной культуры. – М., 1984.
37. Пэрна Н. Я. Ритм, жизнь и творчество. – Л.-М.: 1925.
38. Раппопорт С.Х. Неизобразительные формы в декоративном искусстве. – М., Изд-во "Советский художник", 1968.
39. Ражников В.Г. Диалоги о музыкальной педагогике. – М., Музыка, 1989.
40. Розенеберг Г. Тройка, семерка, туз... // Знание-сила, N 7, 1987.
41. Сороко Э.М. Структурная гармония систем. – Минск: "Наука и техника", 1984.
42. Сороко Э.М. Концепция уровней, отношение, структура (к методологии социологического исследования). – Минск. Изд-во "Наука и техника", 1978.
43. Субетто А.И. Творчество, жизнь, здоровье и гармония (Этюды креативной онтологии). – М.: Изд-во фирмы "Логос", 1992.
44. Субетто А.И. Генезис классификационной деятельности и информационная эволюция живого. // Классификация в современном мире. Новосибирск, 1989.

45. Субетто А.И. Творчество. Синтетическая теория и проблема творческого долгожительства. // Теория и практика принятия решения изобретательских задач с использованием методов активизации и повышения эффективности технического творчества. – Л.: 1989.

46. Субетто А. И. Феномен пост-футуристического диморфизма систем как возможная гипотеза построения прогнозов. // Прогнозирование научно-технического и экономического развития основных звеньев народного хозяйства. – Л.: ЛДНТП, 1990.

47. Субетто А. И. Системогенетика как общая теория преемственности в развитии систем. //Всесоюзная научно-теоретическая конференция по фундаментальной междисциплинарной проблеме "Организация и управление". Минск. 13-15 ноября 1989 г. Тезисы докладов. Минск: 1989.

48. Субетто А. И. От комплекса наук о человеке к интегральной науке. // Организационные факторы повышения эффективности социально-экономических исследований: пути активизации человеческого фактора (Методические рекомендации). – Л.: ЛДНТП, 1988.

49. Субетто А. И. Системогенетические закономерности формирования и развития качества сложных объектов. – Л.: 1983.

50. Субетто А. И. "Русский космизм" и грядущая "четвертая волна" развития человеческой цивилизации. // На страже Родины. 1990. 8, 9, 13, 16 июня.

51. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (опыт синтеза). // С-Пб-М., 1993.

52. Субетто А.И. Введение в квалиметрию высшей школы. Кн. 1-4. – М., труды ИЦ Гособразования, 1991.

53. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – М., Мысль, 1973.

54. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. – Тверь, 1923.

55. Чижевский А. Л. Солнечные пятна и психозы. М. , "Русско-немецкий медицинский журнал", 1928, март.

56. Ягодинский В. Н. Ритм, ритм, ритм. Этюды хронобиологии. – М., Изд-во "Знание", 1985.

Г. Тольятти, 1994.

Впервые опубликовано:

Моделирование индикаторов качества в эстетической системогенетике. // В сб.: Квалиметрия образования. Методология и практика. – М.: Изд-во ИЦ ПК ПС, 1993. С. 70-137.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
БИЗНЕСА И БАНКОВСКОГО ДЕЛА

ПЕТРОВСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАУК И ИСКУССТВ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ КАЧЕСТВА
ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ГК РФ ПО ВЫСШЕМУ
ОБРАЗОВАНИЮ

"СИСТЕМОГЕНЕТИКА
И УЧЕНИЕ
О ЦИКЛИЧНОСТИ
РАЗВИТИЯ.
ИХ ПРИЛОЖЕНИЯ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
И ОБЩЕСТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА"

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ТОЛЬЯТТИ
1994

СИСТЕМОГЕНЕТИКА И ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Тезисы для сборника, подготовленного к открытию конференции

Н.Н. Александров, Тольятти, 1994.

1. Системогенетика в современном обществе выступает в качестве интегратора, стоящего на позициях нового синтеза знания. Эта проблема синтеза приобретает актуальность в силу интеграции человеческой цивилизации в целом. Разнообразие точек зрения на развитие общества и на будущее человечества сейчас существует как рядоположенный набор разных парадигм. В пределе идеи системогенетики могут синтезировать эти парадигмы за счет вычленения и структурирования инвариантов.

2. Системогенетические инварианты можно рассматривать как минимум в двух ипостасях – системные инварианты (в том числе, классиологические) и генетические инварианты. Движение в области синтеза системных инвариантов активизировалось в 60-х годах нашего века и на этом пути были выработаны идеи системологии, развиты понятия общей теории систем и т. д. Но специфика системогенетики в том, что объект исследования должен быть отражен как минимум дважды: и системно и генетически. Работа в области конфигурирования разных онтологий должна быть дополнена генетическим синтезом. Но в этом направлении сделано значительно меньше шагов.

3. Генетический тип исследования предполагает наличие определенной логики разворачивания предмета исследования во времени его жизни, в пределе –

реконструкцию его полного генезиса. В настоящее время существует целая совокупность разных генетик, например, социогенетика, техногенетика и т. д. Что касается системогенетики, то в ее задачи входит выявление инвариантов и установление законов генезиса любых систем. Разумеется, инварианты такого рода могут охватывать только то множество объектов, которое нами познано и может быть описано как системное. Наличие таких инвариантов является своеобразной рабочей гипотезой метода системогенетики.

4. На материале истории философии можно проследить как возникал практически весь набор возможных генетических инвариантов в моменты формирования содержания, в начальные периоды в развитии цивилизаций. Нами выдвигается такое предположение: существует достаточно ограниченный набор, своего рода конечная морфология всех возможных генетических единиц-инвариантов. Эта морфология инвариантов обозначается как потенциал в начальные моменты становления цивилизаций. Так, например, в китайской культуре периода "Ста школ" этот набор просматривается с такой же отчетливостью, как и в античности или в раннем средневековье. Далее в истории цивилизаций можно наблюдать перемещение доминирования от одного инварианта к другому, от одной точки зрения к другой, что составляет процесс перемещения доминирования инвариантов в одном историческом цикле.

5. Такая условная морфология генетических инвариантов в крупных исторических циклах, например, в формационном цикле, "накрыта" некоторым единством, определенным "менталитетом формации". Наша задача в данном обзоре – выявить отдельные (не все) предельно большие циклы и зафиксировать верхний уровень генезиса – генезис парадигм времени в формационных циклах. По сути мы рассматриваем историю человечества как идеально детерминированную. Причем, мы можем наблюдать процесс роста идеальной детерминации в истории. Опора на инварианты, удерживающие единство мировоззрения, позволяет выделять крупные фазы развития человечества.

6. Перейдя на позиции идеальной детерминации истории при помощи рабочего понятия "менталитета", мы обнаруживаем определенную целостность: менталитет каждой формации в инвариантах предстает единым. Определенная фаза, этап становления человечества как целого, постижения мира через меру и пределы этой фазы удерживают границы этого "формационного менталитета". Именно наличие такой общности позволяет выделять явления, близкие к тому, что Ясперс назвал "осевым временем".

Наш взгляд состоит в том, что человечество есть целое с самого первого своего проявления. Это целое долго не осознает себя как целое, более того, действительное осознание может наступить только в конце "формационной истории". На всем протяжении своей истории человечество накапливало некий идеальный багаж и пыталось с разных позиций осмыслить себя именно как целое. А.И. Субетто описывает этот процесс как процесс роста совокупного интеллекта человечества, включающего и рациональную, и иррациональную составляющие в это понятие. Становление этого целого идет через локальность и дифференцированность к всеобщности и интегрированности. И если говорить об истории философии, то она являлась полем синтеза такого рода предельных представлений. Они не обязательно имеют логический и рациональный характер; более того, синтез на иррациональной основе имел место значительно чаще. Если встать на позицию познания инвариантов, то для нас не имеет значения – какая это основа. В любом историческом цикле можно наблюдать движение от рационального к иррациональному, которое потом снова и снова повторяется. Односторонность и монизм философской парадигматики способствуют анализу, углублению частных представлений, но не способствуют синтезу, который обязательно строится на конфигурировании разных онтологий.

7. Отношение к проблеме времени в любой ментальной конструкции является определяющим и задающим. Оно никогда не было "естественным", как это пытаются представить некоторые исследователи. Это всегда идеальная

искусственная конструкция, которая затем накладывается на ход жизни социума. Точка зрения на время управляет сообществом людей. Власть – это власть над временем, вот почему переход от церковного времени к светскому был таким трудным и достаточно кровавым – это был переход доминирования, замена одного типа идеальной детерминации на другой. Пространственно-временные модели, "ментальный хронотоп" незримо присутствует во всем, что совершается в той или иной культуре, в том числе и в экономике. И в этом сказывается то обратное влияние культуры на устройство общества, в том числе и на экономику, которое и можно назвать принципом идеальной детерминации.

8. И способ устройства общества, и способ производства есть производное от менталитета данного времени в той же мере, в которой менталитет произведен от них. Взаимобусловленность не есть дуализм: цикл задается не набором орудий и средств производства, а все-таки набором идей. Вряд ли орудия династии Цин сильно отличались от орудий греков, но вот исходные философские положения фиксируют сильнейшие отличия. И мы имеем при одном и том же уровне развития орудий разные типы общественного устройства. Модель управления обществом Конфуция и модель управления Аристотеля – это проявление их отношения к "ментальному хронотопу", разные проекты при разных основаниях. Если изучать только способы общественного устройства, то причина меняется со следствием. Аристотель задумал эллинизм, Александр и его преемники реализовали проект, выдержав его идеологию. Точно так же проект Конфуция был реализован в Китае, и точно так же стал идеологией.

9. Существует целая ветвь исторически разных школ, в постулатах которой лежит прото-идея о том, что история человечества есть сходящаяся (близкая к конической) спираль, в которой прогресс идет в форме круговоротов, но круги эти навиты на конус в качестве витков спирали. У этой пространственно обозримой конической модели были свои, более простые, предшественники. В истории

философии и в философии истории можно зафиксировать наличие как минимум нескольких идей, связанных с трактовкой исторического времени:

- первобытного природоподобного круга времени,
- простого идеального круга античности (бесконечного возврата),
- линейного теологического времени европейского средневековья, переходящего в профессиональное метрическое время,
- спирально-цилиндрического времени восточного средневековья,
- органического цикла Вико, где представлено возрожденческое человекоподобное время,
- стрелы прогресса в Просвещении, где сложно локализовано и онтологическое время Декарта,
- спиральности 19 века, объединившая античный круг со стрелой прогресса (начало разработки идеи импульса).
- импульсного времени 20-го века, основанного на зримой модели конической спирали и дополнительности двух конических спиралей (модель веретена). В настоящее время эта ментальная идея выглядит уже значительно сложнее, где время предстает как фрактальное, вложенное, многомерное импульсное время.

10. Если говорить о критическом отношении большинства историков к циклической парадигме, то оно связано только с недостатком информации о современных концепциях ментального времени. По публикациям можно наблюдать повсеместное применение модели цилиндрической спиральности 19 века, что действительно очень далеко отстоит от многослойности исторических хитросплетений. Историческую тенденцию сегодня уже невозможно воспринимать как абстрактную и равномерную винтовую линию, она может "работать" только в описании эмпирически взятых локальных циклов. Но стоит связать их воедино, как эта модель перестает быть объяснительной. Кроме того, цилиндрическая модель цикла основывается на естественно-научном детерминизме прошлого века, она ищет основания в метрических природных циклах. В природе

действительно есть равномерные, раскачивающие циклы, причем на нескольких уровнях это целые пучки. Но законы развития социума, что видно у Л. Гумилева, имеют свою циклическую структуру, взаимодействующую с природой, а не жестко подчиненную природе.

11. Если мы встанем на новую позицию исторического социального Импульса, и будем понимать ее как двустороннюю коническую спираль (веретено), где история человечества есть только часть общей биосоциальной истории, то такая модель достаточно адекватно отражает этапы движения истории человечества в цифрах. Особенно если принять импульс как фрактально-многомерный, а не в чистом единичном виде. Рассматривая в этом ключе гипотезу существования "ментальных формаций", можно видеть, что они образуют "витки на конической спирали" с убывающей длительностью. Относительно шага этой спирали есть как минимум два мнения – 2,7 и числа "золотого сечения". Такого рода модели должны вырабатываться и соотноситься с достоверными историческими фактами. Более того, только через надсистемные импульсные модели, например, модель всего импульса биосоциоэволюции, мы сможем уточнить достоверную длительность истории человечества. Движение должно идти как от общего к частному, так и от частного к общему.

12. Наметившееся в современной философии противостояние объективного (от мира к человеку) и субъективного (от человека к миру) обнаруживает себя в двух ипостасях: одни философы пытаются раскрыть структуру мира, общества и человека, другие – его смысл и цели в развитии. Перед системогенетикой стоит не проблема выбора, а проблема синтеза знания. Эта проблема синтеза должна быть правильно поставлена. Выбор в теперешней точке развития является ключевым в истории. Множественность путей развития человечества была возможна до момента исчерпания ресурсов, обеспечивавших стихийное развитие и разнообразие. Мир стал слишком взаимосвязанной системой и становится ею все быстрее. Как ни странно это звучит, человечеству не хватает идей. Поиск идет на

путях технологического и программного выхода из кризисной ситуации, а суть в том, что необходимо сменить мировоззрение и глобальную мораль.

13. Можно выделить три линии в современном научном знании, в которых присутствует проблема глобального выбора. Это линия западноевропейского экзистенциализма, линия инструментального рационализма и линия русского гуманизма, выраженная как в философии, так и в литературе. Исходные точки зрения этих трех направлений принципиально несовместимы. Между тем, если идти по предложенному пути синтеза онтологических оснований и генетических структурных инвариантов, точки зрения перестают иметь значение. Имеет значение только сам синтез.

14. Мы находимся в такой ситуации, когда вынуждены ускоренно проходить все те этапы, которые нами не пройдены, болеть теми детскими болезнями, которыми человеческая мысль переболела. Но есть и иной путь – не повторять чужих ошибок, а опережать в мысли прошедшую и идущую историю, понять ее логику. Для этого сейчас сложилась уникальная ситуация и мы должны поставить себе подобную задачу. Новое, стоящее у порога – в слиянии. Хочется думать, что это должны сделать именно русские, способные осуществить такой синтез в силу многократного объясненного интегративного, всеобщего и вселенского или как говорили раньше "СОБОРНОГО" характера русской культуры. Интегративная функция России открыта и описана самими русскими. Но нам предстоит осознать мировое значение этого утверждения на себе. И это наш шанс в условиях глобального выбора.

ПРИНЦИПЫ И ЦЕЛИ СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Н.Н. Александров. Г. Тольятти, 1994.

Данная статья была опубликована в газете Академии «Акцент» к открытию конференции. В основном все, сказанное здесь, имеет отношение к авторской системогенетике А.И. Субетто, взгляды которого я разделяю и цитаты из работ которого здесь использую. Совпадение наших интересов и взглядов и легло в основу нашего сотрудничества в рамках Академии.

Чем является системогенетика

Системогенетика – новый интегративный комплекс в науке. Это в первую очередь наука о закономерностях наследования в системном мире. Системогенетика – инвариант системы законов преемственности и обновления в развитии, отражающий "общее" для разных областей научного знания. Системогенетика есть внутреннее содержание эволюции, определяющее механизм ее движения. В этом смысле системогенетика является "ядром" эволюционики.

Системогенетика исследует как генетические, так и системные инварианты. Все в мире система. Категория системы сопряжена с категорией целостности. Система есть единство элементов и структуры (совокупность элементов и отношений), определяющих целостность. Такой подход определяет принцип системности мира и любого его фрагмента как онтологический принцип, у истоков которого стоит Аристотель с его принципом целостности, т.е. несводимости "качества целого к качествам его частей". Принцип системности опреде-

ляет системную онтологию как определенный "срез" познания и объяснения бытия мира и человека через категорию системы.

В концепции системогенетики системная онтология раскрывается через отношения "вложенности систем друг в друга". Формируется "мир систем" как иерархизированный системный мир. В выделение системы всегда есть акт системного познания и одновременно он делит иерархию системного мира на "подмир" и "надмир" системы. В системе происходит пересечение двух "наследственных потоков", идущих через подмир системы "от прошлого" и через надмир системы "от будущего". "Волна", или "цикл" есть форма синтеза этих двух потоков. Исследование цикличности развития является одним из направлений системогенетических исследований.

Вместе с живыми системами в мире появляется Рефлексивный Мир и Рефлексивная системная онтология, являющаяся частью системогенетики.

Из изложенного следует программа формирования научного задела в форме Неклассической Науки как базиса скачка в управляемости со стороны человека, обществ отдельных стран, включая общество России, человечества в целом. Такая программа опирается на новые Неклассические парадигмы в организации единого корпуса знаний. Системогенетика вырабатывает новые системную, классификационную, циклическую, качественную, методологическую парадигмы и их раскрывающие научные комплексы. Сюда входит новый взгляд на теорию общественного интеллекта, концепции синтетической революции в механизмах цивилизационного развития и закона роста идеальной детерминации в истории, концепция развития мировой цивилизации в свете Большой Логике Социоприродной Эволюции, концепция закона опережающего развития качества человека, качества образовательных систем в обществе и качества общественного интеллекта как важнейшего механизма выживаемости человечества в XXI веке.

Образовательное общество. Системогенетический взгляд

Ключевым моментом в развитии цивилизации сегодня является вопрос об образовании. Человечество в целом сможет выжить, только став "образовательным обществом". Образовательная система как социальная система не замыкается системой образовательных учреждений, а экспандируется в своих границах на общество в целом. Функция образования становится ведущей функцией фирм в развитых странах, поскольку интеллектуальный ресурс становится важнейшим фактором конкуренции как между отдельными фирмами, так и между государствами. Переход существующих обществ в образовательные общества требует смены теоретических оснований в "фундаменте" обществоведения и человековедения. Образование становится ведущим механизмом в решении экологических проблем и в системе экономического развития. Образовательное общество есть по своей природе общество, в котором происходят преобразования экономического базиса общества в образовательно-экономический базис общества. Образование становится "образовательно-педагогическим производством" человека, общественного интеллекта. Происходит переход от "эпохи политической экономии" к "эпохе социальной экономии" подразумевает становление образовательного общества.

Образовательное общество преодолевает негативы информационного общества, обеспечивает процессы формирования мониторинга за информационной экологией, информационным качеством жизни.

Образовательное общество означает собой Неклассическое общество, где усиливается сознательное использование системогенетических законов в первую очередь по пути синтеза программирующих начал "от прошлого" и "от будущего", должного и свободы. Появляется новый тип проективности – системогенетическая проективность, которую впервые методологически глубоко которую разрабатывать Н.Д. Кондратьев.

Системогенетическое движение

В настоящее время в мире нарастает интерес к обозначенным проблемам системогенетики и формируется ряд "ядер", в которых идет концентрация этого нового знания.

В России это выразилось в формировании нового классификационного и нового циклического подходов, которые уже объединены в общественные организации, ассоциации и лаборатории. Обширность проблематики самой системогенетики потребовала концентрации на ключевых направлениях. Одним из центров координации и синтеза в системогенетике стал "системогенетический колледж" Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела в городе Тольятти. Ниже приведены основные направления, по которым уже сейчас ведутся исследования.

Системогенетическое направление в Академии

Системогенетическое направление оформилось в Академии в рамках "системогенетического колледжа", который работает по принципу "невидимого колледжа", то есть как неформальное сообщество единомышленников.

"Системогенетический колледж" ставит первой целью формирование научной школы системогенетиков на базе постоянно действующей международной конференции "Системогенетика и учение о цикличности развития" и использования конференции в качестве школы-семинара по этому направлению исследований.

Второй целью является разработка системогенетической методологии управления качеством образования, разработка и корректировка образовательных программ, организация корпусов знаний по отдельным дисциплинам.

Третья цель связана с функционированием "системогенетического колледжа" как филиала Исследовательского Центра проблем качества подготовки специалистов высшей школы. Это разработка технологий аккредитации и аттестации для

негосударственных высших учебных заведений, включая обобщение собственного опыта по международной аккредитации в Северо-Западной ассоциации колледжей и школ США и планируемое прохождение аккредитации в европейских странах.

Четвертая цель – разработка региональных программ развития систем образования (для города Тольятти и региона). Это связано с ведущей идеей системогенетики в целом – трансформации современного общества в "образовательное общество" и поиском механизмов этой трансформации.

Пятая цель – это разработка компьютерных технологий обучения и оценки качества на базе системогенетических моделей. Эта цель связана с наличием в Академии специализированной лаборатории, имеющей трехгодичный опыт работы. Данная разработка является научной темой ректора университета, а лаборатория – его исследовательской лабораторией.

Принципы и цели системогенетического движения// "Акцент", от 14-19 июня 1994.

НЕВЫУЧЕННЫЙ УРОК ИСТОРИИ

Н.Н. Александров, г. Тольятти, 1994.

Человек на 80% состоит из воды. Но больше, чем на 80%, человек состоит из истории.

Когда общество начинает топтаться на месте, ему явно не хватает идей. Идеи – это топливо общественного времени, и, если притока идей не видно, движение общества может остановиться. Яркие политические страсти, грозowymi разрядами пронизывающие наше общество, – это лишь начало более глубокого процесса переосмысления мировоззренческих основ нашего общества. Политикам некогда заниматься философией и историей; впрочем, это еще не политики, если им некогда. Один из ведущих американских менеджеров начинает свой день с чтения философских трактатов и только потом занимается делами. Этому человека любая фирма готова "оторвать с руками". Но из жизненного опыта любой из нас знает, что ничего скучнее философии в мире нет. "Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет", – любили говорить студенты, не подозревая, что слова принадлежат гётевскому Мефистофелю.

Между тем и до, и во время, и после марксизма фантастически красивая страна философской мысли цвела и плодоносила. Тоталитаризму удалось превратить зерно истины, бесспорно, содержащееся в марксизме, в пять хлебов и накормить этими, порядком засохшими, хлебами не одну тысячу верующих. Но

уже тем сухарем, который достался нашему времени от данного учения, можно было вполне забивать гвозди. Сами же гвозди тоже изготавливались при его помощи (“гвозди бы делать из этих людей!”). Впрочем, фарисейство и у нас не было безграничным: под маркой критики буржуазной философии некоторые ее мысли проникали и проникают в литературу. Например, историю модернизма вполне сносно можно было выучить по ругательным искусствоведческим монографиям, если отжать из них воду. Причем, что характерно, современные искусствоведческие работы местами уступают тем, старым и ругательным. Я думаю, мы вынуждены будем ускоренно проходить все те этапы, которые нами не пройдены, переболеть теми же детскими болезнями, которыми человеческая мысль переболела. Однако есть и второй путь: не повторять чужих ошибок, а опережать в мысли идущую историю. Для этого сейчас сложилась уникальная ситуация. Но не чувствуется, чтобы кто-то ставил себе подобную задачу.

Где-то в конце прошлого – начале нынешнего веков в нашей России расцвел неизвестный нам “русский Ренессанс”: это было время сильной социальной напряженности, но именно в этой атмосфере собирающейся грозы получили развитие русская философия, русское искусство и литература, русская гуманитарная наука. Заметьте, не естествознание, не познание природы в целях ее покорения, а именно гуманитарный пласт культуры, хотя и в области естествознания и даже техники Россия занимала не последнее место. Можно только поблагодарить тех большевистских политиков, которые в 1922 выставили из России “цвет нации”, столь обогативший западную мысль. Известно, какая судьба ждала в советской России лидера правых эсеров Пителима Сорокина, ставшего лидером американской социологии на многие годы. Уже издали эти люди осмыслили роль России и смогли предвидеть многое из случившегося и многое из того, что еще случится. Хотя бы поэтому интересно познакомиться, какими путями развивались их мысли. Но куда важнее другое: русская философская мысль, хотя и интегрировалась с западной, все равно осталась особой, неразтворимой и не

продолженной никем. Как трудно объяснить нормальному немцу, в чем состоит юмор Ильфа и Петрова, так же трудно западному философу продолжить мысли Достоевского или Толстого. Эта задача специфически наша, и уникальность ситуации в том, что мы и можем, и должны это сделать. Следовательно, необходимо наверстать упущенное и шагнуть за горизонт. Привычная для нас философия диамата идет от мира к человеку, и не она одна. Философия русского Ренессанса конца прошлого века шла от человека к миру. Казалось бы, ну и что, какая собственно разница? Между тем разница огромная, это даже не разница, а пропасть. Как выразился Остап Бендер по поводу финансов, в эту пропасть тоже можно падать всю жизнь.

Важно отметить, что русская философская мысль как была, так и остается совершенно особым полем, со своей проблематикой и своим методом. Этот метод, с одной стороны, раздражает западных философов, в силу чего они придумали “загадочную русскую душу”, тем самым закрыв проблему. Но с другой – достижения русской мысли намного опережали достижения западной, а об этом знают лишь единицы. Бердяев писал, что при чтении столь прославленного Ницше его все время не покидало чувство недоумения: все это, и значительно глубже, уже было у Достоевского. То же самое можно сказать по поводу Данилевского и Шпенглера: теория Данилевского богаче. В чем тут дело? Мне представляется, что, во-первых, русский ментальный цикл не синхронизирован с западным и работы русских не попадают в резонанс с актуальной западной “философской модой”. Во-вторых, западная философия имеет совершенно другой стиль: это либо гегелевский тип неудобоваримых многослойных напластований, вызывающий священный ужас у непосвященных, либо шпенглеровско-ницшеанский стиль “паблисити”, эссеистика как игра по своим правилам. Русские на диво фундаментальны, гораздо фундаментальнее (не дотошнее, а именно фундаментальнее) немцев.

Расцветом любая культурная популяция обязана изоляции. Изоляция поднимает давление пара в культуре. Но нужен был еще и социальный повод, чтобы русская философская мысль окончательно созрела для размежевания и объединения в малые “элиты”. Таким поводом стала первая русская революция.

Русская философия и русская литература

Объединение русских философов происходит вокруг общих сборников (как формальный повод), а шире – вокруг коллективного осмысления глубинных проблем современности, и особенно проблемы Человека. Русская философская мысль шла, отталкиваясь от мыслей Ф.М. Достоевского. Если открыть философский или социологический словарь, то там всегда найдется немало упоминаний о Достоевском, а также статья о нем. В словарях по эстетике и этике ссылок на Достоевского еще больше. Загадка русского писателя состояла в том, что в его произведениях, записках и дневниках не меньше философии, чем литературы. Парадоксальность русского мышления обнаруживает себя в его редкостной целостности: литература не только содержит в себе философию жизни, но и зачастую многократно опережает формулировки профессиональных “чистых” философов. Чем, по-вашему, является “Что делать?” Чернышевского? Литературно обработанной утопией, основанной на отчетливой философии. Более того, каркас логичности просто выпирает из этого произведения, разрушая его ироничную художественную ткань. Или столь популярный недавно Замятин – кто он? Писатель-фантаст или социолог, создавший вполне определенную и почти реализованную модель будущего на тридцать лет раньше почитаемого на западе Оруэлла? Заметим, что способ фантастического моделирования будущего и проигрывания вариантов развития присущ и марксистам: исключенный из РСДРП Богданов (Малиновский) анализирует последствия реализации идей социал-демократов в фантастическом романе, хотя делает это в романтической форме. Недавно переиздана его “Красная звезда” – это и своеобразная литература, и

хорошая социология. Впрочем, утопии вообще входят в “три источника и три составные части” сталинского марксизма. Удивительный мир утопии и антиутопии – это целое направление современного философского анализа. Приговор прочел уже Бердяев: утопии страшны тем, что они реализуются.

Но Достоевский и Толстой не писали ни фантастики, ни утопий, ни антиутопий. Они сумели пронести свои идеи через изображение современной или не столь отдаленной жизни. И в подходе к неоднозначным философам у их современников сразу же обнаружилась уже знакомая нам двойственность. “Лев Толстой как зеркало русской революции” нужен был Ленину, воспитанному на идеях русского демократического радикализма. В одной из работ Н.А. Бердяева по поводу художественного мира Гоголя таким образом критикуется эта однобокая тенденция: “Наша критика, – пишет он о Белинском – Добролюбове, – была для этого слишком “прогрессивного” образа мыслей, она не верила в нечисть, она хотела использовать Гоголя для своих утилитарно-общественных целей. Она ведь всегда пользовалась творчеством великих писателей для утилитарно-общественной проповеди”. Отсюда – Гоголь как “зеркало” дореформенной Руси, Толстой – как “зеркало русской революции” – и тут прав Бердяев: тенденция едина, и направлена она от мира к человеку, от общества и его заданности, детерминизма, к личности. Раньше меня, воспитанного на “трех этапах революционного движения в России”, всегда поражала озлобленная, карикатурная критика Достоевским наших демократических радикалистов, скажем, в “Бесах”. Теперь можно спокойно говорить о художественном пророчестве философа Достоевского: все худшее сбылось. Утопии страшны тем, что сбываются. Только к известному 1937 году Бердяеву удалось выпустить свою классическую работу о русском коммунизме, но в этот момент процесс уже стал необратимым – его оставалось только объяснять.

Выбор рационализма

Мысленно возвращаясь к переломной для философии первой русской революции, я думаю и о тех истинных интеллигентах, которые ушли в идеализм, и о тех марксистах, которых выгнали из партии, как Богданова, и о тех, которые не смогли составить никакой оппозиции Сталину, – будь то начитаннейший “демон революции” Троцкий или “любимец партии” Бухарин. Та самая изолированность, породившая комплекс вины перед народом, как будто подготавливала этих людей к изгнанию и уничтожению. Если провести аналогию, то и в итальянском Ренессансе, и в русском новом Ренессансе интеллигенция никак не воздействовала на власть – украшала, объясняла, призывала, да.

Между тем в истории философии всегда был разряд работ, которые были построены на абсолютном (и в этом смысле аморальном) рационализме – начиная с Ренессанса власть использовала принципы Макиавелли, ничуть не стесняясь прекрасного соседства гуманистов. Мы искренне гордились, что первое советское правительство было и самым молодым, и самым образованным. Если даже это и так, в чем историки уже выражают сомнение, то что же осталось от этого цвета социал-демократии через два-три года? Формирующаяся тирания, которую ни молодость, ни образованность правительства не спасли. Как будут соотноситься власть и культура дальше – это большой вопрос. Сталин очень любил перечитывать Макиавелли. И проблемой выбора вроде бы не мучился. Власть не имеет выбора. Власть неизбежно опирается на рационализм. Рационализм даже не искушение, а философский атрибут всякой современной деспотической власти.

Между прочим, в любом учебнике прикладной социологии, и не только в нашем, Ленин приводится как хороший социолог, открывший и использовавший оригинальные социологические методы для захвата власти. Это – особый тип соотношения философии и власти, когда философия становится идеологией власти, а рационализированные технологии – орудием ее захвата. Кстати, “Философские тетради” В.И. Ленина являлись его личным конспектом по истории

философии, не предназначавшимися для опубликования и последующего конспектирования: он явно искал в истории философии зерна нужной ему как политике методологии. И нашел. Но это особая проблема – проблема рационализма и власти и рационалистических методов “вспарывания” философии. Она не просто актуальна – она становится все актуальнее и актуальнее именно перед лицом выбора.

Карл Поппер всю свою критику гегельянства построил на тезисе о превращении Г.В.Ф. Гегеля в “официального философа” немецкого государства периода экспансии. По сути, он выделил тот же тезис: рационализм есть орудие власти и в этом смысле он нечувствителен к философской критике. Рационализм вне морали. Начиная с Декарта понятие добра подменено в рационализме понятием правильного пути в поисках истины. Это можно свести до известного лозунга его коллеги Паскаля: так будем же хорошо мыслить, это и есть лучшая мораль. Но если Паскаль, как и Ньютон, закончил свою жизнь глубоко религиозным человеком, то Бог у Декарта остался неморальным Богом. Это хорошо показал М. Мамардашвили в “Картезианских размышлениях”. Нас же здесь интересует сама постановка проблемы: рационализм может облекаться в любые одежды, его суть – технологизация, его взгляд на человека – как на винтик машины, навоз истории. Рационализм всегда близок к власти, начиная с Макиавелли и кончая романтиком Гастевым. Он дает власти инструменты властвования. При этом без мук выбора. Эту проблему осмысляют другие.

Экзистенциальность и ее выбор

Итак, рассмотрим тот исторический контекст западной философии, который существовал параллельно с русской философской школой конца XIX – начала XX веков. Один из отцов экзистенциализма Мартин Хайдеггер впервые стал различать бытие вообще (взгляд от мира у человека) от наличного бытия или “здесь-бытия” (от человека к миру). И это открытие было переворотом в западной философии.

Тем самым он открыл уникальность человека: его способность общаться с сутью вещей, стремиться не только к благу, но и к истине, – но тут же обернул эту уникальную сущность против разума. Вот это-то самое наличное бытие мы никак не можем фиксировать, более того, мы не способны объяснить, почему бытие есть. И когда художники-экзистенциалисты заставили человека пребывать в пограничной ситуации, на грани жизни и смерти, то оказалось, что лишь в этой ситуации человек и способен отбросить быт и открыть бытие. Есть предметы, но нет ничего, что раскрывало бы нам бытие: как на картинах Вермеера, вещи погружены в “световую жидкость”, так и реальные вещи погружены в бытие. Это – свет, в котором видны все предметы мира. Оно (бытие) ничто. Согласитесь, далековато от материализма, но это самый что ни на есть материализм, только другой. Экзистенциалисты и феноменологи охотно признавали, что мир есть и существует независимо от наших ощущений, однако в центре его для них стоял человек. Такой акцент порождает совершенно иной образ мира и отношение к жизни в этом мире.

Поворот к человеку развернул и русскую и мировую философию и вывел ее на новый виток познания. С этого момента становится очень трудно критиковать новейшую философскую мысль, ибо критика “марксистская”, в ее догматическом, постсталинском варианте, уже ничего не способна поделать с ценностью человека, она методологически бессильна. Более того, бессилен и рационализм, экивоки по поводу которого вынуждены были делать философы 20-х годов. Люди не навоз истории, а ценность – это тот основной тезис, который они отстаивали перед натиском рационализма, говорящего нам во всех вариантах прямо противоположное. Кстати, такое гуманистическое утверждение несколько не противоречит взглядам самого Маркса. Противоречит оно лишь тоталитарной практике и идеологии псевдомарксизма.

Если у Хайдеггера и его последователей сложился один, скажем, немецкий, тип отношений с властью, то другой тип отношения философии к власти

обнаружили французские экзистенциалисты. Будучи участниками антигитлеровского Сопротивления, они стали и его идеологами, только идеологами наоборот: человек свободен, но эта свобода ставит его перед выбором Гамлета. Выбор открывает бездну в личности, ведь ни много ни мало – “быть или не быть, достойно ли” и так далее – до “или погибнуть”. Такой – открывший бездну – человек не только борется против очевидной тирании над личностью, но и способен противостоять “усреднению”, оболваниванию. Он осознает, что он не винтик механизма и не жалкая молекула истории, а уникальное и неповторимое создание природы. Отсюда есть “Я” и все иное, помимо меня, – “Не Я”. Стандартизация тянет в общественную заданность, противостояние стандартизации имеет много вариантов, от “сверхчеловека” Ницше до театра абсурда. Удивительно, как скоро полухудожественные проблемы “меня и иных” переросли в действительно фундаментальную мысль о судьбе человечества, стоящего на грани. Взрыв в Хиросиме поставил человечество на грань ядерной войны, доклады Римского клуба впервые открыли близость экологической катастрофы в цифрах. В этой пограничной ситуации человек уже лишается морального права поддаваться усреднению: ведь равнодушие и конформизм совершенно очевидно ведут к гибели всех.

Проблема выбора

Обратимся за иллюстрацией к сегодняшней жизни. Как-то изучая надписи на свежих могилах, я подсчитал, что умирают у нас не древние старики, а молодые и даже очень молодые люди, много детей. Учителя жалуются на обилие дебилов, полудебилов и просто заторможенных детей. Сопоставить причину со следствием нетрудно, и некоторые “зеленые” делают это лучше меня. Но наш разговор – о выборе: мы по большей части выбрали равнодушие, прекрасно понимая, что подобный выбор ведет нас к гибели. Сказанное мною не имеет ни малейшего отношения к управленческим документам и управленческому выбору

оптимальности: там – иные законы. Выбор делает каждый из нас в отдельности, осознавая или не осознавая, что любая устаревшая технология “беременна взрывом”. Знаменитое “молчаливое большинство” выбирает политику страуса, прячущего голову в песок. Примерно в такую же ситуацию глобального выбора поставлено все человечество, и ее осмыслили “человекоцентристы” в философии. Более того, приступ локальности, национального самозамыкания происходит как раз в тот период, когда нам самое время осознать себя человечеством.

Проблема синтеза

Законы истории на то и существуют, чтобы не они считались с человеком, а человек с ними считался. Мы живем в цикле разобщения, результатом которого должно стать все-таки объединение человечества. И это еще одна тема, наиболее популярно прозвучавшая у О. Шпенглера в “Закате Европы”, – тема изолированности и цикличности развития, почти не известная в нашей недавней философской литературе и не воспринятая нами никак. Приятно, что и у ее истоков стояли русские: основатель интегральной философии и социологии П. Сорокин и уникальный исследователь А. Чижевский. Чтобы говорить об этом направлении, отвлекусь. Когда молодой С. Королев посетил в Калуге стареющего и глуховатого К. Циолковского, он загорелся идеей и понял техническую реальность космических полетов. Получивший довольно аристократическое воспитание, но впитавший и социалистическое “вперед!”, технический гений схватил “главное” – лететь на этом можно! Гораздо меньше занимала его философия К. Циолковского, для которого все технические утопии и не-утопии были всего лишь прикладным аспектом в понимаемых им целях. Зато эти цели вырабатывались долгие годы в провинциальной Калуге в рамках теософского кружка, членами которого были и Циолковский, и Чижевский. Ниточка тянется к тому самому “новому русскому идеализму”, идущему от рафинированного С. Соловьева к Н. Бердяеву и П. Флоренскому.

Двадцатые годы нашего века в этом плане представляют собой удивительный синтез предельного рационализма и новой философии человека: тот же отец П. Флоренский был не только религиозным философом, но и написал классические технические работы. Исследователь солнечных и космических циклов А. Чижевский имел свой философский взгляд, но время требовало вещей практических – он легко перешел на исследование механизма кровообращения (для окончания этой работы он даже попросил оставить его в лагере после срока), затем – проблем аэроионификации – еще не открытого нами достижения, хотя книги написаны и они есть в интернете. Куда сложнее оказывается философская концепция Питирима Сорокина: он открыл всеобщее фазовое самодвижение общества. Если Чижевский сумел предсказать совпадение революций с пиками солнечной активности (“Физические факторы исторического процесса”, 1924), то Сорокин рассматривал исторический процесс как развитие основных типов культуры, в основе которой лежат символы. Как социолог, он стоял у начал “теории стратификации”, предвидя растворение классов в более мелких группах, и теории “социальной мобильности”, предвидя резкое увеличение вертикальных и горизонтальных перемещений в жизни цивилизации. Интересно, что одиннадцатилетний цикл кризисов капитализма был отмечен еще Марксом, которого Сорокин внимательно изучал. При жизни Маркса, в середине XIX века, в России создавался один из первых вариантов теории культурно-исторических типов Н. Данилевского, отсюда тянется социальный циклизм П. Сорокина, из синтеза русского и немецкого, что вообще характерно для новых русских философов. Но все то, что привлекает в русских писателях, и у Ф. Достоевского и у Л. Толстого, обнаруживается в теориях русских философов: социология морали, постоянное присутствие и поиск моральных основ в обществе, становящемся аморальным. Сорокин предпринял исследование морали в ходе европейской истории, естественно, с целью “моральной реконструкции человечества”. За проявленный глобализм и широкий взгляд на историю П. Сорокина на Западе

поставили в один ряд с К. Марксом, обвиняя в создании общесоциологической системной теории. Заметим, такова вообще участь динамических концепций: их обвиняют в неконкретности, нефункциональности, отсутствии сиюминутной прагматической пользы. Так было не только с П. Сорокиным, но уже маячит новый синтез: структурные и динамические исследования сливаются. Горизонтом слияния стало новое направление – междисциплинарный комплекс системогенетики.

Итоги

Подведем итоги. Наметившееся в современной философии противостояние объективного (от мира к человеку) и субъективного (от человека к миру) обнаруживает себя в двух ипостасях: одни пытаются раскрыть структуру мира, общества и человека, другие – его смысл и цели в развитии. Новое, стоящее у порога, – в слиянии. Почему мне хочется думать, что это должны сделать именно русские? В силу многократного объясненного интегративного, всеобщего и все-ленского, или, как говорили раньше, “СОБОРНОГО”, характера русской культуры. Интегративная функция России и открыта, и описана самими русскими – это редкий пример саморефлексии на уровне нации. Конечно, все не так просто и в евразийстве, и в разного рода мессианских российских претензиях. Но это – другая область, от философии весьма далекая. Понимая задачу, будем пробовать. И исходить из того, что все новое рождается в провинциях и умирает в столицах.

Мы находимся в такой ситуации, когда вынуждены ускоренно проходить все те этапы, которые нами не пройдены, болеть теми детскими болезнями, которыми человеческая мысль переболела. Но есть и иной путь – не повторять чужих ошибок, а опережать в мысли прошедшую и идущую историю, понять ее логику. Для этого сейчас сложилась уникальная ситуация и мы должны поставить себе подобную задачу. Это наш шанс в условиях глобального выбора. Системогенетика идет по этому пути и становится не только чисто научным комплексом,

но и ищет варианты новой глобальной морали. Такова, по крайней мере сейчас, ориентация ее лучших представителей, которая и делает это направление притягательным. Не только в научном и идеологическом, но и в нравственно-моральном аспекте. Мне думается, что ее интернационализм очень и очень русский, имеющий глубинные корни в интернационализме русской культуры. Это только нарождающийся аспект, о котором нам и хотелось поразмышлять в этой несколько публицистической статье.

Невыученный урок истории // "Акцент", 1994. № 6; "Акцент", 1994. № 7.

ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ

КУЛЬТУРА И БИЗНЕС

(Проблемы негосударственного образования в России)

В городе Тольятти в структуре АвтоВАЗбанка возник университет. И не только университет, но и многое другое. Поскольку это событие неординарное, меня попросили рассказать о том, как он возник. Но "информировать" читателя – это весьма скучное занятие. И для читателя и для автора. Я предпочел пойти от широкого контекста, дабы обозначить логику, генезис этого явления. То, что получилось в результате, напоминает скорее эссе, где личные впечатления и размышления соседствуют с прогнозами и теориями. Для газеты о культуре это более подходящий жанр.

Не знаю, кто как, но наше поколение выросло на Стругацких. Мы впитали их иллюзии, и эти иллюзии нас согревали. Мы проникали в их аллюзии, и это придавало нам значительности избранных – не всем доступно. Вместе с ними мы принимали идею двоемыслия: "трибуна профсоюзного собрания – это одно", а реальность – это совсем другое. С этим грузом каждый из нас взялся за то, за что взялся в послеперестроечное время. Мне довелось взяться за педагогику предпринимательства.

Новое образование в новых условиях

Если бы вам пришлось строить заново систему образования для такой отрасли как банковское дело и бизнес, с чего бы вы начали? Вполне вероятно, вы запаслись бы тем, чем располагает банк – деньгами, после чего занялись бы поисками самых наилучших преподавателей, дабы набить головы своих будущих студентов высококачественной информацией. И можно не сомневаться, что таким образом вы подготовили бы очень хороших преподавателей, научных работников и в лучшем случае интеллигентных людей. Но не банкиров или бизнесменов. Разумеется, банкиру и бизнесмену неплохо бы быть интеллигентным человеком, но это никак не поможет ему, чтобы выжить в условиях нашей необычной действительности: конкурировать, быстро реагировать на изменения экономической, правовой и политической ситуации и тому подобное.

Если проанализировать, кто в нашей стране организовывал лучшие коммерческие предприятия, то обнаружится удивительное явление: это были люди весьма далекие от экономической сферы. За редкими исключениями, которые подтверждают правило. Нанимали они профессионалов, но это уже совсем иное дело. Почему, спрашивается, врачи, инженеры-технологи или бывшие торговые работники а не промышленники оказались лучше подготовленными к работе в непредвиденных ситуациях? Видимо, дело не в профессии, а в том специфическом наборе личностных качеств, которые делают человека предпринимателем в любой сфере. Между реальной информацией, которую приходится перерабатывать современному предпринимателю, чтобы удержаться на плаву, и той информацией, которую может дать наилучшая система современного образования лежит непроходимая пропасть. Развитая интуиция, опыт и умение быстро обучаться – три этих качества есть непереносимое условие выживания предпринимателя в нашей стране. Примерно так же, как появлялись все более и более сложные виды животных в условиях борьбы за выживание, из предпринимателей выживают наиболее мобильные и гибкие. Тот набор приемов,

средств, знаний и установок, который есть у них в голове, нигде не описан. Ибо, чтобы описать, сначала надо остановиться, понять его, а затем перенести в педагогику.

Педагогика имитирует действительность и в своих целях имеет предуготовление человека к работе в реальности. Если выпускник не готов немедленно включиться в дело, сегодня это плохая педагогика. Вы можете сегодня обратиться к любой педагогической системе и вам скажут: заказывайте и все будет сделано – как закажете. Вот вам набор наших возможностей. И тут вас ждет глубокое разочарование: от вас требуется описать в деталях и показателях весь комплекс свойств нужного вам специалиста. Когда сороконожку заставили рассказать, как она ходит, она глубоко задумалась и не смогла больше сделать ни шагу. Примерно то же будет с предпринимателем, который круглосуточно работает и никогда не занимался осмыслением того, как он делает свой бизнес. А если он примется за эту работу, то обнаружит, что она посложнее, чем его непосредственная предпринимательская деятельность. Ибо, чтобы плавать, надо плыть, а чтобы осмыслить, как плаваешь, надо думать. Бизнесмены много думают, но их мысли связаны совсем с иными сферами.

Мышление в предпринимательской педагогике

Мыслители и мудрецы всегда предпочитали горы, тихие университетские городки или домики в лесу. Мыслить – значит перестать действовать. Мыслить можно только если действительность стабильна и не требует от тебя ежесекундной реакции на происходящее. Один американский менеджер от науки выразил этот идеал такой фразой: "Ученому нужен домик в лесу, чтобы рядом росла ель и на ели жила белка. И все это должно быть в двадцати минутах езды от ближайшей университетской библиотеки".

Недаром о мыслителях говорят, что они не от мира сего. Августин Блаженный развернул это в понятии двух градусов – градус земной, где человек

следует своим скорбным путем и не может видеть куда этот путь ведет; и град небесный, где сверху видно все от начала до конца. Работа мысли – это выход в этот "град небесный". Нужно посмотреть на происходящее сверху, одновременно увидеть и прошлое и настоящее и будущее из позиции вечного. Как у Пушкина: "Служенье муз не терпит суеты". Эти мир мысли и мир деятельности не пересекаются. Между тем деятельность такова, каковы мыслительные модели, стоящие за ней.

Большинство людей живет и действует без осмысления себя. Мы дышим и сердце наше бьется без наших команд, это условный рефлекс, автоматизм. Но оказывается, подавляющее большинство людей так жеавтоматически работает по другим "условным рефлексам" – по алгоритмам культуры. Культура записывается в мозгу человека в процессе педагогических воздействий. Очень большая часть культуры входит в человека вовсе не в педагогических специальных системах, а в процессе его жизни. Но это тоже культура. В большинстве случаев бизнесмену как раз и нужны исполнители, люди-роботы с отштампованной на них культурной нормативностью. Грубо говоря, исполнители. Они могут иметь разное качество. Чем выше исполнительность и умение ориентироваться в происходящих сложностях, тем выше ценится такой специалист. Очень желательно, чтобы выпускник "уже понюхал пороха", ибо "за одного битого двух небитых дают".

Между тем, страна исполнителей, не как реальность, а как идеологическое требование, уже была и мы в ней пожилы. То новое, что принесла предпринимательская революция – умение взять ответственность на себя. Здесь тоже два варианта. Быстрый рост посредников -перекупщиков большого ума не требовал. Нужно было "крутиться", а схема такой работы, кроме того, что она существовала со времен Диккенса, была апробирована нашими "теневиками". Разница состояла только в легализации этой работы, хотя количество препятствий от этой легализации не уменьшилось, а выросло. За одного битого после

перестройки можно давать десяток небитых теневиков доперестроечного периода. Второй вариант состоял в предпринимательском освоении таких совершенно невиданных сфер, как банки и биржи. Тут опыта не было ни у кого, за исключением тех единиц, которые и в застойные времена "крутили финансы". Правда, разница уже была колоссальная. Для создания коммерческого банка нужен был замысел, стратегия, команда. То есть, уже появилась необходимость думать, а не просто быстро ориентироваться в среде. Если принять эту модель для педагогики предпринимательства, то нужен специалист, умеющий мыслить и многократно битый. Битьего нужно не на тренажерах, а в реальности. И бить его нужно для того, чтобы он начал думать, что он делает и делать то, что думает.

Рефлексия, интеллигенция и культура

Для связки мыслительного и деятельностного миров есть только один способ. Это рефлексия. Представим себе, что вы идете по улице и одновременно с балкона видите, как вы идете по улице. Этот способ жить не преподается нигде в традиционной педагогике. Ибо непонятно как это делать. В КВН была такая шутка: все находчивые уже уехали, остались только веселые. В старом мире капитализма уже давно есть штампы: напористый предприниматель с неизменной сигарой в зубах, существо наглое и безмозглое и "яйцеголовый", которого можно нанять, чтобы тот за тебя подумал. Перед нами результат процесса, идущего давно: разделились функции. Первые же киты предпринимательства совмещали в себе ум и предприимчивость. Генри Форд был незаурядным мыслителем, конструктором, организатором производства и НОТовцем. Он выиграл в первую очередь на том, что грамотно выстроил замысел. Американская культура уже имеет свои традиции. Чтобы строить новую русскую предпринимательскую культуру, надо понять, в чем наша специфика.

Западная европо-американская культура деятельна. Бессмысленная социалистическая жажда деятельности ради деятельности описана у Платонова в

самой гротескной форме, например в "Котловане". Это муравьиная массовая психология, где деятельность есть, а активности личности уже нет. Деятельные американцы недаром гордятся своими вестернами, ибо герой вестерна – предприимчивый одиночка. Даже обаятельный Д'Артаньян от философских текстов своего друга Арамиса впадает в тоску и засыпает. Его суть как в вестерне – скакать, стрелять, колоть, спасать. Он предпочитает хорошо выпить, перекусить и по пути к подвигам соблазнить аппетитных красоток. Жизнь материальна и успех на этом свете превыше всего. В этом весь Запад.

Восточная культура требует относиться к текущей жизни с иронией и не принимать ее всерьез. Жизнь – испытание, смерть – благо. Россию история поместила посередине и русский народ непрерывно лихорадит: западническая жажда деятельности периодически сменяется на восточную мистическую задумчивость. Чужие истины всегда чужие. Мы никогда не станем героями вестернов, так же как никогда не станем йогами.

Интеллигенция есть орган рефлексии народа. В этом смысле весьма показательна эволюция таких мыслителей как Соловьев, Бердяев или братья Стругацкие. Последние ближе к нашему времени и пережили героический романтизм конца 50-х, разочарование конца 60-х и застойную омертвелость 70-х. Всесилие науки и прогрессизм интеллигенции были прихлопнуты Большой Чугунной Печатью совковой бюрократии: оставалось только искать вечные истины. Здесь прямая эволюция от западничества к восточной мистике. Первоначальная иллюзорная надежда на интеллигенцию у Стругацких завершилась ее бессилием, сайентизм обернулся демонизмом.

Время, лишённое рефлексии

У нашего времени еще нет своих Стругацких. Воистину страшно то время, которое некому осмыслить.

Утрачен навык? Или "время собирать камни – и время разбрасывать камни"? Или "нет пророка в своем отечестве"? Образование всегда опирается на ценности этого времени. Оно не может просто транслировать знания. Оно кого-то лепит. И системе образования надо понять – кого именно. Герои нашего времени не в романах, а на экранах телевизоров. С калейдоскопической быстротой меняются символы: защитники Белого Дома первого призыва и второго призыва антиподы, а срок, разделяющий их - всего два года.

Японцы обнаружили, что есть предел в смене моделей домашней техники: человек не успевает привыкнуть и полюбить одну модель телевизора, как уже вынужден приобретать лучшую. Но то телевизор, а у нас надо успеть перестроить всю систему ценностей вообще. Буквально вчера Руцкой был героем, спасавшим на самолете президента СССР и проявившим чудеса находчивости, а сегодня... У Бальзака есть ехидное замечание – когда прекратились наполеоновские войны, у тогдашней интеллигенции появилась долгожданная возможность об этом поговорить. Весь строй мыслей нашей интеллигенции сформирован на кухонном перемывании костей властям; как только наступило время действовать, она оказалась за бортом событий. Она утратила свою способность быть рефлексирующим органом народа, поскольку скорость смен превысила ее опыт. Кто-то подался в предпринимательство, но старый опыт пришлось выбросить на свалку. Эти поняли, что только звериное чутье, звериная сплоченность и звериная конкуренция дают шанс выкарабкаться в условиях "первоначального накопления капитала". Тонкие нюансы морального кодекса старой интеллигенции отягощают этот способ быть. В ситуации выбора человек выворачивается наизнанку. Он лишается зрения сверху. И это его проигрыш. Между тем после паники он понимает, что отменить рефлекссию нельзя: все чаще выигрывают те, кто выходит в "град небесный", имеет стратегию надолго. Чем сложнее сплетается клубок противоречий, тем меньше шансов выжить на одном зверином инстинкте.

Человека от животных отличает более широкий диапазон работы с будущим. Животные в своей памяти имеют прогноз развития множества стандартных ситуаций, это их безусловные рефлексы. Чем сложнее животное, тем больше у него "пространство предсказания будущего". Человек это пространство расширяет при помощи культуры: люди со своим опытом умирают, культура непрерывно живет и расширяется. Но человеку все сложнее воспринимать и переваривать достижения культуры. В критические моменты у него происходит отказ от культуры: он начинает выживать не по предшествующим моделям и стандартам, а за культурным пространством. При этом диапазон предвидения и конструирования будущего у него снижается до сиюминутных реакций на ситуацию. Ему некогда думать, что происходит, ему некогда просчитывать шаги на десять ходов вперед. Происходит отказ от культуры.

Отказ от культуры

Этот отказ от культуры приобретает характер эпидемии государственного масштаба: тончайший культурный слой сносит ураган, молниеносно уничтожается наука, деградирует педагогика, превращается в рыночную поделочность художественная культура. В киосках мирно соседствуют жесткая порнография и рафинированная философия Канта. Мексиканские сериалы порождают отечественные подражания. Количество иномарок на улицах Москвы превысило изделия ВАЗа. В двух соседних зданиях могут происходить презентация с ведрами икры и кормление по талонам собеса падающих от голода пенсионеров. Администрации городов и поселков лихорадочно латают дыры, перспективные программы становятся ругательством. В такие моменты человек лишается своего кардинального преимущества перед животными. И наоборот, все животное в человеке возводится на пьедестал. Наступает эпоха специфической культуры безобразного.

Герой Джека Лондона Мартин Иден около ста лет назад прославился философским эссе "Бог и Зверь". Он решал в принципе сходную с нашей проблему: кто человек, чего в нем больше – божественного ("град небесный") или звериного. Способен ли человек нести ответственность за будущее или он ограничится инстинктом. Происходящее как будто специально иллюстрирует звериную природу человека. Количество голых девиц и жестоких сцен на ярких суперобложках, на экранах, и уже в самой жизни превышает норму возможного. Звериное лицо конкурентного бизнеса тлеет остовами сожженных киосков и отдается перестрелками. Подобно средневековым рыцарям двери одеваются в железо. Умники едко шутят, что после рабства под знаменем КПСС переход к феодализму есть уже прогресс.

Рухнувшая великая империя похоронила под своими обломками старую экономику. Безрадостная картина происходящего не оставляет никаких надежд на выживание человека.

Прогноз развития и задачи педагогики

Но это видимость града земного – юдоли печалей по Августину. Отправимся наверх, чтобы посмотреть, чем же это все кончится. Россия вступает в эпоху своего расцвета. И перед нами начало Ренессанса Человека. Перелом наступит в районе 1996-7 года. Это не благое пожелание, а прогноз. Обосновывать его можно, но не нужно. Именно сегодня прогноз лучше преподносить в виде пророчества: общество не воспринимает рациональных аргументов. Как советовал Наполеон, сейчас с народом надо говорить коротко и неясно. Очень смешное время, когда рациональное вынуждено маскироваться под мистическое. Но тому же Наполеону принадлежит другое рефлексивное выражение: в войне я побеждал только тогда, когда просчитывал на много ходов вперед. Два этих выражения прекрасно связываются воедино и прямо соответствуют русскому высказыванию: мы думаем одно, говорим другое, а делаем третье. Очень трудно научиться

говорить хотя бы себе то, что действительно думаешь и делать то, что говоришь. Короткая эпоха двоевластия вроде как прошла, но эпоха двоемыслия, порожденного совковой действительностью так быстро не пройдет.

Педагогика без прогноза есть бессмыслица. Для эффективной работы необходима некоторая модель будущего состояния как общества в целом, так и той области, в которой мы собираемся осуществлять подготовку. Это не такая уж очевидная проблема, как может показаться при первом взгляде. Важно понять, что модель выпускника – это всегда и прогноз будущего. И наоборот: будущее таково, каковы ваши цели. Как писали те же Стругацкие

- скоро вы поймете, что нет одного и того же будущего для всех. В отличие от прошлого, хотя и с ним сложно (расхожее выражение: "Россия

- это страна с непредсказуемым прошлым"). Мы можем готовить людей для настоящего – и это одно и это просто, но мы можем готовить их и для будущего – и это совсем – совсем другая история.

Три типа взаимодействия бизнеса и культуры

Бизнес сегодняшнего времени акультурен и это закономерно. Конечно, сердца радуются, когда видные предприниматели появляются на выставках и выступают как меценаты в "Поле чудес". Но посиневшее лицо культуры на самом деле сводят конвульсии: финансовую петлю эти дары не ослабят. И бизнес тут совершенно ни при чем. Еще ни одно государство в истории не переходило от плановой экономики к рыночной. В памяти человечества нет способов выхода из этого состояния. Что может сделать бизнес для культуры?

Бытующий очевидный вариант: подкармливать. Это зрелище унижительное, а нам говорят, что так во всем мире. Вместо того, чтобы проверить, мы верим на слово. Но наши богачи еще не так богаты, чтобы спасти, например, фундаментальную науку. Они естественно используют меценатство как разновидность рекламы, формируют имидж просвещенных жертвователей.

Выигрывают те "деятели культуры", которые тоже имеет предпринимательскую струнку. Мне доводилось видеть школы, которые имеют техники больше, чем НИИ. Но рядом с ними есть прямо противоположные. И некоторые главные режиссеры строят такие дачи, что самим предпринимателям они не по карману. Этот вариант всегда заканчивается одинаково – где густо, где пусто. Все тот же звериный вариант "выживает сильнейший". Правда, не в культуре и творчестве. А в умении устраивать дела. Меценатство не сдерживает, а усугубляет деградацию культуры. «Ведь пряников сладких всегда не хватает на всех».

Вариант второй. Всяческие фонды, производящие инвестирование культуры и образования на основе конкурсов, где специалисты дают экспертную оценку. Уже лучше, но. Между этими фондами и творцами на Западе есть слой посредников, которые имеют и свой интерес и свою культуру вхождения в эти фонды. Один наш философ сказал, что социализм – это общество по определению более сложное, чем капитализм, поэтому мы жили вовсе не при социализме. Западное общество необычайно сложно для нас. Я поразился, когда узнал, сколько всяких фондов есть в США для того, чтобы гражданин этой страны мог заплатить за образование. Особенно мне понравилось общество по финансированию детей бывших пожарников. Хорошенько прокрутившись, юный американец может получить нужную сумму под свое образование из десятка разных фондов. А уж в областях науки и культуры их в сотни раз больше. Вот отсюда проблема посредника. Мы же истинные дикари в этой области: я бы дал деньги на культуру, говорит предприниматель, но меня за это обложат все тем же налогом. А спросите, откуда взялись западные фонды? Деньги, идущие на культуру, науку и образование не облагаются налогом. Когда Битлз поняли, что английская система налогообложения выкачивает из их доходов более 90 процентов прибыли, они открыли фирму Эппл, которая была самой настоящей дурашливой конторой "Рога и копыта". Она финансировала волшебников и прожекторов совершенно невиданного пошиба, но Битлз это нравилось: лучше тратить прибыль на такие

«приколы», чем отдавать ее неизвестно куда. Между тем знаменитые музеи современного искусства возникли в Америке тем же путем: Форд предпочел финансировать непонятных ему модернистов, чем платить налоги. Это совсем другая традиция, чем русская традиция Третьяковых и Морозовых, более цивилизованная. Чтобы ступить на этот путь, нам нужны как минимум образованные законодатели. Ибо только через образование протягивается ниточка в будущее.

Итак, третий и единственно долгосрочный вариант альянса культуры и бизнеса: образование. Когда АвтоВАЗбанк открыл Банк-колледж два года назад, он поступил практично: готовилась смена на рабочие места в банк. Когда АвтоВАЗбанк открыл в 1993 году детский сад, школу и университет, он поступил дальновидно. И оставил на долгие годы позади весь русский бизнес. Догнать его уже нельзя, поскольку "в науке нет королевских путей". Можно закупить сто лучших профессоров (что сомнительно), но из этого не возникнет организма университета. Организм должен вырасти, сформировать свои цели и начать жить. Накопление культуры через формирование собственной культурной элиты – это капитал более ценный, чем золото.

Новый университет

Существует масса обучающих систем, которые готовы сделать для предпринимателей все, по принципу "чего изволите". Чем же отличается университет внутри банка от таких систем? Все внешние системы готовят исполнителей ваших целей. Внутренние системы – формируют эти цели. Университет в банке есть и мыслительный и рефлексивный и обучающий деятельности орган живого организма банка. Университет не заменяет мозги самого банка, ибо банк живет в другой, рыночной и агрессивной реальности, а университет в идеальной педагогической действительности. Но выпуск за

выпуском университет будет переносить в реальность банка накопленную по крупицам культуру.

Университет – это губка, впитывающая культуру. Университет – это питательная среда для выращивания культуры, в том числе предпринимательской. Писатель Василий Аксенов, которому пришлось преподавать в западных университетах, констатирует, что там преподаватели есть прежде всего исследователи. И свежевypеченные результаты своих исследований они сразу преподносят студентам. То такому же принципу строится и наша система. Чтобы вырастить с самого начала хорошие саженцы, мы открыли школу и детский сад, причем все преподаватели там входят в те же кафедры университета. Единство идеологии, которого не было в других наших системах образования. И вокруг этого еще две составляющие: проектно – исследовательский Центр, где разрабатываются реальные программы инвестирования. Центр подготовки – для действующего персонала банка.

Новый университет только рождается. Мы знаем куда идти, мы делаем первые шаги. Это необыкновенно интересно. Интересно знать все, что изложено выше и многое из того, что не изложено, но есть между строк. По старой традиции, перешедшей к нам от Стругацких, многое осталось между строк. А традиции надо сохранять.

Н.Н. Александров, Ректор университета МАБи БД Тольятти

Понедельник начинается в субботу (Проблемы негосударственного образования в России. Культура и бизнес) // “Обозрение культуры”, 1994. № 1.

ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИСТЕМОГЕНЕТИКОМ

Н.Н. Александров, г. Тольятти-Нижний Новгород, 1994-2011.

Еще года два назад я не знал, что занимаюсь системогенетикой. Но все, что я писал, читал и говорил, как оказалось, имело отношение к этому новому научному направлению. Более того, я не подозревал, что у меня есть коллеги, которые мыслят и пишут в близком мне духе. Многих из них я знал по книгам, причем эти книги относились к самым разным областям знания. Но как говорил Аристотель, подобное тянется к подобному, и теперь я – системогенетик.

Когда мне было 16 лет, я вел юношеские дневники, в которых стихи сочетались с выписками и размышлениями о жизни. В этом возрасте люди очень часто "старчески мудры" – они толи ищут и проектируют свое жизненное предназначение, толи начинают осознавать его. Недавно, пересматривая эти пожелтевшие листки из школьной тетради, я нашел там программу всего пройденного пути и пути, который, дай Бог, пройти еще предстоит. Она умещалась на половине странички и представляла из себя восторженное прозрение человека, который открыл вдруг мировое искусство. Я писал, что корень всех искусств един и будущее – в их слиянии и синтезе, чем и стоит заниматься. То есть, если говорить системогенетически, я впервые для себя вышел на идею *эстетических инвариантов*.

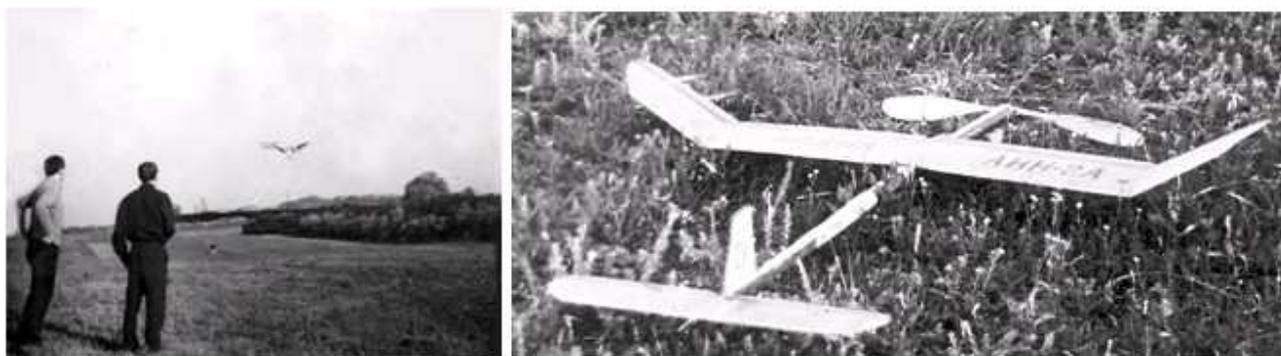
В нашем шахтерском поселке источником культуры была только библиотека, а вот телевизора у нас не было очень долго. Зато никто не воспитывал и не

говорил, что нужно получать образование – нормальные люди после школы шли работать «в шахту».

Наши. Прямиком из забоя.

Уже тогда мне было понятно, что природа заложила в меня слишком много всякого, а это обычно тяжело сказывается на судьбе, поскольку человеку с "одной, но пламенной страстью" все-таки легче. Меня же всегда мучила проблема выбора. Я занимался рисованием, живописью, писал стихи и прозу, строил авиамodelи, гиперболоиды инженера Гарина, электродвигатели и паровые турбины из консервных банок, обожал химические опыты и делал холодное оружие, а также вел археологические раскопки, поскольку любил еще и историю.

Первый полет резиномоторной модели АНН 2А.

Я был аномалией. Таким образом, в поисках себя я стал универсальным дилетантом (от итальянского – "*dileto*" – любить) в том самом смысле, в котором себя называл «дилетантом» А. Любищев.

Практически без сложностей я поступил в авиационный институт, где все было ровно наоборот моей прошлой жизни. Выжить в этом вузе было сложно, поскольку он входил в двадцатку базовых вузов СССР. Нагрузка была дикая, но удалось выжить. На втором курсе мне стало скучно, поскольку романтика куда-то из авиации улетучилась, а мне хотелось летать и строить свое. Тут мне подвернулся не менее аномальный авиаконструктор авиеток, как я теперь понимаю – гений-изобретатель и настоящий фанатик малой авиации.

Вместе с ним мы строили небольшой самолетик для рекорда дальности. В ходе этих работ я освоил множество профессий – от профессии токаря-слесаря до профессии Остапа Бендера. И мы полетели. Это было невероятно, фантастично.

Самолет ТИТ («Терпение и труд») конструкции Виктора Веретенникова.

Но скоро наша сказка кончилась: нами занялись соответствующие органы. Машину конфисковали, конструктора и меня из института «попросили». Я вскоре пошел в армию, а он тут же сел за чертежи автомобиля-самолета-подводной лодки. Уверен, он ее сделал.

Но перед армией у меня был самый любимый период моей жизни. Я жил в музеях, ночевал в парках, читал в летних библиотеках и жил на 30 руб. в месяц совершенным бездельником. За это время я изучил все, что было выставлено в Харькове а затем и в Москве во всех художественных музеях, я сидел перед одной картиной неделями, я растворяясь в ней. Этот полугодичный опыт эстетической медитации обогатил меня больше, чем все книги об искусстве, вместе взятые.

Бывший особняк И. Игнатищева (ныне Харьковский художественный музей), куда я ежедневно ходил как на работу.

Когда я шел в армию, у меня в рюкзаке был список наук, которые я должен изучить и "Похождения бравого солдата Швейка". Швейка у меня скоро украли, а все, что было в списке, я в армии таки изучил. Мне повезло, я был свободно вхож в библиотеку полка. В последний день перед дембилем я дочитывал двухсотый том из серии "Мировая литература" и только закрыв книгу, пошел на поезд.

В любимой библиотеке.

Потом я пошел учиться в художественно-промышленный институт, поскольку понял, что моя страсть к искусству, науке и технике одновременно может реализоваться только в дизайне. Но, видимо, я перечитал книг: уже на первом курсе я выставил 5 научных работ, на втором 12 и покатило. Я стал законченным теоретиком. Хотя и дизайнером-практиком продолжал быть тоже, это моя всегдашняя страсть. Но я дизайнер «структурный», а не артистический.

Любимый худпром, Харьков.

Вот как все это началось. Приведу одно наблюдение, сделанное еще на первом курсе на основе понятийного аппарата книги Г.В. Беды «Живопись». Оно было навеяно Третьяковской галереей и Пушкинским музеем, где я провел лучшие годы своей жизни. Меня там одно время даже показывали в качестве экспоната. Я обращусь для начала к первоисточнику – к старым студенческим запискам, которые были написаны в стенах третьяковки и пушкинского:

«В самом начале светской живописи в России (в ранних парсунах и светских портретах) присутствует очень жесткий – и по понятиям нынешнего времени «непрофессиональный» – тональный контраст. Очень темное на очень светлом – и наоборот».

«Классические работы живописцев середины девятнадцатого века равновесны, они имеют оптимальное соотношение контраста и нюанса».

«Поздние работы мирискусников почти лишены контрастов тона, зато беспредельно нюансированы».

Можно заметить, что сильный *контраст тона* (очень темное и очень светлое, в пределе – черно-белое) присущ началу такого цикла (да и любого другого тоже). Предельный тональный контраст как бы «душит» выразительные возможности цвета и «парализует» выразительность линии, лишая ее пластичности, и отсюда – геометрический характер изображения.

(Далее я воспользуюсь более поздним текстом, и сделаю тут вставку из 2011 года. Что касается контраста и нюанса, эти темы развиты в двух моих недавних публикациях на АТ:

КОНТРАСТ: Ослепительность будущего // »Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16228, 16.12.2010.

НЮАНС: Стагнация, или Декаданс // »Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16532, 28.05.2011)

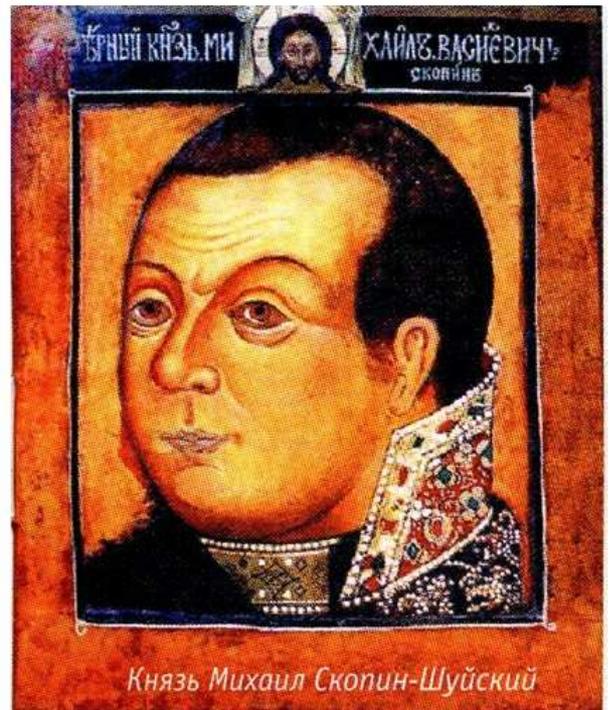
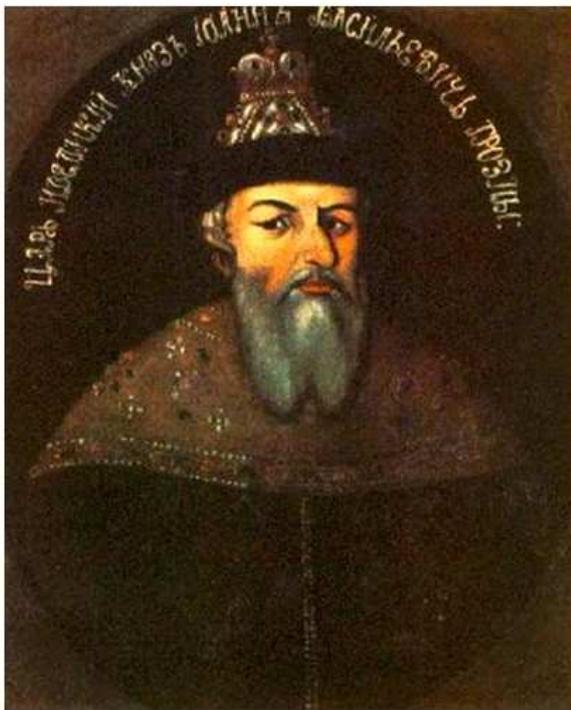
Средства живописного выражения – *тон, линия и цвет* – есть то основное, что создает форму в пространственных искусствах. Этот набор формальных составляющих можно связать в закономерность, которую мы для простоты изобразим треугольником. Любому рисующему (а все мы с детства рисуем) понятно, *как* они взаимосвязаны: одно средство усилишь – другие нужно, соответственно, ослабить. Чтобы добиться гармонии, нельзя заставлять «кричать» все средства одновременно, иначе вместо волшебных звуков возникнет какофония.

Вообще, если научиться понимать хотя бы папарное связываете этих средств, многое в истории пространственных искусств проясняется. Но это особый разговор.

Рассмотрим их связь с позиций циклического закона. Пройдем по циклу истории живописи от начала до завершения Нового времени.

Итак, на первом этапе в любом витке искусства перед нами – явная доминанта тональности, или «тональный этап». Он хорошо виден не только в «парсунах», но практически везде, во всех странах, в любых культурах. Этот этап репрезентативный, конструктивный и пропорционально основан на квадрате.

Тональный контраст (фигура и фон) есть самое сильное, что может существовать в визуальном поле, – об этом говорит и гештальтпсихология (Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Искусство, 1974).

Затем в искусстве наступает время доминирования *сильной линии*, при некотором ослаблении тона; при этом цвет все еще не становится важным средством, остается абстрактным и условным. Например, таковы мощные линии, контрастность и цветовая условность у Лосенко.

Такова же *конструкция изображения* у всех ранних романтиков, начиная с Ботичелли. В XX веке по этому пути шли Леже и поздний Матисс.

Назовем подобное доминирование «линейно-тональным этапом», существующим при неразвитом пока цвете (цвета у того же Лосенко – локальные). Этот этап содержит один-два контраста, т.е. тонально он уже более разнообразен, чем первые изображения.

В середине цикла все три компонента сгармонизированы и уравновешены. *И линия, и тон, и цвет* имеют равноправное значение в классической композиции. Это проявлено в живописи Возрождения как в целом, где есть и разнообразие проявлений: линейный Боттичелли, конструктивно-объемный Микеланджело, тональный Леонардо, пространственно-световой Рафаэль и пространственно-цветовой Тициан. Здесь в композиции можно насчитать от трех до пяти контрастов, в том числе цветовых.

С тем же успехом можно рассмотреть классический этап и во французской живописи (развитый классицизм), и в русской (передвижники) – то же разнообразие, та же уравновешенная тональность 3-8 тонов, тот же цветовой набор из четырех основных цветов.

Постепенно в качестве доминанты начинают выступать связка двух других средств. Это – линия и цвет, *цвет, обрамленный линией*. Тон, естественно, претерпевает ослабление контрастности до диапазона 4-7 тонов. Назовем это «линейно-цветовым этапом» в развитии пространственной композиции. В нем иногда применяется от пяти до семи контрастов, в том числе цветовых. В качестве примера можно привести многочисленные плафоны барокко и рококо.

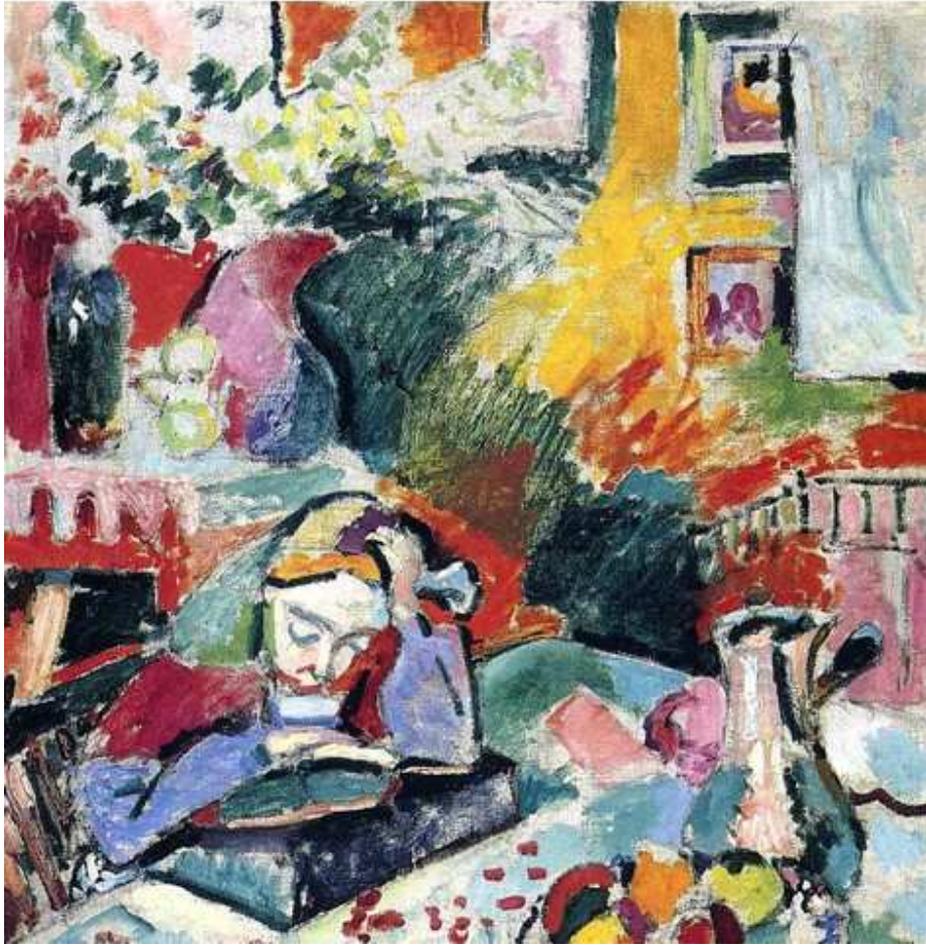

Данный процесс завершается потрясающим *царством цвета*, в котором нет ведущего сильного тонального контраста и исчезает (как главное выразительное средство) линия в чистом виде. Геометрическую линию скрывают и вуалируют, она мечется, становится очень сложной по траектории, гибкой и органической по форме, рассыпается на мазки и точки. Назовем это «цветовым, или чисто декоративным этапом» развития живописи, ибо цвет несет с собой предельно

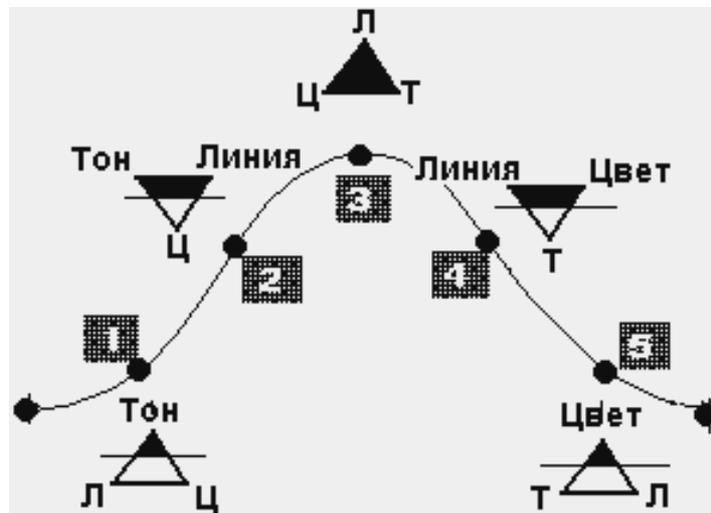
возможное эмоциональное воздействие. Количество применяемых цветовых контрастов здесь – от семи до двенадцати, и даже более.

Если мы теперь изобразим все это на схеме цикла, то увидим, что наш *треугольник формальных средств* как бы «поворачивается» на протяжении **одного цикла** истории живописи: в нем доминируют то одно, то два средства, и лишь в одной точке истории уравновешены все три средства.

Происходит этот условный *поворот треугольника формальных средств* (пространственных искусств) в каждом цикле истории с точностью хронометра. Перед нами – циклический пакет, закон целого, где сменяемость средств в их связке задана сценарием развития менталитета.

Треугольник взаимосвязанных формальных средств выражения на цикле.

Это наблюдение можно развить и по отношению большей сложности средств (четыре, пять и т.д.).

Но, во-первых, оно основывалось на чужой рефлексии средств живописи, к тому же весьма популярно и кратко изложенной. Курс формальной композиции, который нам преподавали в дизайнерском институте, сильно отличался от данного синтеза – усеченный набор упражнений все из тех же, 20-х, годов без специального анализа средств и их динамики в истории. И, в общем, хорошие книги Ю. Сомова добавляли к этому аппарату лишь надстроечную часть – композиционно-выразительную и функциональную. Теоретики модернизма тогда были запрещены даже к упоминанию.

Сама связка на обозначенных здесь пяти этапах происходит куда сложнее. Чтобы это понять, нужен набор индикаторов, определяющих сумму закономерностей со стороны цикла. Тогда прояснится (и мы затем это показали в монографии «Экзистенциальная системогенетика» / «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011), что закономерность падения тонального контраста имеет свой закон, а увеличение цветности – свой. Да и по поводу линейности речь идет о двух разных типах линейности (геометрические и природные).

Чего не хватает в данном наборе средств? Ссыпанные в один мешок, эти средства относятся к двум разным «пользователям»: к обществу и к человеку.

Аналитика Кандинского, Малевича, ВХУТЕМАСа и БАУХАУЗа раскрыли совокупность рационально-общественных средств: точка – линия – плоскость (фигуры) – объем (тела) – пространство. Но вот уже на теме «пространство» началась настоящая драка: Аркин был готов растерзать Моголь-Надя за мистическое «чувство пространства». А между тем венгр прав: это проявление – мистическое, а не аналитическое, субъектное, а не объектное. Как и тон, свет, цвет, фактура, текстура, передача времени и его выражение осуществляются за счет перемещения и ракурса. Итого: есть две группы формальных средств, объектные и субъектные. Они взаимодействуют на двух взаимосвязанных спиралях (по типу модели ДНК).

Итак, я понял это на каникулах. Это было настолько очевидно, что я стал искать описание этой закономерности в искусствоведческой литературе. Но литература молчала. Мои познания в формальных аспектах композиции тогда ограничивались книгой А. Беда о живописи и жидкими публикациями ВНИИТЭ. Чуть позже я узнал, что Беда был ученик ВХУТЕМАСа, сохранивший метод 20-х годов, а о самом методе этой школы узнаю все новое и новое по сей день.

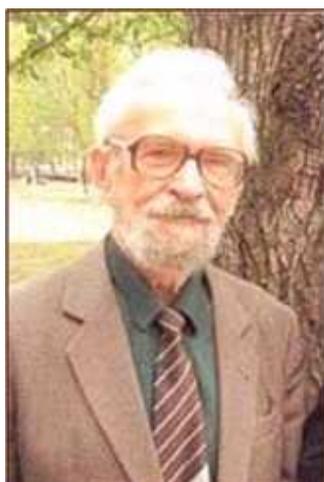
Впоследствии это построение стало выглядеть наивным анахронизмом, но оно натолкнуло меня на поиски. Потом были установлены гораздо более сложные связи, порождающие эту простую схему, но она и сейчас обладает в ряде случаев привлекательной простотой.

Далее пошло изучение формальных средств выражения разных школ в дизайне и в искусстве. Всякий раз, рассматривая категории композиции какой-либо школы в дизайне или в театре, я дополнял это раннее треугольное построение новыми компонентами. Скоро количество их превысило сотню и возник вопрос об иерархии и степени общности-подчиненности того или иного показателя. За простым понятием "линейности" обнаружилась пугающая терминологическая неопиcуемость, цветность не схватывалась без тональности и т.д. Появились порождающие и производные уровни, и эта система перестраивается всякий раз, когда удается обнаружить новое. Это и хорошо и плохо. Для машинной обработки индикаторов скорее плохо, но для педагогического процесса скорее хорошо (способствует постановке динамического интеллектуального гомеостаза по А.И. Субетто).

Придя на первый курс дизайнерского факультета в Харькове в 1976 году я был весьма своеобразно начитанным молодым человеком, все достоинства и недостатки самообразования сказались в этом. Во мне кипело желание объять необъятное в том, что я понимал под дизайном. Уже на первом курсе мои преподаватели поняли, что их опыт проектирования не может помочь им ответить на все вопросы, которые у меня возникали. Они отсылали меня в библиотеки, где я и проводил большую часть времени и иногда знакомили с уникальными людьми этого города. Моим любимым автором и тогда (и во многом сегодня) был В.Л. Глазычев. Я очень люблю его стиль и способ вбрасывания идей элегантными мазками. Этому стилю можно позавидовать и сегодня, но главное – Глазычев говорил нечто другое, чем обычные теоретики. Он априори мыслил себя как художник, периодически публикуя свои графические композиции. При всем

блеске его личности я понимал, что он не один и всех прочих можно вычислять по публикациям. Постепенно в этот круг вошли и Е. Розенблюм-теоретик и О. Генисаретский и И. Коник и К. Кантор. Но это была как бы одна грань – арт-устремления Сенежской студии. Кантор – это было что-то другое и в идеях Генисаретского слышался какой-то отзвук прошедших баталий. Очень простые поначалу мысли М. Федорова о деятельности в дизайне тоже имели непонятную подкладку. Я предпринял целое расследование издалека (ездить никогда не любил), чтобы понять корни: перерыл все сборники и серии ВНИИТЭ, находил косвенные источники и сборники из других городов. Но тогда – глухое умолчание. Только в 1990 году мне принесли два сборника ВНИИТЭ, где был ключ к отгадке. Это были "ядерные", те самые смысловые содержательные конструкты, из которых выросло все, с чем я имел дело как с отраженным светом. И в центре их стоял Г.П. Щедровицкий. Но вот что интересно, не имея источников и не общаясь, я всеми способами реконструировал их и ошибся мало. Более того, если бы я их имел, мне бы не повезло. Поскольку дойти самому или получить чужое сразу – разные вещи.

Путь реконструкции, по которому я шел, состоял в синтезе. Я синтезировал модели М. Федорова, В. Глазычева, потом в это поле попал Д. К. Джонс, потом А. Гастев. И наконец, я понял, что мои инварианты, универсальные алгоритмы и тому подобное попадают в некое, еще неясное для меня поле *теории деятельности*. В разряд материала для моделей теории дизайна попали и эстетики. Так я познакомился с *генетическими взглядами* минского эстетика-логика Н.И. Крюковского и минской школой дизайна О.В. Чернышова (кстати, его книга «Формальная композиция», вывешенная на моем сайте – рекордсмен по количеству запросов).

Д.ф.н. Н.И. Крюковский. К.ф.н. О.В. Чернышов. Минск.

Кто-то из них рассказал мне о горьковской школе Л.А. Зеленова и о сходстве моих идей с его работами. Я решил отправиться к автору, о котором уже многое знал из книг, в Горьковский инженерно-строительный институт (ГИСИ). Там я познакомился с Философским Клубом ГИСИ (Генерации Идей Совокупным Интеллектом).

Так родилось то, что теперь понимается мною как эстетическая системогенетика. Но на пути к ней мне пришлось много учиться – методам и принципам науки, технологиям исследований и проектирования и так далее. Очень существенной я считаю знакомство с теорией деятельности и ее представителями в науке.

В конце 50-х, начале 60-х годов в нашей стране появляется целый ряд научных школ, которые объединяло только одно слово "деятельность". Эти школы принадлежали как к области психологии, так и к социологии, многие претендовали на интегративность, но постепенно рамки частных наук становятся тесными для новой генерации исследователей. Они констатируют возникновение нового междисциплинарного научного комплекса, который получил название "теории деятельности". Эта констатация обозначена как в ряде работ, которые были опубликованы, так и в ряде работ, которые в неопубликованном виде оказали значительное воздействие на формирование нового типа исследований.

Например, работы М.С. Кагана (не считая более ранних работ психологической деятельностью школы) и его учеников, появились первыми, поскольку Моисей Самойлович был и во многом остается официальным лидером множества научных направлений.

Значительное воздействие на формирование моего мировоззрения в сфере теории деятельности произвели работы Философского клуба ГИСИ (ФК ГИСИ), ныне Общероссийской Академии Человековедения (ОАЧ) в Нижнем Новгороде. Главным идеологом и теоретиком этой школы остается доктор философии, проф. Л.А. Зеленев. Я постарался обобщить и синтезировать взгляды и модели клуба ФК ГИСИ в монографии «Звезда деятельности» (Н.Н. Александров, Звезда деятельности // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16510, 14.05.2011). Но, говорю сразу, мой синтез отличается в ряде принципиальных моментов от точки зрения и Зеленева и ГИСИ в целом. Это был ранний и интуитивный опыт системогенетического синтеза теорий деятельности. Он интересен тем, что начиная с этой обобщающей работы я открыл многозначную и "нумерологическую" логику и выработал свой набор алгоритмов теории.

Симпозиумы, проводимые ФК ГИСИ в мрачные застойные времена были "площадкой свободы", где представлялись самые разные взгляды на теорию деятельности и при всей выдержанности тенденции ФК ГИСИ в формировании тем симпозиумов, чужие взгляды не подавлялись и не игнорировались. Именно там мне довелось познакомиться с носителями очень разных теорий деятельности. А. Безмоздин, написавший блестящую работу по художественно-конструктивной деятельности и продолжавший традицию М.С. Кагана, мирно соседствовал с Л. Коганом, ориентированным скорее социологически-культурно. Взгляды Э. Маркаряна сталкивались со взглядами В. Степанова, и так далее. Вживе наблюдать эти полемики и принимать в них участие было крайне интересно. Это была развернутая энциклопедия по разным теориям деятельности, где каждая страница – человек. Причем, не все носители отчетливо выраженных взглядов на

теорию деятельности стремились публиковаться. Для меня осталась загадкой, почему один из самых ярких исследователей в этой области Рудольф Иванович Никифоров не опубликовал практически ничего, он даже не стал защищать диссертацию, в то время как общение с ним наставляло на путь истинный не один десяток диссертантов. Его взгляды на модель деятельности и на ее типологию были очень близки к взглядам ММК, что я теперь отчетливо понимаю. И формировались они в один и тот же момент времени в Горьком и в Москве. Этот человек был душой и полушарием мозга ФК ГИСИ, и он долгое время составлял удивительную пару с Л.А. Зеленовым.

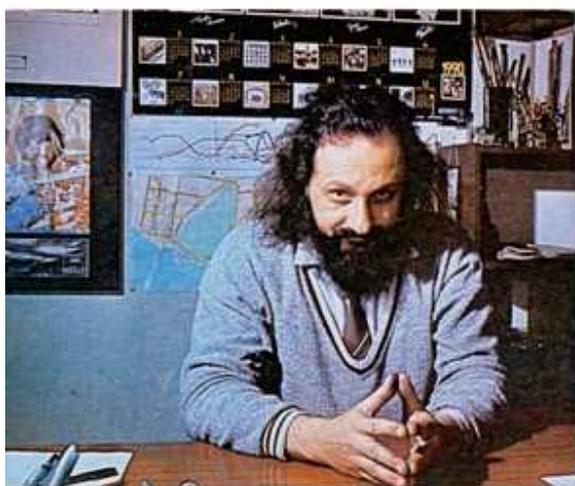

Лидеры клуба ГИСИ Л.А. Зеленов и Р.И. Никифоров.

Мое первое выступление на симпозиуме, 1982 г.

Середина шестидесятых годов в нашей стране – очень специфическое время. Оно оставило в науке такой след, который нам пока представляется неподъемным для осмысления. С одной стороны – социальные иллюзии, двигатель этого времени. Они были и у нас и за рубежом. С другой – возобновление "инструментальных" исследований в науке, которые очень поощрялись и в них еще не видели крамолы. Появление теории деятельности расценивалось партийными умниками как инструментальное направление. Тогда же попытались возродить

старую НОТ, опубликовали А.К. Гастева и кое-что из переводных работ. На этом же подъеме обратили внимание на дизайн, введя его по указанию сверху – небывалый в истории случай. Поскольку старая школа уже умерла и источники ее не раскопали до сих пор до конца, то новая школа дизайна создавалась во многом из воздуха. Е. Розенблюм вспоминал, что в дизайн шли скульпторы, артисты, архитекторы и даже певцы. Но оставались немногие, особенно когда мода схлынула. Вокруг дизайна было много полемики, скорее шумной, чем серьезной. Проблематика дизайна вытаскила на свет божий всеобщую проблематику эстетики, 60-е годы дали лучшие работы в этой области. Для дизайна придумали заумную "техническую эстетику", но что происходило на этом поле – нам предстоит обсудить подробнее.

Я – Главный художник города, 1990-е.

Я пишу все это вот почему – *проблемы дизайна* неожиданно стали тем полигоном, на котором могли реализоваться новые теории и взгляды. Я знаю по крайней мере три места в бывшем СССР, где на этом поле произошел свой синтез проблематики проектирования, теории деятельности и эстетики. Если брать широко, то это был новый инструментальный научный синтез. Одним из таких мест был ВНИИТЭ, второе место было в Горьком, это ФК ГИСИ, третье – в Минске, о нем мало кто знает вообще. Все три этих синтеза были разными.

Прежде всего, по основаниям, но важнее всего – что они разные телеологически – по исходным целям.

Поскольку я пишу от своего имени, то мне проще всего излагать материал генетически, реконструируя собственную историю. Как вы помните из начала и с теорией деятельности дело кончилось новым для меня теоретическим синтезом. Я синтезировал для себя модели ГИСИ и все предыдущие наработки по теории дизайна. И снова-таки, я не могу сказать, что являюсь учеником Зеленова или Крюковского. Мы несколько раз в жизни встречались и беседовали – это все. Их работы я внимательно читал, как и многие другие. Но я понимаю отличие себя от них – я повторяюсь, они – специалисты, я – универсальный дилетант и учусь "из любви к искусству".

На симпозиумах ГИСИ я встретил А.И. Субетто. Это отдельная история, но именно он ввел меня в мир системогенетиков. Но оказалось, что в мире системогенетики я уже давно нахожусь. Это было приятное открытие, на котором можно завершить генетическую статью о том, как я стал системогенетиком.

Н.Н. Александров и А.И. Субетто при основании Банк-колледжа.

Почему я стал системогенетиком // "Акцент", от 14-19 июня 1994 (с дополнениями 2011 года)

РЕЧЬ РЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА Н.Н. АЛЕКСАНДРОВА

на открытии нового учебного года

19.09.1994

Есть одно короткое японское стихотворение – танки:

О, осени приход, ты как вода,

Умоешься – и мысли обновились.

С самого детства мы знаем, как Пушкин любил это волшебное время обновления мыслей. Оглянитесь вокруг: деревья праздничны, свет прозрачен. Мысли отчетливы. Именно в такое время и нужно выбирать свои жизненные пути. В состоянии ясности и в окружении красоты. В этой осенней красоте много оттенков. Вот и в том, что я хочу сказать Вам, много оттенков и есть крупницы золота Истины.

Втайне многие преподаватели завидуют студентам. Они вспоминают свое студенчество как самое светлое время. И даже то, что казалось им тогда очень тяжелым, теперь вспоминается милым и приятным. Таково свойство нашей памяти: она покрывает золотистым налетом воспоминания молодости. Но стоит ли этому завидовать? В сказке Г.Х. Андерсена "Волшебные калоши" герой попадает в то самое время, которое считал прекрасным веком и в ужасе видит, что ничего особо хорошего там нет. Вместо мощеных дорог – грязные лужи, а вместо фонарей – одинокие чадящие факелы. Воспоминания обманчивы и прошлое не стоит приукрашивать.

Единственное, чему действительно стоит завидовать, так это тому, что студент стоит на дороге Ученика. И проходит он на этот Путь как в сказке – через испытания – и входит в волшебные ворота.

Студенты, Вы все встали на этот Путь сами. Ваш Путь в тумане, и как старший даю Вам несколько советов, чтобы не потеряли Пути.

Учитесь у своих учителей, но слушайте того учителя, который внутри вас – он лучший учитель.

Если учитель не учится сам, если он не продолжает стоять на Пути ученичества, он ничему не научит Вас. Зрячий да различит, но смотрите не умом, а сердцем. Учитель, который сам учится, понимает студента, имеет с ним много общего. Он тоже ученик, а все ученики – братья. Он говорит гибко и отвечает, подумав. Живая лоза гнется, пока она живая.

Учитель же, который не учится, – это высохшее дерево. Он и не учитель Вам, а педагог (почти обидное слово). Слова его звучат для Вас как удары по сухому стволу, глухо. Ветви его негнущиеся и ломкие, таковы же и его ответы на ваши вопросы. Он отвечает сразу и безапелляционно, потому что не думает, а знает. Научитесь различать и многое поймете.

Становясь на путь ученичества, говорите себе, что учиться надо до глубокой старости и даже до последнего вздоха. Потерявший любопытство в ученичестве – бесплоден. Не будет плодов на его дереве ни во времена студенчества, ни в последующей жизни.

Ушинский как-то сказал – сравнение есть основа всякого понимания и мышления. Сравнивайте – и поймете. Сравнивайте – и станете мыслить. Не для всех рассеется туман на их Пути. Но для тех, кто прозреет, мир засияет совсем другими цветами.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ

Александров Н.Н.

Доклад на Первой Международной конференции
"Системогенетика и учение о цикличности развития.
Их приложение в сфере образования и общественного интеллекта".

МЕТАТЕОРИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ

Нам необходимо достигнуть нашей главной цели – выработать систему представлений, позволяющую выстроить *концепцию системного генезиса общества*. Для этого мы употребляем специальную методологию, соединяющую совокупность принципов философии и системогенетики. Для этого мы установим связи, ведущие *от системогенетики к философии*. Это взаимоотображение задает нам дополнительные основания метода, позволяющего впоследствии выйти на анализ нашей темы.

Прежде чем приступить к изложению самой системогенетики как нового научного направления, укажем на особый ракурс, который мы используем применительно ко всем основным рассматриваемым аспектам. Это ракурс **метатеоретический**.

Метатеория – вершина всякой науки. Выход на “метатеорию” связан с применением некоторых общенаучных моделей по отношению к данной *сформированной теории*, поэтому соотношение метатеории к теории аналогично соотношению науковедения к конкретным наукам. Метатеоретическое построение приводит весь аппарат интересующей нас теории к универсальному виду, соответствующему одновременно всем наукам.

В метатеоретическом аспекте всякой науки, и системогенетики в частности, можно выделить такие разделы:

- **предметология** – учение *о предмете* данной науки;
- **системология** – учение *о системе предмета* данной науки;
- **методология** – учение *о методе* данной науки;

- **номология** – учение о системе законов данной науки;
- **терминология** – учение о категориях и терминах данной науки;
- **историология**, учение об истории исследования предмета данной науки;
- **праксеология**, учение о практических, прикладных ее аспектах;
- **семиология**, учение о семиотических образованиях данной науки (в том числе учение о ее графических средствах – **графология**).

Перечисленные разделы интересуют нас в ключевых, определяющих моментах, позволяющих достаточно последовательно обозреть **ядро общей системогенетики**.

Вначале мы обратимся к историологии – основным этапам становления системогенетики, где обнаруживается единство истоков философских, системных и генетических взглядов. Затем мы перейдем к системогенетическим понятиям, их системе, терминам и законам (включая понятие о системном мире и его эволюционных инвариантах, совокупности основных законов системогенетики и их сходстве с законами и понятиями философии и т.д.).

История становления основных идей системогенетики

Человечество должно было пройти довольно сложный путь развития ментальных представлений о времени и глобальном устройстве мира, чтобы в науке утвердился с одной стороны системный взгляд и с другой – дополняющий его эволюционный (интересующий нас в его циклическом проявлении). Принято считать, что осмысление системности и цикличности исторического развития восходит еще к первым древнегреческим историкам Геродоту и Фукидиду, впервые отметившим **повторяемость общественных явлений**. В частности, Фукидиду принадлежит одна из самых оригинальных идей относительно движущих сил истории: в качестве таковых он рассматривал как **рациональное**, так и **иррациональное** начала, признавая тем самым **биполярность оснований** истории. Следует отметить высокую степень идейной общности,

присутствовавшей в менталитете Древней Греции, где взгляды историков и философов представляли из себя нечто вполне целостное в ментальном смысле и хорошо связывались.

В истории науки классификационно-генетические работы появлялись всегда, и именно они составляют ее классику (достаточно вспомнить “Происхождение видов” Ч. Дарвина). Мы отдельно рассматриваем множество линий, группирующихся вокруг “идеи эволюции” в этот момент истории. К научным представлениям первой половины XIX века восходят и начала будущей *теории систем*. Как бы мы не относились к марксизму, но новый подход к познанию системности и генезису общества во многом был продемонстрирован в “Капитале” К. Маркса. Этой книгой и всем тем комплексом научных представлений, которые она сконцентрировала, было утверждено определенный новый взгляд, который можно назвать *протосистемным*. Целая плеяда “классических” ученых прошлого века продвигалась в направлении нового качественного перехода, который происходит на рубеже XIX-XX веков.

На переходе от прошлого века к нынешнему можно было наблюдать целую совокупность новых *системных и генетически ориентированных* теорий. Их взлет приходится на 20-30-е годы нашего века. Момент исторического перелома, как мы доказываем во второй части нашей работы, 1920 год, ознаменовался появлением двух *мировых центров пассионарности* – советской России и Германии. В недрах немецкой традиции родилась принципиально новая по содержанию работа О. Шпенглера, которую, по нашему убеждению, до сих пор так и не осмыслили ученые именно в силу ее *эссеистической формы* (системогенетическому разбору взглядов О. Шпенглера мы посвятили небольшой параграф в этой книге).

Зато тектологические взгляды А.А. Богданова, в значительной мере определившие весь комплекс последующих системных идей, стали учебником не только Пролеткульта, но и множества серьезных ученых всего мира. Сама “тектология” есть как бы отрицание философии через призму организованности

(*тектология как всеобщая организационная наука*), но по прошествию времени обнаружило себя и ее глубоко оригинальное философское методологическое начало. Это прежде всего *принцип системности мира*, провозглашенный в этой книге, и ряд идей, намного опередивших широко известный впоследствии “кибернетический подход”. Кроме того, А.А. Богданов в той же “Тектологии”, впервые выдвинул системную теорию кризисов (теорию системных кризисов). Следует отметить, что *теория кризисов*, вообще, имела большое значение для продвижения комплекса системогенетических и циклических идей (еще К. Маркс высказывал оригинальные мысли о периодических кризисах капитализма и даже ставил задачу математического моделирования этого явления).

Дальнейшее развитие эта концепция получила в учении о “длинных” экономических циклах конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. Интересу к ней способствовал известный мировой экономический кризис конца 20, начала 30-х годов, после которого на Западе появился ряд научных школ, ускоренно развивавших эти кондратьевские идеи.

Можно упомянуть и близкую по смыслу *теорию катастроф*, известную по концепции “эпидемических катастроф” А.Л. Чижевского. Он связывал периодичность очень многих важных для нас явлений на Земле с периодичностью деятельности Солнца и космическими ритмами. Еще раньше (1924) А.Л. Чижевский опубликовал фундаментальную и *системогенетическую по духу* работу “Физические факторы исторического процесса”, где заложил основы новой историометрии и выделил два уровня активных солнечных циклов, формирующих циклическую динамику исторического процесса. Мы используем их в нашей работе.

Становление комплекса системных и системно-генетических идей шло как бы параллельными путями в естественном комплексе наук, в философских и гуманитарных науках. Но основной была объективная ориентация, у того же А.Л.

Чижевского причины исторической динамики ищутся в естественных детерминантах. Аналогичными были установки в и гуманитарной сфере.

Так, *в психологии*, в 20-е годы XX века комплекс четко выраженных системных идей был развит П.К. Анохиным в *теории функциональных систем*. Его идеи, по содержанию близкие к богдановским, задают *системную основу психологии* 5. Достойна упоминания в этом плане также *концепция творческой эволюции* А. Бергсона. Она оказала несомненное влияние на современное естествознание – физику, и, в особенности, на теории времени. Идеи Бергсона представляет интерес и для нашей темы, поэтому мы специально разбираем его взгляды ниже.

В период между двумя мировыми войнами развернулись системные и классиологические исследования Л. фон Берталанфи, появились обобщающие естественнонаучные труды В.И. Вернадского; и работы по таксономии А.А. Любищева. Можно констатировать, что фоном большинства исследований этого периода выступает хайдеггеровский онтологизм, а сами исследования в интересующей нас области разворачиваются в плане универсального осознания системности мира.

В послевоенное время от широких идей А.А. Богданова (организованность) эстафета перешла к *кибернетике* (науке об управлении), где ее продолжили Н. Винер и фон Нейман. Популярность кибернетики в послевоенном мире способствовала формированию общих и прикладных теорий систем, концепции системного подхода. Буквально до начала 60-х развитие этой сферы идет по восходящей и определяет собой общую ментальность западной науки.

Что касается нашей страны, то в этот же плодотворный период происходит синтез системных и системогенетических идей, с одной стороны, с советским вариантом марксизма, а с другой (пройдя через эту же попытку) – с идеями структурализма, кибернетики и новых видов логики. Это происходит там, где идеология представляла такие возможности – под эгидой НОТовского движения,

под вывеской логических и лингвистических исследований, в теории дизайна и архитектуры и прочих явных научных нишах. От генетики и кибернетики, еще недавно “псевдонаук”, если не хуже, уже нельзя было просто так отмахнуться.

Сложные системные объекты и необходимость управления ими (например, в военной и космической отраслях) диктовали необходимость системных представлений и методов. В условиях гонки вооружений идеологическими заклинаниями обойтись было уже невозможно.

В общих чертах системная концепция сложилась к середине века. Различные версии *общей теории систем* предложили К. Боулдинг, М. Месарович, Л. фон Берталанфи и у нас А.И. Уемов, Ю.А. Урманцев. В это же время развивается *системология* (термин был введен в оборот В.Т. Куликом) – проблемно ориентированный научный комплекс, изучающий развитие систем. В.Т. Кулик, В.В. Дружинин и Д.С. Конторов, Г.П. Мельников, во многом параллельно со своими коллегами Дж. Клиром и Б.С. Флейшман предприняли попытку синтеза *системологии как междисциплинарной науки о системах*. Внутри системной парадигмы, в *системологии*, зародилась и интересующая нас *системогенетика* как *учение о динамике систем*. Она по-разному называлась в разных подходах и теориях и к своему современному общему виду пришла постепенно.

Генетические взгляды в науке (в синтезе с системными) переживали в нашем веке и подъемы, и спады. Драматически сложилась судьба советской генетики: это касалось не только генетических идей в науке о живом мире, но в той или иной мере затронуло весь генетический подход в целом. Мы подробно пишем о причинах этого явления в истории ниже.

Невзирая на временно воцарившееся в советской науке мракобесие лысенковщины, история все расставила на свои места уже в 60-е годы. Сегодня *теорию гомологических рядов* Н.И. Вавилова во всем мире ставят на один уровень с дарвиновской теорией естественного отбора и классификационными

работами К. Линнея, а деятельность тов. Лысенко изучают в разделе истории политических манипуляций.

Термин “*социальная генетика*” впервые ввел П.А. Сорокин в 1918 г., хотя само это направление и не было доведено Сорокиным до уровня развитого учения. Содержательно и фундаментально *теория социальной и экономической генетики* была осмыслена его другом Н.Д. Кондратьевым. Он опирался на свое учение о “длинных” экономических циклах конъюнктуры – “волнах Кондратьева”. К сожалению, судьба не дала ему возможности превратить свой грандиозный замысел в развитую науку, многое осталось только в набросках, но даже они значительно опережают наше время. Работы Н.Д. Кондратьева раннего периода нашли продолжение у таких зарубежных ученых, как И. Шумпетер, А. Алхиан, Р. Нельсон, С. Винтер, но вплоть до последнего времени эти авторы были мало известны в России.

Если вначале генетика ориентировалась преимущественно на изучение живых систем, то в 30-е годы произошла *экстраполяция генетических идей*. В это время у нас в стране были высказаны идеи о необходимости *биосоциальной генетики* (В.И. Ефремов). Генетическая идея проникла и в лингвистику (*лингвистическая генетика*), в язык, ставший предметом особого интереса философов и герменевтов. Мы отдельно рассматриваем и эту ветку, поскольку ее влияние представляется нам пока явно недооцененным.

В 60-е годы возродился (на новом витке хрущевской оттепели) генетический взгляд на экономику. Не очень много, но в этот момент заговорили и о генетических закономерностях общественного развития. В совершенно ином научном контексте возникло понятие “социогенетики” у Н.П. Дубинина. В Но “оттепель” быстро закончилась, и развитие генетических взглядов в “эпоху застоя” снова начали искусственно тормозить (хоть и не такими варварскими методами, как в сталинские времена, но вполне ощутимо). Между тем генетические идеи, как их ни пытаются спрятать, подобно шилу, в мешке, всегда

находят в науке новые сферы для своего развертывания и материал для применения.

Начала интенсивно развиваться *техногенетика*. В частности, в конце 70-х, начале 80-х годов Б.И. Кудрин, изучая проблемы техники, вводит понятие “*техноценоза*”, затем понятие “*популяции технических систем*” и обнаруживает *наличие информационного отбора в техноэволюции*. В теории Б.И. Кудрина получило развитие очень важное генетическое понятие “*вариаций*” (по отношению к популяции технических систем). Техническая генетика в конце 70-х годов дает ряд интересных инвариантных обобщений, например, в поле интересов исследователей попадают проблемы *взаимозаменяемости и размерного ряда машин*. Появляется *понятие оператора селекции* в технике, рассматривается *проект как генетический код техники*. Можно констатировать, что после появления классических работ в биологической и социальной генетике доминирование перешло в тот момент именно в эту новую область системогенетического знания. Самое важное состояло в том, что работы по техногенетике значительно расширили представления не только о специфике эволюции технического мира, но и о совокупности законов эволюции в целом.

Определенное оживление наблюдалось в 70-80-е годы в сфере *теории культуры*, где достаточно неожиданно заявил о себе книгой по *социодинамике культуры* А. Моль. Появились работы, развивающие оригинальные взгляды на цикличность искусства, в том числе – и у нас в стране. С начала 80-х годов начинает публиковаться В.М. Петров, который развивает идею существования циклов в искусстве, близких по масштабу к кондратьевским циклам. Во многом он основывается на теории Ю. Маслова, кроме того аналогичный взгляд с оригинальной трактовкой феномена цикличности в искусстве присутствует в популярной статье, оражающей взгляды Ю. Лотмана и Н. Николаенко. Примерно в это же время написаны все наши работы по циклам в искусстве, изданные спустя

десять лет. Это позволяет констатировать наличие определенной “тематической волны” в этот период именно в области *генетики культуры и искусства*.

Интересно отметить, что культурогенетика во многом подхватила и развила идеи о цикличности искусства и культуры, высказанные в России в начале века Ф.И. Шмитом. Само это обращение к началу века и 20-м годам (которые часто называют “модернизмом”) очень характерно для 70-80-х (“постмодернизм”). Мы этот феномен связываем с наличием полувековой цикличности и его специфическим механизмом.

В этом же направлении разворачиваются и некоторые другие современные системогенетические взгляды ученых. Э.Н. Елисеев в последние годы выпустил целую серию книг о *“потоке идей” в науке* и культуре. Его работы направлены на формирование оснований, на базе которых в этой сфере обеспечивается системогенез. Это сильная гипотеза генетического типа в области исследования общественного интеллекта, где рассматривается механизм развития науки и культуры.

Далее происходит постепенный поворот к человеку. В центр интересов попадают теории *биоритмологии*, медицинские аспекты связи ритмов космоса и здоровья. Эти темы начинают развиваться как в фундаментальной науке, так и в прикладной сфере, где появляется ряд популяризаторов этих направлений. В частности, появляются циклические работы по эстетотерапии.

На рубеже 80-х и 90-х годов заметны попытки выйти на уровень достаточно широких обобщений в области социогенеза как в фундаментальной науке, так и в прикладной. В ряду самых обсуждаемых работ этого периода можно назвать *концепцию циклической эволюции технологических укладов экономики* С.Ю. Глазьева (здесь были выдвинуты такие понятия, как “холодная экономика” и “горячая экономика” и т.д.).

В ходе этих поисков в самых разных сферах отшлифовывалось представление о системном генезисе и его разновидностях – системообразовании,

системоразвитии, системной эволюции. Системное движение проживает как бы *свой цикл саморефлексии*: в системной картине мира один за другим открываются *законы развития систем*. Ю.А. Урманцев и его группа развивают понятие “*эволюционики*” как научного направления, изучающего любые типы эволюции как *систему всех теорий эволюции*. Сейчас в этой сфере существуют как минимум три термина: “эволюционика” – в трактовке Ю.А. Урманцева и его школы, “теория системной эволюции” (выступающая как теория системной трансформации) в *концепции систем гибридного интеллекта* В.Ф. Венды, а также “эволюционная теория проектирования” Е.П. Балашова.

Сюда же, к саморефлексии системогенетики, во многом примыкают “общая теория гармонии систем” Э.М. Сороко и понятия о гармонии систем Ю.А. Урманцева. В этих теориях осмысливается механизм действия системогенетических законов через законы симметрии и квантовой организации. Мир предстает в них как поделенный на уровни и квантированный. *Понятие кванта в системном мире* теперь многообразно: это *кванты организации* И.В. Крутя и Э.М. Сороко, *системный квант* Э.М. Сороко, *квант действия* К.В. Судакова. Квантовые и генетические взгляды соединяются в концепции “*квантовой эволюции*” Дж. Г. Симсона. Р. Фостер и Д. Сахал применяют *понятие технологических пределов*; близкое по смыслу понятие формируют также В.И. Кузьмин и А.В. Жирмунский.

Если говорить о социальной философии и ее соотношении с системогенетикой и социальной генетикой, то можно сказать, что здесь обнаруживается ряд полностью совпадающих точек зрения. Особенно это касается циклических представлений, развиваемых в общей системогенетике и в социальной философии.

В определенном смысле циклическими являются все известные социально-исторические теории (этот вопрос мы исследуем специально). Укажем вкратце, что циклическими являются и *формационная теория* К. Маркса, и *культурологические теории типов* Н.Я. Данилевского, и *теория истории* (“*Вопрошаний и Ответов*”) А. Дж. Тойнби, и подход к социальному генезису П. Сорокина. Среди

современных циклических воззрений особо выделяется *теория этногенеза* Л.Н. Гумилева.

Говоря о философии и системогенетике, невозможно пройти мимо синтетических эволюционных взглядов ряда выдающихся ученых XX века, которые творили как бы “на перекрестке” многих наук. Это и всемирно известная ныне естественнонаучная, а точнее межнаучная, ноосферная (полисферная) теория В.И. Вернадского; именно она стала фундаментальной основой для этногенетической концепции Л.Н. Гумилева. В этом же ряду находится и “ось эволюции, осознавшая самую себя”, по Тейяру де Шардену; его взгляды мы также разбираем достаточно подробно.

Все эти работы и легли в основание такого развивающегося научного направления последнего времени, как *социогенетика*. Появился ряд публикаций А.И. Субетто и Ю.В. Яковца, где решается задача определения границ и специфики этой новой науки. Становится особенно заметно, что современная социальная философия и социогенетика обнаруживают множество зон пересечения, что заставляет системогенетиков осмысливать свои методы и понятия с философских позиций. В этом смысле мы выполняем специфическую рефлексивную работу по отношению к большинству изложенных линий. Даже само по себе удержание и упаковка компендиума знаний по этому направлению имеет смысл и значение, а попытка осознания тех или иных тенденций (даже если она не будет удачной) тем более представляется ценной для нашего этапа развития научного знания.

* * *

Итак, наш век стал веком расцвета системного и генетического движений и их объединения в единой представлении – системогенетику. Концептуальная база *системогенетики* была подготовлена работами А.А. Богданова, А.Д. Адо, Ю.Д. Амирова, Б.В. Ахлибинского, Е.П. Балашова, Н.П. Дубинина, В.И. Кудрина, В.П. Кузьмина, И.В. Крутя, Ю.И. Кулакова, И.С. Ладенко, В.П. Лозовского,

Е.З.Майминаса, А.И. Половинкина, А.И. Ракитова, Я.К. Ребане, Д.В. Рундквиста, М.И. Сетрова, Э.М. Сороко, А.И. Субетто, Ю.В. Яковца и других исследователей, которых мы не упоминаем только ввиду краткости нашего обзора. Не за горами время, когда будут детально рассмотрены все линии и течения в этом гигантском потоке, но пока мы только обозначаем его общие контуры и самые основные вехи.

Системогенетика как межпредметный научный комплекс пока еще только становится, хотя назвать ее юной уже нельзя. О ее зрелости свидетельствует хотя бы то, что внутри системогенетического подхода появился *собственный ряд понятий и терминов*, интегрирующих частнонаучные понятия и термины, выработан *свой ряд законов*. Это вполне серьезная заявка на новую науку, у которой есть и своя предметология, и своя методология, и свой понятийно-терминологический аппарат, и даже свои семиология и праксеология. Современный системогенетический подход в его лучших проявлениях нацелен на выделение уже не частных, а всеобщих, инвариантных моделей, распространяющихся и на абиотические, и на биотические системы, на проблемы социума и человека. У системогенетики появился первый Манифест, который получает постепенное развитие в процессе саморефлексии его автора.

Мы тоже предлагаем в рамках этой темы своеобразную рефлексию, но она у нас носит характер циклической группировки ранее рассмотренных тем. С позиций развиваемой нами в ряде статей и книг трехуровневой модели столетнего цикла можно отметить интересную *тенденцию в становлении* самих же **системогенетических идей**. Эта своеобразная рефлексия показывает, что перед нами прошло как минимум два 33-хлетних цикла со своей спецификой и начинается третий. То есть, речь идет о трех исторических циклах (1920-1953; 1953-1986; 1986-2020) различающихся прежде всего степенью общности в постановке вопросов.

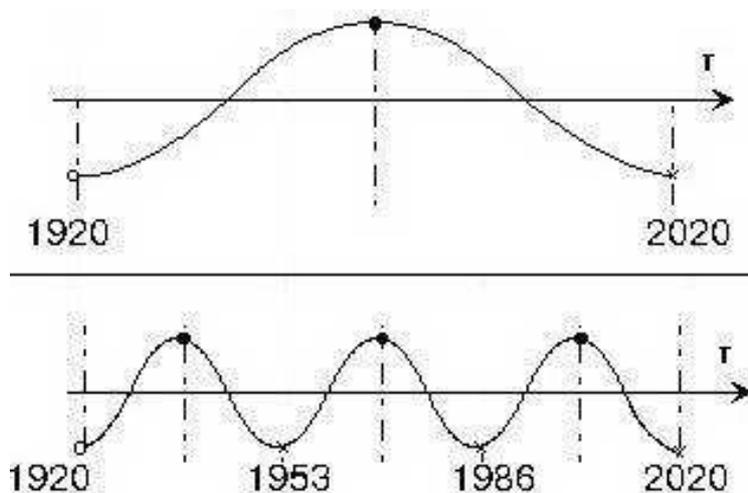

Рис. 1. Три цикла развития системогенетики в XX веке.

Движение идет от общего и интегрированного к частному и дифференцированному.

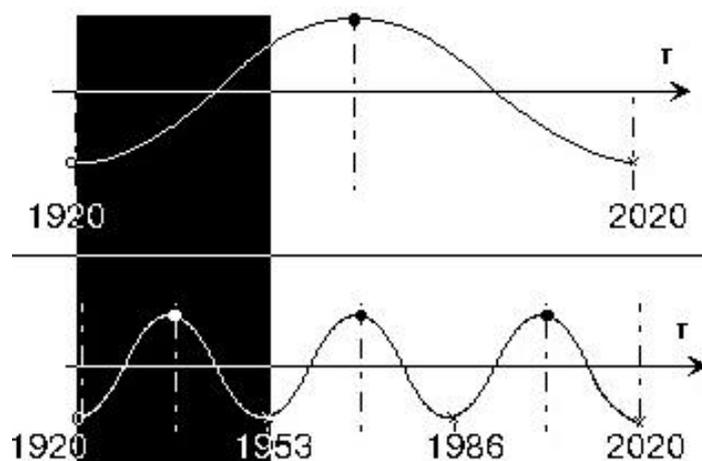

Рис. 2.

– в первом цикле (1920-1953) ставятся проблемы *предельного* философского уровня (Хайдеггер и т.д.), выдвигаются идеи *глобальные* (типа тектологии Богданова) или обобщающие целую отрасль или сферу знания (Чижевский, Кондратьев, Сорокин, Вавилов, Анохин, Винер);

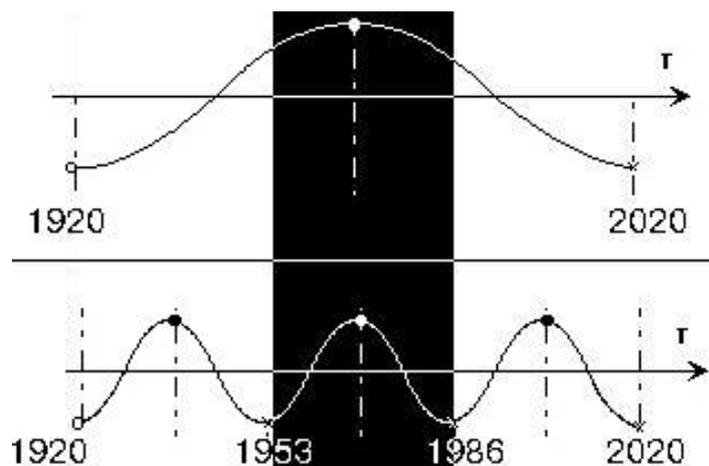

Рис. 3.

– во втором цикле (1953-1986) происходит вроде бы возврат к этим первоосновам, но уже с другой, скорее целостной (*рацио+иррацио*) точки зрения, учитывающей и всеобщий, и локально-прикладной аспекты (техногенез, культурогенез и т.д.);

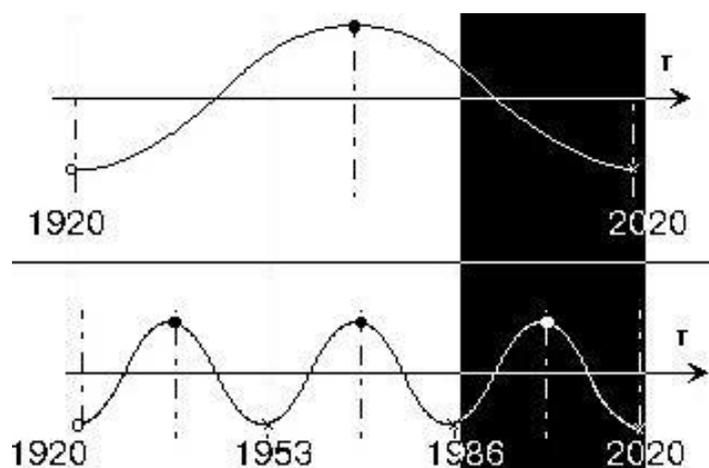

Рис. 4.

– в третьем цикле (1986-2020) происходит как бы подведение итогов (общая системогенетика) в области теоретического знания и осмысление сложных *инвариантных составляющих* этого знания (Сороко, Шмелев).

Появляется также как бы две противоположные тенденции – с одной стороны *глобальные утопии* (куда мы относим и теорию информационного общества), с другой – голый *инструментальный рационализм* (где ценны только средства и их прикладная эффективность). Основная ориентация западных исследований

находится в пределах ментальности нашего последнего цикла – преобладают попытки приспособить это знание для практики, развиваются узко-прикладные аспекты.

Такой цикл, в принципе, присущ всякому знанию вообще и системогенетика здесь не исключение. Точно так же в прошлом веке в аналогичный период времени Вл. Соловьев подвел итоги всей мировой философии, а Н. Федоров выдвинул глобальную утопию – “теория общего дела”, немецкие авторы подводили базис под свою мировую экспансию, а большевики искали в рациональном знании инструментальное политическое оружие и таки нашли его там.

Зафиксировав в истории системогенетики в нашем веке три цикла по 33 года, мы можем спуститься и уровнем ниже. Здесь мы будем иметь дело с тремя 11-летними циклами в пределах каждого 33-хлетнего цикла. Тенденция *логики развития* в этих трех микроциклах (по 11 лет) также развивалась в пределах *от всеобщего к особенному и к единичному*. Это позволяет дифференцировать историю еще детальнее.

В первом 33-хлетнем цикле эта логика вполне очевидна (от Богданова – к Анохину и многим другим, и далее – к Винеру: от всеобщих идей – к конкретным наукам – и одному общему аспекту).

В среднем цикле движение идет *от глобальных идей социогенетики и экономической генетики* в начале (Дубинин) к *частным генетикам* в середине (Кудрин, Петров) и *прикладной* тематике (типа биоритмологии) в конце. Хотя может быть здесь общая логика и не выражена столь же отчетливо, как в первом цикле, но она та же.

Видимо, такая же участь ожидает и наш начавшийся цикл: *предельные обобщения* Субетто, Сороко, Глазьева и т.д. постепенно меняются на более прагматичные "кризисологии" (например, в работах Яковца), и могут вскоре перейти в совершенно безликие прикладные методики.

* * *

В этой логике нам нужно определиться, чем может стать наша работа. Мы используем (в качестве обобщающих) работы А.И. Субетто; сейчас он один из самых цитируемых в этом направлении ученых. Если говорить о попытке обоснования новой научной парадигмы – **общей системогенетики**, то он первый, кто может на это претендовать хотя бы по объему опубликованных работ на эту тему: он не только последовательно обобщил, но и развил идеи предшественников. Но вместе с тем мы выработали свою методологию задолго до знакомства с его работами. Наша методология отличается по подходу от его способов работы с общим материалом; кроме того у нас есть различающиеся точки зрения на ряд общих проблем системогенетики и мы пишем о них в этой книге. Наша работа находится в иной предметной сфере, она соприкасается с системогенетикой, но не исчерпывается ею.

* * *

В этом кратком обзоре мы стремились показать в самых общих чертах, как в науке XX века была сформирована *системогенетика как общая теория преемственности и обновления в развитии систем*. Это был взгляд на нее как бы снаружи, из мира науки и истории, конечно не во всем его многообразии, ибо это – тема для другой книги. А теперь наша задача – попытаться раскрыть метод системогенетики изнутри, как мы его понимаем сегодня.

Это сопряжено с определенными трудностями, суть которых можно уяснить из исторического обзора: большинство “системогенетик” несет на себе отпечаток той или иной фазы развития самой идеологии системогенетики. Можно подразделить эти взгляды в наиболее крупных блоках на *коструктивные* тенденции начала 20-30 годов, *функциональные* подходы 50-70-х и *преимущественно инструментальные* тенденции нашего времени. Некоторые считают, что это вообще три разные системогенетики, но мы видим здесь явные фазы

одного и того же явления. Эта сложность требует от нас выхода за рамки самой системогенетики и взгляда на нее с позиций метатеории.

ПРЕДМЕТОЛОГИЯ

Предметология, терминология и методология системогенетики

Приступая к раскрытию основных положений системогенетики, следует отметить, что понятия, термины и методы системогенетики излагаются нами в нашей трактовке. Если мы не имеем намерения выходить на метатеоретические обобщения, то всегда будем говорить о той или иной “авторской системогенетике”, непременно связанной с определенной группой авторов и их позицией, имеющей точную временную маркировку. Мы же постараемся максимально уйти от противоречий разных школ и выделить некую общую **метаплатформу**. В силу заявленных условий, она может показаться обедненной, но это единственно возможный пока ход.

Предметология

Перечислим характерные *определения системогенетики*, из тех, что характеризуют ее в предельно общем виде.

1. Системогенетика – это новый интегративный комплекс в науке, ориентированный на выявление закономерностей наследования в системном мире.
2. Системогенетика – это инвариант системы законов преемственности и обновления в развитии, отражающий общее для разных областей научного знания;
3. Системогенетика – это внутреннее содержание эволюции, определяющее механизм ее движения.

В принципе, эти определения достаточны, но не в метатеоретическом ракурсе, поскольку они контекстуальны и нуждаются в ряде дополнительных определений. Причиной является то, что в самом термине “системогенетика” содержится характерная двоичность: системогенетика исследует как **системные**

инварианты, так и всеобщие *генетические* закономерности, но главное – их связанность. Поэтому мы будем подходить к общему определению по частям.

а) Системная парадигма и группа системных понятий

В основе исследования системных инвариантов лежит понятие “*система*”, которое имеет свое специальное определение в рамках общей системогенетики.

Все в мире может быть понято как система. *Системность* в философском освещении выглядит как определенный “срез” познания и объяснения бытия мира и человека через ведущую *катеорию системы (системная онтология)*. Мы должны зафиксировать понятия и определения из этой сферы, которые имеют отношение к системогенетике и исходят из ее метода. В ряде случаев такие обобщения носят предельный, почти философский характер, с применением аппарата диалектики.

Определения системы

Мы выяснили, в ходе методологического анализа, что можно получить совокупность усложняющихся определений на основе числового ряда (2-4), здесь речь пойдет об определениях системы.

Единица, или система как Монада

Категория системы сопряжена прежде всего с *категорией целостности*, присущей всякой Монаде. *Системность подразумевает целостность*, причем разного рода определения системы (скажем, телеологическое, через “цель”), в конечном итоге могут быть сведены к данному определению (“цель есть целое”). Такой подход задает *принцип системности мира* и любого его фрагмента как онтологический.

У истоков такого понимания стоял Аристотель с его *принципом целостности*, т.е. несводимости *качества целого* к качествам его частей. В

данном преломлении он звучит как *принцип системной целостности* и в общем определении системы это задает *квалитативный* ракурс.

Парное определение системы

В.Н. Садовский проанализировал более сотни определений понятия “система” в разных областях знания. Все они контекстуальны, и единого определения, как и в случае с понятием “информация”, получить пока не удастся. Но во всех этих определениях есть повторяющиеся характерные моменты: наличие в системе *элементов и их отношений, состава (компонентов) и структуры*. Отсюда следует самое онтологическое определение (): “*система есть единство состава и структуры*”. Оно принципиально статическое и позволяет выделить потенциально взаимодействующие стороны противоречия, откуда еще одно важное определение: *система есть структурированный состав*. Без дополнительного анализа, основываясь только на известных нам свойствах пары, мы можем рассмотреть три “иона” этой пары (они, кстати, встречаются в литературе).

В простейшем виде *структура и состав* могут быть отождествлены с информацией (Логос) и веществом (Сома). Но на самом деле, не переходя к иерархии, мы не сможем узнать, что “состав” принадлежит овеществленной Соме, а “структура” – информационному Логосу. Тем не менее, модификаций этой общей пары довольно много. В пределах эстетики и теории искусства это отражено в ведущей понятийной паре, описывающей эстетическое произведение (произведение искусства) – “*содержание и форма*”. Кстати, отсюда мы можем сделать весьма важный для нас вывод, что “содержание” в системном смысле в чем-то тождественно “структуре”, поэтому рассматривая *структуру менталитета* мы вместе с тем выявляем и его содержание. Тем не менее это не значит, что вместо “содержания” можно подставить “структуру”, как это нередко делают

структуралисты, это все-таки разные ракурсы и такая прямая замена неправомерна.

Парность в структуре и поведении систем

Эту тему мы раскрываем, опираясь преимущественно на взгляды работы А.И. Субетто. “**Структура**” осмысляется им через пару понятий *“изменчивость-устойчивость”*, действующих в нерасторжимом диалектическом единстве. Сама эта пара связывается с модусами времени *“будущее-прошлое”*. По нашим понятиям это – акт модификации парой, в результате которого возникает ***“структурная изменчивость”*** и ***“структурная устойчивость”***.

Механизм их совместной работы имеет следующий вид. Система “передает” в надсистему границы: это задает ее потенциал *изменчивости* (будущее). Потенциал изменчивости есть потенциал “преадаптации”. Будущее материализуется в форме накопления *потенциала преадаптации системы* к своей надсистеме в будущем. В подсистеме система “передает” потенциал *устойчивости*, который есть прошлое. “Время застывает в структуре” и отсюда – *структура системы есть накопитель прошлого времени*.

У структуры есть ряд важных свойств и признаков. Так, ***чем жестче структура, тем больше инвариантность системы***. И наоборот, чем менее жесткая структура, тем больше изменчивость в поведении системы.

Прошлое материализуется в разнообразных формах **стереотипизации**, в системной памяти, в поведенческих *нормах*. Например, первая сигнальная система человека содержит эволюционно апробированные образцы поведения в “стандартных” ситуациях, присущих среде Земли. Стереотипы присущи и культуре, мы не раз упоминали об аналогичной стереотипизирующей роли ритуалов и традиций.

Структура, определяющая взаимодействие подсистем на нескольких ярусах в процессуальном контексте, предстает как *механизм формирования нового качества целого*.

Используя наш методологический прием “пакета пар”, это положение Субетто мы можем расширять, условно говоря, до бесконечности. В качестве пар в этом пакете способны выступать все пары, скоординированные с парой “будущее-прошлое”, например, надсистема-подсистемы, информация-вещество, содержание-форма и т.д.

Таким образом можно протянуть ниточку к теории системных кризисов, например, проясняя суть социальных революций: всякая социальная революция есть *коренное изменение структуры системы* с целью увеличения в ней будущего, надсистемного измерения; само это изменение состоит в резком упрощении структуры, в котором содержание едва оформлено, а информация едва овеществлена. Это фаза новаций, проективности, разрушения стереотипов. В этот момент скорость социальных процессов (заполнение потенциальных “ячеек” структуры) максимальна, система предельно изменчива.

Обратным состоянием будет “застой”, который характеризуется прямо противоположным набором характеристик: стереотипизация, практически неподвижная, предельно усложненная структура с полностью заполненными ячейками, формальная и бессодержательная, намертво опутанная своим прошлым. Система устойчива, но сама эта ее устойчивость исторически иллюзорна.

По сути дела тот же ход по предельному расширению системной трактовки проделан в модели *биполярного универсума*. Такое предельное расширение дал в своих работах Э.М. Сороко, выдвинувший концепцию биполярного универсума, базирующуюся на фундаментальности принципа раздвоения единого. В его представлении *любая система есть пульсирующий биполярный осциллятор* и таков весь системный мир. Это, по сути, требует привлечения всего аппарата диалектики для трактовки системного мира, а по форме совпадает с **категорией**

Дао, о чем пишет и академик В.П. Казначеев. Мы исходим из тех же посылок и дополняем идею биполярного универсума рядом собственных шагов. Ниже мы будем говорить об этом подробнее, но пока отметим явное сходство между первым законом диалектики по Б.М. Кедрову и концепцией биполярного универсума Э.М. Сороко.

Интересно, что эта удвоенность может проявляться в любых системных проявлениях. Приведем ряд наиболее характерных примеров :

- “функционирование” и “развитие” в поведении систем (два типа поведения систем);
- лево-правополушарная асимметрия мозга человека (“функциональная асимметрия”, удвоение функций мозга),
- мужчина и женщина (половой **диморфизм** на популяционном уровне),
- “альтруисты” и “эгоисты” (поведенческая парность у индивидов в популяции),
- “потребительная стоимость” и “стоимость” (удвоение стоимости),
- Западная Культура с доминированием рационалистичности и Восточная Культура с доминированием иррационалистичности (культурный диморфизм).

Здесь можно проделать такой шаг, как дуальное представление биполярного универсума либо в одноуровневой глобальной иерархии, либо в иерархии иерархий (ведь по сути эта сумма примеров происходит отсюда).

Термин "диморфизм", универсально применяемый по отношению к этому набору пар А.И. Субетто, не кажется нам точным, поскольку “*морф*” связывается прежде всего с формой, оформленностью, а такие разновидности этого явления, как *функциональная асимметрия*, или удвоение категории стоимости – не морфологические. Мы предпочитаем говорить о разных видах **системной дополненности**. Большинство из них, действительно, связано весьма прямо: скажем, левое и правое полушария (морфология) выступают *функционально* как

“рацио” и “эмоцио”, как накопители онтогенеза и филогенеза, прошлого и будущего, как обеспечивающие нам развитие и функционирование и т.д. и т.п.

Вертикальная пара, создающая жизнь цикла системы – надсистема и подсистемы, создает и основания для рассмотрения ее в биполярности. Можно пойти как по пути предельного расширения этой парности, так и конкретизации проявлений вертикальной пары. На пути конкретизации вертикальной пары, при иерархическом взгляде, обнаруживается, что в каждой системе есть свои “пост-” (несущие в себе прошлое) и “футуро-” (несущие в себе будущее) элементы. Их наличие связано с парой “устойчивость-изменчивость” в поведении системы. Устойчивость “пост-” и изменчивость “футуро-” элементов обеспечивает пульсацию системы, она и создает *биполярную осцилляцию*. **Футуроэлементы** системы все время диагностируют среду и потом переводит ее в эволюционный пласт развития, **постэлементы** системы обеспечивают устойчивость. Но устойчивость может принимать и более высокую, эволюционную, характеристику – выступать *как устойчивость развития*, а не только устойчивость функционирования. Таким образом, две эти пары понятий, по А.И. Субетто, – пересекающиеся.

* * *

Из положения, что система обладает структурой, можно сформулировать также два противоположных подхода в отношении структуры. Это *спектр* – понятие, отражающее закономерности пульсирующего *разнообразия* внутри системы, и *структурная гармония системы*, говорящая нам скорее о способе ее организации (относительно некой *нормы*).

Начнем с понятия “*спектр*”. Мы уже неоднократно применяли это понятие в методологической части работы, доказывая, что *частотный спектр системы* может быть смоделирован на основе разных числовых моделей и является одним из наиболее универсальных способов отображения. Частотный спектр системы

отражает ее *подчиненность распределению* пространственных, временных и качественных характеристик системного мира.

Прежде всего постулируем, что понятие частотного спектра связано с понятием *жизненного цикла системы*, то есть – с волновым отображением. Сам *цикл* в этом ракурсе мы понимаем одновременно и как *акт системного классифицирования*.

Вертикальная пара, “порождающая жизнь” цикла – надсистема и подсистемы. Всякая система принимает на себя воздействия *надмира* и осуществляет их преобразование. Это преобразование происходит в форме классифицирования. Частотный спектр системы – это характеристика ее как “*фильтра*”, *осуществляющего это классифицирование*. В этом смысле **структура** системы есть классификационный оператор.

Каждая система характеризуется своим частотным спектром. Частотный спектр системы описывается **распределениями Мандельбротта-Лотки-Лоренца-Парето-Ципфа-Юла**. На это обращали внимание Ю.А. Шрейдер, Э.М. Сороко, Б.И. Кудрин. Это явление, по-видимому, настолько всеобщее, что и мы совершенно независимым образом пришли к закону распределения свойств через свои исследования в области искусства еще около десяти лет назад. Упомянув о спектре в предыдущих параграфах, мы говорили, что закон распределения в нашем варианте мы связали также с морфологическим строением системы (связь морфология-цикл). Простейшей формой такой связи является типологический квадрат, ромбовидно помещенный под циклом.

От системы к надмиру расположена *длиннопериодная часть спектра*, от системы к подмиру – *короткопериодная*. Мы будем говорить об обеих сторонах, вводя во второй главе специальные индикаторы, содержащие троичность. Такое понимание спектра задает нашу последующую трехуровневую методику: надсистемные циклы, системные циклы, подсистемные циклы, что есть в совокупности полный “спектр системы” в простейшем виде.

Теперь несколько слов о **структурной гармонии систем**.

Представление о структуре системы как о *свернутом времени* зафиксировано в геологическом принципе Стенона, в соответствии с которым **прошлое** геологическое время *идентифицируется по неоднородности* строения литосферы. Здесь и во многих других случаях **по гетеротопии системы восстанавливается ее гетерохрония**. Дальнейшим развитием этого положения являются известные представления С.В. Мейена о **темпофиксации** и **темпосепарации**, положение о *специализации времени* как выражении временных характеристик через пространственные, учение о циклитах в литомологии. Отметим только, что речь здесь идет о “ставших системах” или о ставшей части системы (таковы, например, “годовые кольца” на стволе дерева).

Таким образом, системогенетика использует (в качестве центрального) понятие “хронотоп”, где время и пространство взаимопереходят друг в друга и взаимоотображены. Это хорошо проявлено в искусстве (произведение искусства как “свернутое времяпространство”).

Структурная модель системы с этой стороны осмысливается нами через пакет понятий, располагающихся вокруг центрального понятия “симметрии”. Мы говорим о них и во временном (теория хроногармонии) и в пространственном виде (пропорции в структуре системы, пространственная гармония и т.п.).

Идея симметрии нашла свое выражение в упоминавшейся системе взглядов Э.М. Сороко о структурной гармонии систем. От понятия “мера” и “узловая линия мер” (Г. Гегель) Э.М. Сороко переходит к понятию *мерогенеза*, доказывая подчиненность гармонии систем рядам Фибоначчи. Мы согласны с ним в принципе, но предпочитаем различать три типа логик в области меры, центральная из которых – “органическая”. В несколько ином ключе Ю.А. Урманцев рассматривает идею симметрии в троичности, дополняя ее асимметрией и диссимметрией, что полностью совпадает с нашими взглядами. Мысль о том,

что диссимметрия (как сочетание симметричных и асимметричных начал) является основой жизни, высказывал еще В.И. Вернадский.

Пределы системного мира

Из рассмотренной ранее пары понятий “изменчивость-инвариантность” можно выстроить представления о пределах системной вертикали. **Изменчивость** дает рост динамики, а **инвариантность** выступает причиной замедления движения. *Чем больше цикл, тем больше инвариантность (устойчивость системы как сдвиг в сторону больших циклов), чем меньше цикл, тем скорость процессов в системе быстрее (изменчивость как сдвиг в сторону более коротких циклов).* Это можно считать одним из самых важных **индикаторов**, дающих представление о поведении систем, в том числе – это хороший индикатор для исследования интересующих нас социальных систем. На деле перед нами даже не один, а целая группа индикаторов и маркеров, целый пакет понятий вокруг одного смыслового стержня.

Доведем эту логику рассуждений до конца и получим **пределы системного мира**: это тоже своего рода биполярный универсум, и именно таким образом его нарисовал на обложке своей книги А.Л. Чижевский. *Пределы по вертикали системного мира: вверху все инвариантно самому себе, скорость равна нулю, время исчезает. Внизу исчезает преемственность, нет наследования, скорость течения процессов бесконечна – время тоже исчезает.* Отсюда следует, что *мир конечен*: есть самая малая и самая большая скорости изменений, есть предельно большая и предельно малая системы в системном мире. Именно парность задает нам в самом общем виде все мерные шкалы для наших индикаторов и маркеров.

Тройка в определении системы

Любое дополнение к этой паре будет задавать новый ракурс и превращать определение системы в трехчленное. При этом начинают работать все известные

нам свойства тройных моделей. *Три иона тройки* порождают три возможных варианта определений системы: вертикальную тройку, горизонтальную тройку и их комбинацию.

Например, в системогенетике сложилось следующее устойчивое определение: “Система есть единство элементов и структуры (совокупность элементов и отношений), определяющих целостность”. Это определение имеет формулу 2+1, то есть – “Монаду, вставленную между сторонами Дуады”. Здесь *пара* (компоненты и структура) просто соотнесена с *монадным свойством* (целостность), которое принадлежит системе как третьему. Как все вертикальные определения, оно статическое.

* * *

Как только мы переходим в чисто **вертикальное измерение**, то говорим о системной онтологии – ***иерархичности системного мира***. Возникает иерархическая модель “надсистема – система – подсистема” (в том же качестве в системогенетике используется модель “надмир – мир – подмир”, хотя она, вообще-то, немного “из другой оперы”).

При анализе *метаменталитета* мы обнаружили, что этот взгляд присутствует в нем, начиная с самых древних ментальных систем на Земле. Иное дело – его философское и особенно рациональное осознание и выделение, оно происходит медленно и только по мере приближения к нашему веку постепенно превращается в общенаучный принцип. Окончательное свое закрепление этот принцип получает именно в системогенетике, где системы, находящиеся на трех уровнях иерархии, обнаруживают отношения “**вложенности**” друг в друга. Можно сказать, что только сейчас в науке формируется особый “мир систем” – иерархизированный системный мир, где всякая система может быть рассмотрена ***имплицитно***, то есть вложенным образом. Впервые “вертикаль” вложенных систем (как компонент системной картины мира) использовал А.А. Богданов.

В методологии мы выделяем здесь два *различающихся аспекта*: *вложенность* систем и *иерархическое устройство*, сопутствующее вложенности. Системная онтология подчеркивает только вертикальность, мы же (относительно “вертикальной”, “горизонтальной” т.д. *ориентаций* вложенности и иерархичности) считаем, что они *равновозможны*: недаром китайцы использовали для понимания этого принципа вложенные *сферы*, то же говорят нам приводящиеся в этой книге модели из четырех и шести конусов, приводящие все к той же шаровой модели, но уже более сложной. Иное дело антропоморфная традиция восприятия осевой системы, которая связывает “вертикаль” с онтологической осью: в этом смысле сама “*вложенность по вертикали*” привязана к схеме осей плоского креста, а крест – к человеку. Модель важна для нас, поскольку лежит в основе менталитета.

Выделение “системы” в этом иерархическом (трехуровневом) вертикальном системном мире становится *актом системного познания*: чтобы выделить “систему”, нужно отделить ее в иерархии системного мира от “надсистемы” и “подсистемы”. Иерархия только маркирует три системы, выстроенные в вертикальном измерении, в целом *системная онтология* статична. Но кроме прямого взгляда есть еще и возможность взгляда из системы в подсистемный мир – *акт декомпозиции*, а также взгляд из системы в надсистемный мир, тоже имеющий свою специфику – он позволяет реконструировать структуру как закон связи компонентов.

В работе Г.П. Мельникова было введено в научный обиход понятие “**альтитуда**” (от греческого “*альт*” – высота, глубина и т.д.). Системо-генетическая альтитуда – это *количество всех системных надуровней и подуровней, включенных в исследование*. Предельно простой моделью для тройной альтитуды, трех миров, является известный ряд “**надсистема – система – подсистема**”. Но за уровнями “над” и “под” на самом деле может скрываться

сколь угодно много уровней вверх и вниз, например, мы уже приводили примеры пятиуровневой альтитуды (два уровня в “надсистеме” и два в “под”).

Системогенетическая альтитуда – богатое и емкое понятие, которое разворачивается в свой ряд сопутствующих приемов. Так, *акт декомпозиции* раскрывает *внутреннюю альтитуду*. Декомпозиция может производиться до того уровня, элементы которого являются носителями *закона функционирования* этой системы. Взгляд из системы в надсистему аналогичным образом открывает нам *внешнюю альтитуду* – набор надсистемных уровней, из которых определяется структура и функции системы.

* * *

Действие по связыванию пары (компоненты – структура) и получению *процессуирующего* третьего (система) приводит нас к целому букету возможных определений, которые имеют *комбинированный характер*. Это “модели-кентавры”, где либо на вертикальной модели задается неправомерная горизонтальность (условное “время”), либо наоборот, где к горизонтальной (временной последовательности) добавляются неправомерные в данном ракурсе онтологические свойства.

Этот момент, кстати, очень важен с точки зрения критики инструментального рационализма, который сам по себе онтологический (вертикальный), но *вынужден* скрепя сердце использовать понятие “псевдогенез”, понятие-кентавр первого рода. Обратное мы имеем, например, в историческом или циклическом анализе, где вдруг *фазовые типы* начинают онтологизироваться (связываться с надсистемой и подсистемой) – это *понятия-кентавры второго рода*, которые используем мы.

К *понятиям-кентаврам первого рода* принадлежит известное понятие *функции* и ряд других. Оставаясь в вертикальном измерении, мы в нем

акцентируем, что *третье*, обусловленное нашей иерархической вертикальной двойкой “состав и структура”, *процессуирует*.

Переложенная в горизонтальное измерение, *функция* выступает как, собственно, сама “жизнь” системы, как главная характеристика ее процессуальности, “поведения” (что само по себе уже содержит вертикальный, надсистемный взгляд на эту систему). В этом смысле *функция* есть проявление уникального *качества* системы, ее *целостности*, поскольку функция точно так же неизменна в цикле жизни системы (системном цикле, несущем цикле системы). Как ни парадоксально, “функция” в обоих измерениях остается “понятием-кентавром” и обнаруживает два смысла: в вертикальном мире – процессуальный, а в горизонтальном – иерархический.

Понятие “функции” (подменяющее на самом деле понятие системы и ее целостности) часто рассматривают в некотором ряду, позволяющем получить *три типа анализа системы*: компонентный, структурный, функциональный. Его же по частям рассматривают в двух парных отношениях: “функция и структура”, а также “функция и морфология”. Это задает два известных варианта системного анализа (функционально-структурный и функционально-морфологический).

* * *

Тройная модель может быть переведена в статико-динамический вариант: “два порождают третье”. *Надмир* и *подмир* здесь выступают как причинная пара, порождающая живущую систему, *мир* (третье).

Близкий ракурс отображен в гипотезе “двух наследственных потоков” или программ, идущих к системе “от будущего” и “от прошлого”. Слияние двух этих потоков демонстрирует структурно-генетическую модель, обладающую казуальностью и позволяющую перейти к циклической трактовке системы. Таким образом, сам “цикл” становится как бы формой синтеза этих двух иерархических потоков. Но это понимание, введенное в системогенетику А.И. Субетто, с нашей точки зрения является “трехуровневой склейкой”: в нем несколько логических

шагов представлены как один. С позиций диалектики он вводит “два начала”, но они не могут трактоваться как “потоки”: казуальные “начала” не обладают этим дополнительным свойством – “течь”, они онтологичны и потому статичны; иначе *жизнь* порожденного ими “третьего” *не будет обладать собственной динамической спецификой*. Поочередно переводя взгляд в надмир и подмир, мы обнаружим, что эти начала тоже являются живущими во времени и действующими системами (при этом нам нужно как минимум удерживать в поле зрения все три уровня). И только после этого, введя еще к тому же в качестве условия саму *возможность иерархического взаимодействия*, мы можем говорить о них, как о *потоках* с порождающей (программирующей систему) спецификой. Вспомнить об этом ряде дополнительных условий нас заставляет древневосточная модель, где совокупность трех потоков качественно обозначена примерно таким же образом, но эти три потока взаимодействуют иначе (равноправно).

Если говорить о связях и компонентах в пределах трехуровневой альтитуды, то можно предположить, что *из надсистемы* в систему приходит *закон связей между компонентами* системы, а *из подсистем* берутся сами ее компоненты. Закон связей – это закономерный таксон в некой непрерывно-дискретной последовательности надсистемы, генетическая разновидность надсистемных таксонов. Компоненты – актуально модифицированные элементы морфологии (например, прошлой, потенциальной системы). Таким образом, надсистемные связи есть то, что “наследуется из будущего”, а подсистемные компоненты есть то, что “наследуется системой из прошлого”. Это полностью совпадает по смыслу с тройкой *информация* (связи) – *энергия* (сама система, ее жизнь) – *вещество* (компоненты). Это дает нам возможность сконструировать альтитудное определение системы: **система, как настоящее, есть синтез, взаимопроникновение, “застывшая волна” между прошлым и будущим.**

Кстати, это приводит нас к интересному общему выводу: разум в смысле Логоса (надсистема) может опираться на любую наличную морфологию Сомы (подсистемы) – отсюда принципиальная возможность множества форм жизни.

Горизонтальная тройка или три типа

Определяя систему как “третье”, возникающее при взаимодействии двух иерархически противоположных начал, мы сочли, что ***всякая пара, порождающая третье, есть вертикальная пара*** (проявления надсистемы и подсистемы). Структура и состав системы трактуются нами именно таким образом.

Наличие трех типов здесь выражается как *обращение вертикальной иерархии на горизонталь*, в результате чего мы получаем три подсистемы с характерными свойствами. Применительно к ним вертикальная иерархия “опредмечивается” в **горизонтали**. В жизненном цикле системы возникают три подцикла, связанные с последовательным доминированием трех этих качественно разных подсистем. ***Первая фаза*** цикла (футуро-подсистема) качественно связано с влиянием альтитуды надсистемы, а ***последняя фаза*** (пост-подсистема) – с властью альтитуды подсистем. ***Средина*** обнаруживает собственно системное качество (эту же *гомеостатическую фазу* можно трактовать как момент, когда надсистемные и подсистемные влияния взаимоуравновешиваются). Средина, как можно понять, наиболее богата, поскольку в ней проявляется одновременно *как одно, так и другое влияние*. Это, кстати, и порождает ***четверку типов***: начало единично (надсистемное влияние), средина удвоена (и над-, и подсистемное влияние), окончание снова единично (подсистемное влияние). Это трехфазовое определение – горизонтальное.

Четверка в определении системы

Итак, наиболее распространенным и самым широким набором возможностей обладает модель на основе пары (система как биполярный осциллятор). За

ним следует тройка и мы только что рассмотрели три вида троичности: горизонтальную, вертикальную и “смешанную”. Там же обнаружилась и специфика четырех типов (раздвоение среднего на пару).

Системные “четверки” не прибавляют ничего нового, и это показательно. Если не считать уже упомянутых “**четыре типа анализа системы**” (по Л.А. Зеленову), в области содержания здесь практически нечего обсуждать.

* * *

Завершая обзор системных понятий, мы должны выделить одну их особенность, которая сразу не бросается в глаза, но тем не менее по-своему очень необычна. Выделяемая группа понятий, с одной стороны, *образует законченную систему*, а с другой – может разворачиваться достаточно произвольно и выводиться друг из друга *в любой последовательности*. От любого понятия можно перейти к любому, и из любого понятия можно вывести любое. Примером тому может служить ряд публикаций и лекционных циклов А.И. Субетто, где последовательность выведения понятий практически никогда не повторяется. Видимо, в этом и состоит особенность “*пакетных*” и “*сетевых*” понятий, по А.И. Ракитову, понятий-графов, по В.С. Тюхтину и понятий-волн (циклов), по А.И. Субетто.

б) Генетическая парадигма и группа генетических понятий

Особенностью системогенетики является концептуализация категорий “развитие” и “эволюция”. Но есть и более общее, родовое для них понятие “*генезис*”, связанное с многочисленными аспектами времени вообще.

В *генетической парадигме* существует своя совокупность связанных понятий. Они имеют длительную и сложную историю в интересующем нас ракурсе ментальных моделей времени. К генезису можно подходить с нескольких позиций, рассматривать его в самых разных ракурсах, и все они будут обогащать его – таков наш *многофокусный подход*.

ЦИКЛИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА

Начнем с того, что дает нам наша теория времени, основанная на моделях циклов. Если мы возьмем базовую **модель цилиндрического цикла**, то в ней есть важный момент, который требует особого рассмотрения – это момент исчерпания качества данного цикла и перехода к другому по качеству циклу. Здесь, на переходе, содержится точка, которая выражает собой *кризис в развитии*. На разных по уровням циклах она известна как ***точка кризиса, точка перелома, бифуркация*** и ***революция***.

Понятие о ***точке кризиса*** в развитии (что в некоторых формах графического отображения цикла связано с визуальным ***разрывом*** на схеме цикла) можно считать наиболее широким, поскольку оно относимо к любым типам и формам циклического развития. Точка кризиса есть точка во времени, в которой качество (мера) данного цикла исчерпано и оно скачкообразно меняется на иное качество (иную меру; связанную с предыдущей узловым линией мер). Кризис характеризуется резким “скачком” – это скачек качества, обычно сопровождаемый изменением структуры системы и ее компонентов.

В иерархической (вложенной) картине мира, которую рассматривает системогенетика, кризисы имеют уровневый характер. Мы также будем рассматривать в истории проявления ***резонансного наложения*** нескольких уровневых кризисов, которые в совокупности дают исключительно глубокие последствия (пакетный кризис). В трехуровневой модели общественного развития мы насчитываем девять подсистемных, три системных и один надсистемный кризис; две точки двойного резонансного наложения кризисов (подсистемных и системных) и одну точку тройного резонанса.

Понятие ***бифуркации*** (по смыслу термина – появление множества конкурирующих линий развития вместо одной доминирующей) дает возможность

трактовать момент кризиса в развитии, например, биологической системы видов. Но в определенном смысле его можно рассматривать и применительно к социуму.

При наиболее расширенном толковании представление о бифуркации позволяет выделять такой ракурс в кризисности развития, который, с нашей точки зрения, связан с наличием в развитии двух дополнительных спиралей: в момент окончания действия одной спирали и еще не включившегося действия другой (разрыва) проявляется действие ранее “скрытой”, *дополнительной спирали*. Существенно, что вызревание новой тенденции до выхода ее на поверхность в момент разрыва, происходит “внутри старого” цикла (например, феодальные отношения прорастают внутри рабовладения, буржуазия вызревает в недрах средневековья и затем становится его “могильщиком” и т.д.).

Революция – развитие, сопровождающееся *резким изменением скорости процессов*, и имеющее признаки, соответствующие *кризису* вообще (наличие скачка, коренное изменение организации; наличие кризиса, предшествующего этому скачку) и обнаруживающее определенный *уровневый разрыв преемственности* в развитии.

Единственный самостоятельный **признак** этого определения – *скачкообразная смена “скорости”*, о котором мы неоднократно говорим в книге. Связана ли она с характером процессов, протекающих в обществе, мы упоминали о системных причинах, но в целом – это вопрос, требующий более детального исследования. Важно, что в отличие от естественного мира, “скорость” в обществе измеряется только косвенными путями – это скорость изменения общественной структуры и отражаемое в ментальном мире “ускорение-замедление” (“время вперед!” и “эпоха застоя”).

* * *

Применение **конических моделей циклов** приводит к такой паре, как *эволюция* и *инволюция*. Объединяя их вместе по принципу дополненности, мы

получаем такое широкое понятие, как *импульс развития*. Описание отличительных признаков этой пары не так просто, как кажется поначалу.

Эволюция довольно часто определяется как процесс повышения различий, *дифференцировки*, рост системной дифференцированности. С нашей точки зрения здесь необходимо более точное определение, поскольку неясно, идет ли речь всего лишь *о дивергентном конусе*, например, биологическом этапе эволюции, или *об эволюции в целом*, которой всегда присуще повышение различий во все новых уровнях и системах, но только в конечном итоге. Мы хотим сказать, что употребление термина “эволюция” сегодня приобрело два значения: *в широком смысле* эволюция есть процесс, накрывающий все этапы развития (глобальная эволюция), *в узком* – этап дифференцировки, дивергирования (локальная эволюция), дополнительным к которому выступает этап интегрирования и конвергирования.

Инволюция – процесс сглаживания различий, *дедифференцировки*.

Инволюция в таком понимании описывает интегративные процессы, проявляемый в частности, в принципах "поли" и "гетеро", о которых речь ниже. Но, кстати, в этих терминах с тем же успехом можно говорить и о деградации системы, при которой также происходит потеря, сглаживание накопленных различий и интеграция.

Описанные процессы не только связаны с процессами *дифференциации и интеграции*, но и объясняются через них. Нам кажется, что здесь нужно ввести такое уточнение, как повышение или понижение *системной сложности объекта*, а не только повышение или понижение различий. Кроме того, эволюционно важным является ориентировка относительно границы системы, в паре "объект и среда".

На недостаточность подобного определения, особенно для социальной истории, указывал Л.И. Мечников. Как мы говорим в философской части работы, понятия *прогресса и регресса* (в системогенетическом ракурсе) дополняют вышеприведенные определения. Они имеют уровневый характер и только с

позиций альтитуды и могут быть оценены (например, *локальный регресс*). Но то же самое следует сказать и по поводу эволюции и инволюции: в целом Универсум эволюционирует, но на более низших уровнях можно постоянно наблюдать и локальные инволюционные процессы. Их связанность хорошо демонстрируется на модели спиральной дополненности. Интересно, что само *глобальное эволюционирование* как-то связано с теорией расширяющейся Вселенной, при этом вопрос – что будет происходить при ее сжатии, остается пока даже не поставленным в эволюционном ракурсе. Видимо, глобальная инволюция?

* * *

Применение процессов эволюции и инволюции, связанных **понятием импульса**, а также **исторической линией**, **генетической последовательностью ряда импульсов** позволяет нам расширить наши представления о кризисах, бифуркациях и революциях. Так, момент соединения, перехода расширяющейся и максимально дифференцированной эволюции живого мира в мир социальный (конвергирующий и интегрирующий, “сжимающийся”) не сопровождалось ничем особенным, кроме появления человека (антропогенез). Эволюционное доминирование перешло к социальным системам скорее всего плавно и проследить эти тенденции в целом можно на модели двух *вложенных дополнительных конусов*. Она, вообще-то, достаточно сложна.

Нечто совершенно иное должно обнаружиться в момент перехода доминирования от абиотического импульса (его последний этап – предельное конвергирование и интегрирование химической формы движения материи) к появлению живой материи. Эта точка нам необычайно важна хотя бы потому, что это – единственный эволюционный аналог этапа развития нашего ближайшего будущего, когда предельно конвергированное общество (социальная форма движения материи) приобретет максимально возможное ускорение, близкое к бесконечному. При этом должно родиться нечто абсолютно новое – новая, причем

внебиологическая форма движения материи, с качествами, превосходящими по сложности сверхорганизм общества. Мы живем в этом смысле в редчайший момент глобальной эволюции и “ожидать” второго такого момента придется необыкновенно долго – треть от момента возникновения первой живой клетки до нас.

Позволим себе попутно одну очень небольшую гипотезу на основе импульсов: абиотическая (физико-химическая) форма эволюции перешла в живое (био-социо). Во что перейдет эта форма, если использовать известный принцип дополнительности? Она вполне может перейти в доминирующую форму нового типа, обладающую *большой степенью сложности и организованности*, чем абиотический мир, живой мир и общество. Речь не идет о переходе эволюционного доминирования к техносу, хотя он уже сегодня превосходит человека по ряду существенных эволюционных показателей, и кроме того – технические системы являются единственными системами в этом мире, которые активно эволюционируют (см. техногенетику), в то время как абиоэволюция, биоэволюция и социальная эволюция более не порождают новых форм и видов (стабилизированы или гомеостатитизированы). Но не развивается в этих рамках имеющихся на Земле обществ и сам человек, хотя шанс его полного развития (всестороннего и гармоничного) в истории был. Новый эволюционный тип должен качественно отличаться от живого и от общества и может быть построен *в некотором роде* с повторением черт абиотических систем: поскольку попеременное доминирование присуще всему, то почему его не обратить и на глобальные импульсы?

ТИПЫ ГЕНЕЗИСА

Вопрос о типологии, видах, таксонах генезиса – один из самых многоаспектных. Начать, видимо, следует с самого высокого уровня типологии, о

котором только что шла речь. Сделаем это при помощи известных нам числовых моделей.

Единица дает нам саму “Монаду эволюционирующей Вселенной”. Это очень важное понятие, содержащее саму идею глобальной эволюции, которое часто недооценивается, но от которого начинается развитие этой идеи и остальных моделей.

Далее можно представить глобальный генезис как **двойку**, то есть, укрупненно как *два импульса*, обладающих *качественной дополнительностью* (грубо говоря “неживое-живое”): импульс на основе абиобических систем и импульс на основе биосистем.

В самом крупном плане можно выделить также **тройку** типов: *генезис неживого (абиосистемогенез, абиогенез), живого (биосистемогенез, биогенез) и социального (социосистемогенез, социогенез) миров.*

Двойка, раздваиваясь, выводит нас на **типологическую четверку глобального генезиса**: физическая эволюция, химическая эволюция, биоэволюция, социальная эволюция. Она обладает всеми свойствами “инвариантной типологической четверки”, где типы связаны и таксономически и генетически (по возникновению – последовательность и преемственность).

Идя вниз, мы можем дифференцировать четверку по известным нам числовым моделям, это внутренние подразделения типов, располагающиеся уже на конкусе; например, сюда относятся и этапы эволюции живого мира и пять видов социального генезиса (“пятичленка” формаций).

“Цивилизационный подход” в его предельном виде включает в себя несколько типов генезиса (типологически вопрос решается на структурном уровне и мы его поднимали). В его пределах можно обнаружить **парные** образования (натура и культура, естественное и искусственное, культура и техника, человек и общество и т.д.). При применении **троичных** моделей мы наблюдаем три такие составляющие в обществе, как культура, техника, человек. Если расширить это до

типов ресурсов, фондов “общечеловеческой цивилизации”, то это будет **четверка**: экофонд, генофонд (антропофонд), технофонд, социофонд (который в этом ракурсе по сути сводится к культурофонду). Но в другом ракурсе (когда мы рассматриваем организованности) социум и культура могут различаться и находиться в отношениях “часть-целое”. В таких же двойственных отношениях культурогенез находится с интеллектогенезом. Таким образом, в совокупности возникает некое множество специальных предметных генетик, связанных с нашей темой: **социогенез, культурогенез, техногенез, антропогенез, интеллектогенез**. Эти понятия взаимоувязаны между собой и выяснение способов их связанности имеет очень большое значение для нашей темы.

Но вообще *предметных генетик* может быть столько, сколько предметных областей мы сможем для себя вычленивать. Этот способ спецификации системогенеза связан с классиологией самой исследовательской деятельности и, кстати, он тоже имеет собственную генетическую составляющую, свою историю.

* * *

Применение понятия "**система**" дает нам свой набор разновидностей генезиса, который тоже проявляет себя в парах, тройках и четверке. Если мы будем исходить из определения системы как структурированного состава (), то можем выделить как *три типа* генезиса (*системогенезис, структурогенезис, генезис состава* системы), так и три связанные пары (иногда встречающиеся в литературе). Отсюда ряд определений.

Системогенез (эпигенез) – процесс наследования и эволюции систем и системообразования. **Структурогенез** есть формирование и развитие структуры систем. **Генезис состава системы** тоже в особых определениях не нуждается, но в чистом виде, в силу предельной абстрактности, фигурирует в литературе редко. Гораздо чаще используется такая особая разновидность состава, как

“морфология”. В рамках уровневой альтитуды мы рассматриваем *морфологию* как состав (уровень подсистем), а *конструкцию* – как способ связи элементов (компонентов) в систему.

Этот план – статический, если к нему добавляется элемент динамики (), то возникают “системные четверки”. Таким четвертым обычно выступает *функция*. *Функция* есть, собственно, сама жизнь системы, главная характеристика ее процессуальности, “поведения”. В принципе, можно говорить и о *функциогенезе*, хотя, как правило, его предпочитают рассматривать в паре "*морфология и функция*", где он приобретает несколько иной оттенок. При этом *морфогенез* (генезис морфологии системы рассматривается как процесс наследования и организации морфологической структуры, а *функциогенез* – как генезис функциональной структуры. Возникновение *функциональных инвариантов* в эволюции – результат многократно повторенного во многих циклах. Важнейшим результатом, который возникает в этом взаимодействии, является *полифункционализация морфологии и полиморфологизация функций*.

Если говорить о связях и компонентах в пределах трехуровневой альтитуды, то можно предположить, что *из надсистемы* в систему приходит *закон связей между компонентами* системы, а *из подсистем* берутся сами ее компоненты. Сам закон связей – это закономерный таксон в некой непрерывно-дискретной последовательности, генетическая разновидность. Компоненты – актуально модифицированные элементы морфологии (например, прошлой, потенциальной системы). Таким образом, надсистемные связи есть то, что наследуется из будущего, а подсистемные компоненты есть то, что наследуется из прошлого. Это полностью совпадает по смыслу с тройкой *информация* (связи) – *энергия* (сама система, ее жизнь, функционирование) – *вещество* (компоненты). Это дает нам к тому же возможность сконструировать еще одно альтитудное определение системы: система, как волновое настоящее, есть результат синтеза (взаимопроникновения) будущего и прошлого.

В пределах эстетики и теории искусства тот же набор понятий отражен в ведущей понятийной паре, описывающей эстетическое произведение (произведение искусства) – “содержание и форма”. Касается это и видов искусства, например, содержание (трехмерная модель) берется плоскостной живописью из вышестоящих скульптуры и архитектуры, а форма (линия, тон, цвет, фактура и т.п.) – из низлежащего декоративно-прикладного искусства.

Но вернемся к общим вопросам генезиса и попробуем организовать многообразие точек зрения на генезис простейшим способом. Объединим их в две группировки: *уровни генезиса* и *способы генезиса* и далее пойдем по пути простейших парных группировок. Начнем с вопроса об уровнях, отвечая на него системно через пары “целое-часть” и “внешнее-внутреннее”.

Пара “*целое и часть*” как системно-уровневая, выводит нас на такие всеобщие понятия, имеющие таксономический и вместе с тем генетический оттенок, как филогенез и онтогенез.

Филогенез – эволюция *вида* (типа) систем.

Онтогенез – жизненный цикл (происхождение и развитие) данной *особи* (отдельной системы).

В этом же ряду, если взять три уровня (или циклы системы), располагается и *эмбриогенез* – часть онтогенеза организма, раскрывающая формирование и развитие зародыша живой системы с момента зачатия и до рождения. Этот *протоцикл* тоже имеет достаточно всеобщий характер.

Обращаясь к приведенному уже определению системы, мы без труда можем интерпретировать и два таких понятия, как “*телогенез*” (“тело” – целостность) и “*телегенез*” (“теле” – цель). Телегенез во многом связан с телеогенезом, как *цель связана с целостностью* системы, хотя соотношение целостности и цели не сводится только к паре “целое – часть”, но зато явно содержит элементы системной иерархичности.

За *телогенезом*, как считает А.И. Субетто, стоит признание в эволюции и наследовании роли *активной адаптации*. Телогенез выступает как частный вид *системогенеза* по отношению к комплексам видов. Системогенез универсален – это процесс наследования в эволюции систем и системообразования (формирования систем как целого).

Достаточно специфическим на первый взгляд выглядит такое понятие, как “*телегенез*” (*генезис с целью, под цель*). Так, в качестве механизмов, реализующих *закон специализации*, выступают сразу два закона – закон *телеогенеза новых свойств* и *закон актуализации функций* в системе, сформулированный впервые М.И. Сетровым как *категория организованности*. Поэтому продолжением его можно считать *функциогенез* (развивающий линию *от цели к функции* и далее *от функции к структуре*).

Если выстроить в последовательность *системогенез, телеогенез и телегенез*, то между ними можно увидеть отношения общего, особенного и единичного (именно по отношению к качеству, как его уровни). В этом же развивающемся ряду можно рассматривать важные проектные связки “целое – цель – функция – структура – состав” и “качество – цель – функция – конструкция – форма”.

По отношению к системным уровням построена и такая пара как “*внешнее-внутреннее*”. Ракурс доминирования, акцентирования сторон этой пары отражается в такой связанной паре, как “*мерогенез-гологенез*”.

Мерогенез – в понимании А.А. Любищева (биологическая систематика), есть *изолированное развитие*. Это означает развитие в пределах некоторой постоянной “системной ниши” (например, экологической, ниши экосистемы). Освоение этой ниши происходит “*изнутри*”.

Гологенез – напротив, есть эволюция (наследование) в комплексах видов, то есть “*извне*”.

Мерогенез в понимании Э.М. Сороко, – это генезис систем, в котором *в качестве ведущего показателя* вычленяется *мера*. В этом ракурсе рассматривается

изменение самой этой меры в процессе эволюции систем. Этот взгляд следует признать наиболее приближенным к уровню философского анализа генезиса систем, да и само *понятие меры* у Э.М. Сороко является достаточно многоаспектным и развернутым (этому посвящена его докторская диссертация). Но если говорить в общем плане и в пределах выделенной пары, то по смыслу это понятие совпадает с любичевским – это генезис в пределах меры.

Относительно **способах генезиса**, на вопрос **как происходит генезис**, отвечает несколько концепций, обеспеченных своими ракурсными парами и вместе с тем взаимосвязанных (они говорят одно и то же, но с разных сторон). Кстати, способы генезиса явно связаны с предыдущими парами, исходящими из уровневого понимания генезиса.

Пара "**конкуренция-кооперация**" в переводе на язык генезиса становится парой "**селектогенез-адаптиогенез**".

Селектогенез – эволюция на основе конкуренции и естественного отбора.

Адаптиогенез (телогенез) – подчеркивает кооперативные свойства адаптации.

Пара "**закономерность и случайность**", переложенная на язык генезиса, преобразуется в пару **тихогенез-номогенез**.

Тихогенез. Модель эволюции, основанная на непредвиденных мутациях, *случайностях*.

Номогенез основан на признании в наследственности специфических *законов* развития и отсюда – ограниченности формообразования.

Понятие “номогенез” родилось в биологической науке, условно говоря, в антидарвинизме. Если у Ч. Дарвина ведущим фактором развития видов был “отбор”, то в теориях номогенеза в эволюции главенствует “закон”. Суть номогенетических теорий такова: *развитие не носит стихийного характера, оно канализировано*, оно всегда находится в определенном русле (не разливная стихийная река, а *канал*). Переживая второе рождение в многочисленных частных

генетиках, идея номогенеза сегодня входит в состав пакета основных идей общей системогенетики.

Мы исходим из типологической связанности этой **четверки понятий**. Кроме того, мы относим эти две пары к фазам цикла (*кооперированное и закономерность* на начальном этапе и *конкуренция и случайность* на последнем этапе; а в середине цикла – и то, и другое, равенство этих тенденций).

Причинность и *обусловленность* генезиса, хоть и кажутся близкими понятиями, но на деле дают два отличающихся ракурса и две пары.

Ортогенез-эндогенез. Ракурс – казуальность, причинность генеза.

Ортогенез – направленная наследственность, направленное прямолинейное развитие (*причинность извне*).

Автогенез или *эндогенез* – доминирование в наследственности *внутренних* факторов развития (*причинность изнутри*).

Эктогенез-телегенез. Ракурс – где источник управляемости.

Эктогенез (селектогенез) – доминирование в наследственности *внешних* факторов развития. *Обусловленность генезиса извне*.

Телегенез – признание в эволюции и наследственности роли активной адаптации (*адаптациогенез*). Здесь можно выделить (относительно иерархии систем) *восходящую и нисходящую* адаптации, например, функциональную. *Обусловленность генезиса изнутри*.

Различие между адаптогенезом (телогенезом) и автогенезом (эндогенезом), различие между селектогенезом (эктогенезом) и ортогенезом (направленная наследственность) состоит именно в отмеченных ракурсах (выбор доминанты, причинность, управляемость), которые существенны, видимо, для специалистов по биоэволюции.

Если располагать все эти выделенные **парные понятия** на цикле, то все они идеально привязываются к циклу, как тенденции. Это дает нам возможность **использовать их в качестве индикаторов**, описывающих развитие любых

систем в указанных ракурсах. Мы этой возможностью воспользуемся, но в соответствии со спецификой нашего предмета сами понятия нам придется несколько трансформировать. Системогенетика – это особое поле, где возможен такой переход понятий из одной науки в другую и перевод их в сферу межнаучных инвариантов.

Все эти типы явно образуют интересующие нас *пары, тройки и четверки*. Но вопрос с их более полным упорядочением с нашей точки зрения остается открытым – мы попробовали связать их неким единством только по блокам. Некоторые типы генезиса попадают в ряд пар, что требует уточнения в трактовке их специфики хотя бы по названиям.

* * *

Если попробовать обобщить все эти типы (может быть грубо, примитивно, с дикой редукцией, но обобщить), то они способны группироваться всего вокруг трех связанных понятийных образований: это

1. иерархия;
2. производная от нее пара “внешнее-внутреннее” (в векторах – “извне внутрь – изнутри наружу”);
3. пара *крайних типов поведения систем* “центростремительное-центробежное” (что связано с предыдущим).

Чисто иерархическая пара вообще одна – “онтогенез-филогенез”. Добавляя к ней “системогенез” мы имеем условную тройку.

А теперь сделаем операцию превращения двух пар оснований (2 и 3) в типологическую четверку:

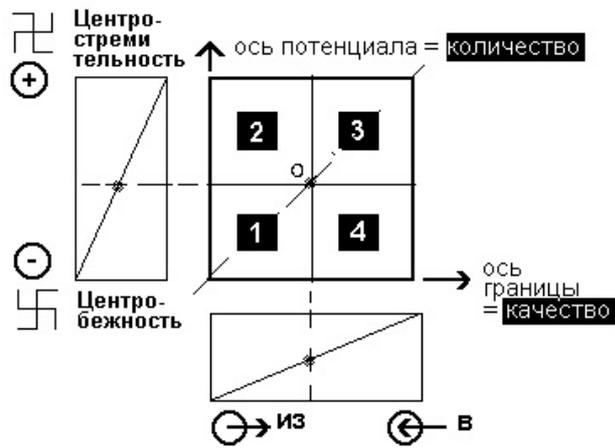

Рис. 5. Схема образования типологической четверки.

В эти четыре типа уже способны вписаться все восемь оставшихся типов генезиса. Тут мы можем или спрессовать их, или поступить как китайцы, удвоив четверку до восьмерки. Тогда мы получим **восьмерку типов генезиса**, совпадающую в инвариантной части по построению с уже рассмотренной древнекитайской мандалой “Порядок внутреннего мира” и восемью родами деятельности по Л.А. Зеленову. Возможно, здесь есть и место для *трех* других пар, которыми мы проводим уровневые модификации. (Подчеркнем, что это группировка у нас только *пробная*, типа “а может быть и так”; ее нужно и можно профессионально шлифовать).

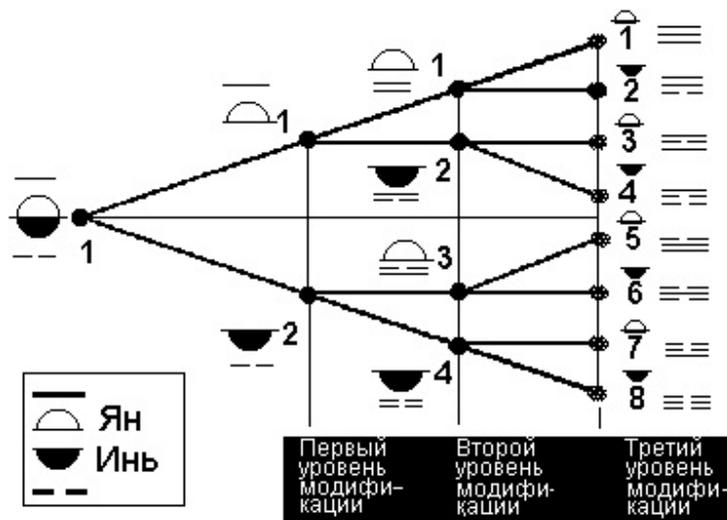

Рис. 6. Основные разновидности генезиса.

Теперь о происхождении самих этих типов. Теретик биологической систематики А.А. Любищев выдвинул *типологию генезисов*, которая была дополнена и расширена в работах А.И. Субетто: к 11-ти любищевским типам он добавил еще десять. Для наших целей интерес представляют только некоторые из них, группирующиеся в пары и только самые основные.

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ

Прежде чем мы перейдем к законам, нужно упомянуть о существовании двух принципов, универсально используемых системогенетикой: это *принцип “поли”* и *принцип “гетеро”*.

Принцип “поли” (множественности) может быть продемонстрирован на таких понятиях, как “полииерархичность”, “полисистемность”, “полихронность”, “полицикличность” и т.п.

Обратим внимание прежде всего на *полицикличность* (множественность типов циклов) и выводимое отсюда центральное для системы понятие *несущего цикла системы*. Несущий цикл задает нам “естественный масштаб системного времени”. В нашем методе мы опираемся на это общее системогенетическое представление и развиваем его в направлении “полифокусности развития”.

Связь *принципа “поли”* с соответствующими понятиями, рассматриваемыми выше, создает параллельные ряды поли-понятий:

Вложенность ---> ПОЛИСИСТЕМНОСТЬ,
Иерархия —> ПОЛИИЕРАРХИЧНОСТЬ,
Генезис —> ПОЛИЦИКЛИЧНОСТЬ,
Время —> ПОЛИХРОННОСТЬ,
Пространство ---> ПОЛИТОПИЧНОСТЬ,
Скорость —> ПОЛИТАХИЯ, и т.д.

Принцип “поли” последовательно реализован в этой нашей работе. Перечислим хотя бы некоторые основные примененные нами модели:

Глобальная полихронность: модель упакованного множества времен (от “астрономического”, космогенетического времени – к геологическому, биологическому и к социальному временам).

Ментальная полихронность: наличие множества особых “социальных времен” внутри современного менталитета (в современном мире).

Ментальная политопичность: наличие множества особых пространственных моделей в современном менталитете.

Вместе эти принципы образуют **полихронотопический** ментальный принцип.

Полисистемное устройство современного социума: наличие на планете множества форм социального устройства.

Полифокусность развития и топического устройства в становлении цивилизаций на Земле (Восток-Запад, четверка Л.И. Мечникова, восьмерка О. Шпенглера и т.д.).

Полигенетическая картина истории, включающая как полихронность, так и полифакторность.

Полифакторность формирования цивилизаций (наш исследовательский принцип многослойного и многофакторного описания истории).

У этого набора большие возможности как в целом, так и в частности. Например, целостный топо-средо-этно-генетический подход и принцип полифокусности истории реализованы в концепции Л.Н. Гумилева.

Один из принципов в этом ряду – **полидеятельный** принцип становления социума (Н.Я. Данилевский, Л.А. Зеленов).

В ходе наших исследований возник такой вопрос: обладает ли принцип “поли” иерархической структурированностью, а если нет, то тогда как он организован?

Например, все времена, присущие основным формам движения материи (глобальная полихрония) у нас упакованы несомненно иерархически (тому способствует сама их “вложенность”) и мы далее даем их связанную типологию.

Пространственные модели, присутствующие в менталитете, (политопия) расположены в последовательности от простых к сложным, в соответствии с усложняющимся *рядом фундаментальных групп симметрии*. Это – ступенчатая закономерность, которая в принципе тоже может рассматриваться как иерархическая вложенность.

Таким образом, глобальный ментальный хронотоп являет нам иерархически-вложенную конструкцию, имеющую черты единого целого. Его единство может быть выражено на едином языке фундаментальных групп симметрии. Принимая это за основу, мы оставляем открытым вопрос о возможности существования других вариантов организации мира “поли”.

* * *

Вторым является **принцип “гетеро” (неоднородности)**.

Разнообразие в системном мире всегда существует в форме целого и это – основное, что составляет содержание принципа “гетеро”.

Мир гетеросистемен, это означает, что *неоднородность по качеству систем* – его фундаментальное свойство. Неоднородность по качеству системного мира – основа существования гармонии и симметрии в их обобщенном понимании, включающем в себя (как переходящие моменты в развитии целого) дисгармонию и асимметрию. Именно на основе этого принципа мы разворачиваем систему модификаций и индикаторов в нашем методе. Мы исходим из того, что неоднородность устроена закономерно и идеалом научного исследования является открытие инвариантов, накрывающих все проявления принципа “гетеро”. Таковые располагаются все ближе и ближе к математике.

Принцип “гетеро” очень важен для нас при фиксации переходов. Например, переходы от времени к пространству в хронотопе позволяют сформулировать

прием *реконструкции гетерохронии по гетеротопии* (поскольку “время застывает в структуре”). Но то же касается и качества (гетероквалии), способного “переходить” в хронотоп. Этот прием хорошо известен и в геологии (поскольку там он позволяет изучать несоизмеримо большой по времени масштаб геологического времени как запечатленный в структуре пространства, в отложениях, *качественно разных* фракциях и т.д.), и в биологическом мире (кольца на дереве и т.п.).

Принцип “гетеро” является одним из основных препятствий при реализации про-деятельностей. Так, например, проектирование в “гетерогенной действительности” считается невозможным, проекты имеют дело только с “гомогенной действительностью”. Для того, чтобы перейти от гетерогенности к гомогенности, в процедурах проектирования применяются специальные методы (типа “выделения главного звена”, ведущей тенденции и т.п.), *трансформирующие* гетеро в моно, частично устраняющие гетерогенность *в приемлемых пределах*. Но мы считаем, что этот недостаток связан с общей неразвитостью системогенетики и ее пока что недоступностью для большинства специалистов-проектировщиков. Мы еще раз повторим – всякая неоднородность, как правило, устроена закономерно и пока она недостаточно нами познана, она и редуцируется нами до однородности. А познанная уже не нуждается в этом.

Интересно отметить, что при постоянном повышении степени сложности в организации социума общая тенденция развития организованностей движется в сторону именно гетерогенных устройств, основанных на кооперации, приобретающей все более квантированные (во времени и пространстве) формы. Таковы, например, сетевые принципы организации и управления с изменяемыми сценариями образования сетей. Программирование, основанное на организации такого типа, уже в принципе позволяет работать с гетерогенными системами.

НОМОЛОГИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ

Появление законов уже само по себе свидетельствует, что наука достигла стадии серьезных обобщений. Статус закона, в отличие от тенденции, закономерности и т.д. в данном случае настолько высок, что вполне соизмерим с философскими законами. Ведь речь идет о системах (в качестве которых может выступать все) и их генезисе (в котором также могут быть включены любые виды генезиса).

Ведущий эволюционный системогенетический закон

Здесь мы выходим на ключевые понятия генетической парадигмы, инвариантные относительно типа и разновидностей системы. Исходят они из уже известных нам устойчивых биологических терминов – “*онтогенез*” и “*филогенез*”, которые приобрели в системогенетике расширенное толкование, близкое к философскому. “*Филосистемогенез*” – филогенез, понимаемый как вся *эволюция*. “*Онтосистемогенез*” – *жизненный цикл системы*, движение по жизненному циклу системы. Они соотносятся как рассматривавшиеся выше понятия “развитие” и “функционирование”. На основе этих понятий можно проиллюстрировать действие так называемого “обобщенного закона Геккеля”. По смыслу он прост: *в онтогенезе повторяется филогенез*, или в полном виде – в онтосистемогенезе повторяется филосистемогенез.

Можно выразить его в уровневых терминах: генетическая информация нижних уровней, сжимаясь, сохраняется на высших уровнях. Обобщенный закон Геккеля демонстрирует механизм системного программирования в эволюции и всех ее видах, он охватывает всю эволюцию и порождает большое количество частных терминов, применительно к специфике разных областей знания. Например, в биологии есть понятие “*эмбриогенеза*”, совпадающее по смыслу с обобщенным законом Геккеля: это – *биогенетический закон Румквиста*. Обобщенный закон Геккеля действует в интеллектогенезе: у ребенка *системное*

время человечества как бы “*обратно сжимается*”, в результате чего интеллект в онтогенезе человека повторяет развитие интеллекта в его филогенезе. Время в социогенезе “сжимается” несколько иначе: те промежутки, которые у человечества шли достаточно медленно по меркам жизни человека, в индивидуальном генезисе “проскакивают” очень быстро, это и есть “обратное сжатие системного времени”.

Если говорить об эволюции в целом, то эволюционная спираль есть процесс *интеллектуализации эволюции*, и она подчинена тем же законам сжатия системного времени. Вот почему медлительная эволюция абиотического мира как бы сжалась в эволюции живого, и обе они сжались в антропогенезе и социозэволюции.

Нам представляется, что эти открытия, принадлежащие системогенетике, недостаточно известны в философии и недостаточно философски осмыслены. Речь идет не только об общих аспектах, которые мы будем рассматривать в следующем параграфе, но и о применении и осмыслении этих новых понятий и законов в самой философии.

Пакетный характер законов системогенетики

Совокупность системогенетических понятий дополняется и развивается **в пакете законов** системогенетики. Каждый из системогенетических законов может быть понят только в системе всех системогенетических законов, то есть здесь срабатывает пакетно-сетевой принцип. Но все, что мы можем позволить себе в рамках обзора, – это перечисление данных законов. Они даны в терминах А.И. Субетто и в основном не требуют особой расшифровки. В этот пакет входят:

- закон спиральности развития;
- закон инвариантности и цикличности развития;
- закон дуальности управления и организации систем;
- закон системного наследования;

- закон системного времени (закон неравномерности развития целого);
- закон спиральной фрактальности системного времени, или обобщенный закон Геккеля (который мы далее развиваем);
- закон системного разнообразия (разворачивающийся в форме системы “законов адекватности”: по разнообразию, по сложности, по неопределенности, по системности);
- парные законы дивергирования (роста разнообразия) и конвергирования (сокращения разнообразия);
- парные законы конкуренции (исключения) и кооперации (дополнения).

* * *

Некоторые законы, имеющие наиболее важное значение *для нашего исследовательского метода*, мы кратко прокомментируем.

Фундаментальность **закона спиральности развития** подтверждается и дополняется целой совокупностью других законов: *законом системного наследования, законом инвариантности и цикличности развития, законом дуальности управления и организации*. Спиральность развития реализуется в форме двух типов спиралей, которые мы ниже будем рассматривать. Членение спирали подчиняется принципу квантования, что и отражает вопрос о структурной гармонии систем.

Закон дуальности управления и организации систем является одним из наиболее часто упоминаемых в литературе законов системогенетики. Он отражает *единство двух наследственных потоков*: наследственного потока, идущего через подмир системы, на уровне подсистем, и наследственного потока, идущего через надмир системы, на уровне надсистем. Это – *потоки от прошлого и от будущего*, два типа наследственного программирования, которые мы уже упоминали. В разработанной А.И. Субетто расширенной концепции этого закона были использованы более ранние концепции А.А. Фельдбаума и В.А. Геодакяна.

Связанный с ним **закон инвариантности и цикличности развития** гласит: системное наследование циклично, а цикличность системогенетична. Этот закон определяет *циклически-волновой характер действия всех системогенетических законов*. Системный инвариант является носителем цикла в развитии и одновременно носителем наследования.

Закон системного наследования впервые был осмыслен в статусе закона А.И. Ракитовым. Затем в работах А.И. Субетто было расширено понимание этого закона за счет включения в него (в качестве необходимого *условия* системного наследования) *наследственного программирования*.

Этот ряд дополняет **закон наследственного инварианта**. Через него реализуется *управляющая функция генетической информации*, на которую в системологической трактовке впервые обратили внимание В.В. Дружинин и Д.С. Конторов.

Парные законы (дивергенции-ковергенции, конкуренции и кооперации) выступают в нашем методе как *индикаторы*, приобретающие свою специфику в циклической иерархии искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Законы, принципы и методы системогенетики, представленные выше, позволяют говорить о ней как о передовом крае науки. На сегодняшний день иных серьезных попыток столь же широкого и столь же интегративного синтеза в науке нет, а этот синтез насущно необходим.

Мы ничего не сказали *о методологии* системогенетики. Это естественно, поскольку именно этой теме в значительной степени посвящена вся наша конференция. Из исторического обзора можно сделать вывод, что одним из основных методов системогенетики был метод “перекрестного опыления”, переноса системных и генетических инвариантов, найденных в одних ее предметных областях на другие. Что характерно, системогенетическая идея

волной прошла по всем ярусам известного нам универсума знаний: и абиотического, и биотического, и технического, и социального, и даже – гуманитарного (знания о человеке). Таким образом, хотя бы принципиально, сам этот универсум уже освоен системогенетикой.

Но методы переноса инвариантов – это одна из разновидностей методологии системогенетики. Мы рассматриваем также *методы синтеза*, основанные на пакетном анализе инвариантов как в статике (онтологическое суперпозиционирование), так и в динамике (генетическое суперпозиционирование). На фоне всепроникающих коммуникационных сетей можно было бы ожидать, что синтез знания будет происходить необыкновенно интенсивно. Но происходит скорее обратное – наиболее важные и сложные проблемы синтеза знаний почему-то остаются на втором плане. Видимо, потому, что они содержательные, а проблемы содержания качественные; в этом смысле развитие глобальных коммуникаций есть только количественное, формальное явление, не меняющее пока общего содержания знаний.

Системогенетика – наиболее продвинутый на сегодняшний день *инструмент* в этой области: постепенное соединение системных понятий с понятиями генетическими, как мы старались показать в историологии, было неизбежным, поскольку синтез знания закономерен, пробелов и исключений в этом процессе не бывает. Но здесь мы явно сталкиваемся с *терминологическим* барьером: освоить арсенал системогенетики в том ее виде, как мы можем наблюдать в системологических, эволюционистских и квалитологических публикациях, пока может только недюжинно образованный и весьма разносторонний ученый.

Так что существует и проблема *понятийного* уплотнения этого нового знания, приемлемых границ его редуцирования для нужд практики, различных способов его представления – все это *семиологическая и графологическая* проблемы системогенетики. Мы ставим целью и обозначить и попытаться где-то частично решить именно эти проблемы взаимоотношения.

Наиболее сложна проблема представления (*выражения*), поскольку, кроме описательных и математических, никаких иных моделей сами системогенетики не употребляют. Это связано с желанием их оставаться в пределах “строгой науки”, а где математика – веками отработанный универсальный язык этой науки. Но у психологов есть правило: если можно обходиться без математических моделей, это надо стараться делать. Не всем удастся освоить фрактальную математику, но все сегодня хоть немного знакомы с визуальными представлениями фрактала (того же Бенуа Мандельброта). Заинтересовавшись захватывающим зрелищем, человек, возможно, обратится и к математике, но первичным в его сознании будет оставаться сверкающий визуальный образ – он целостный, и это, несомненно, очень важно.